VIII '83

ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ СПАРТАКИАДЫ НАРОДОВ СССР!

Народы Советского Союза и США не должны допустить дальнейшего ухудшения отношений между двумя странами, необходимо вернуться на дорогу разрядки и сотрудничества. Об этом заявили представители общественности Москвы и американские участники «Круиза мира по Волге», собравшиеся 18 июля в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького на совместном антивоенном митинге в рамках всемирной кампании за разоружение.

Фото А. Семехина (ТАСС)

О ленинградском опыте подготовки кадров в профтехучилищах рассказывает в очерке «Мы — из ПТУ!» корреспондент «Огонька» О. Петриченко (стр. 6—8).

На снимке: эти девушки из ПТУ № 38 изучают машинопись, стенографию, иностранный язык.

Фото И. Тункеля

23 июля — торжественное открытие VIII летней Спартакиады народов СССР. Читайте в номере беседу с главным судьей Спартакиады А. И. Колесовым «Все шире шаг спартакиадный» (стр. 3).

На финальных соревнованиях по академической гребле командную победу одержали гребцы Литвы, которым раньше всего лишь раз удалось завоевать бронзовые спартакиадные медали.

На снимке:

Чемпионы VIII летней Спартакиады народов СССР литовские спортсменки В. Каваляускайте и Л. Данейкайте.

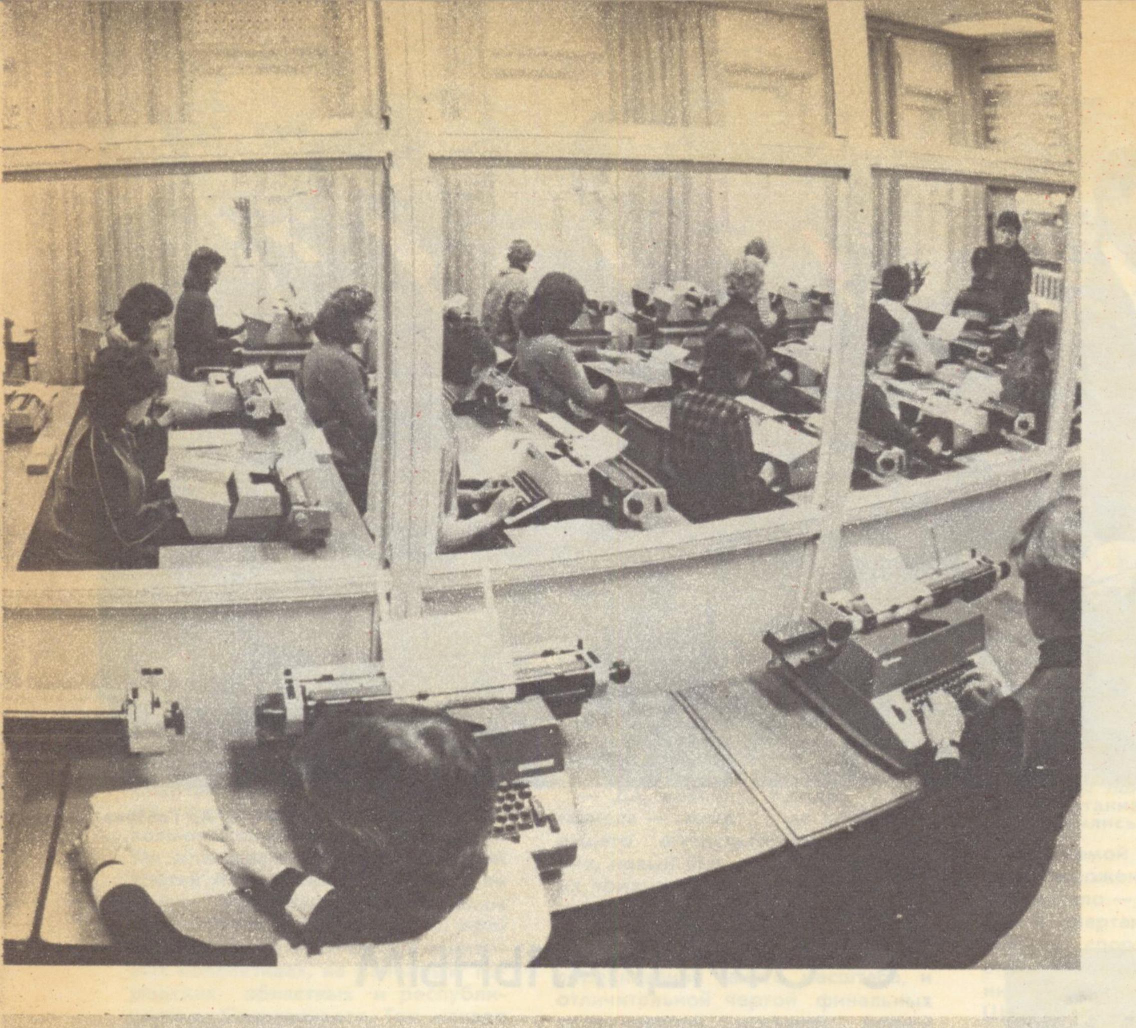
Фото А. Бочинина

ФОТО НЕДЕЛИ

На Красной площади — четкие шеренги молодых офицеров. Здесь состоялся торжественный выпуск курсантов Московского высшего общевойскового командного орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменного училища имени Верховного Совета РСФСР. Это сто шестой выпуск училища, созданного по личному указанию В. И. Ленина.

Фото В. Парадни

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2923)

23 ИЮЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

КРАСНОЗНАМЕННОМУ СЕВЕРНОМУ ФЛОТУ — 50 ЛЕТ

О подводниках, летчиках, морских пехотинцах, представителях других военно-морских профессий, которые с честью несут свою нелегкую вахту,—

очерк Б. Сопельняка и цветная фотовкладка А. Награльяна «Североморцы»— стр. 16—18.

«Прибыв на место происшествия, Фартусов вместо страшного разгрома, расписанного начальником, увидел довольно невинное зрелище».

Маленькая повесть В. Пронина «Из самых лучших побуждений» — стр. 22—24.

К 200-летию со дня рождения Симона Боливара —

очерки Ю. Беляева «Небо достать рукой» и С. Караваева «Либертадор — Освободитель» — стр. 20—21.

ПРИМЕТА НЫНЕШНЕГО ГОДА — СЕЛЬСКИЙ ПОДРЯД!

О том, как складываются новые экономические отношения на селе,

рассказывают Николай Быков и Борис Кузьмин в фотоочерке «Живая земля»— стр. 10—12.

Фото А. Гостева

Встреча в Кремле.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 18 июля в Москву с официальным дружественным визитом прибыла партийно-правительственная делегация Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ВСРП Яношем Кадаром.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета Я. Кадара, других членов делегации тепло приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

В Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, Я. Кадара, других членов делегации сердечно, по-братски приветствовал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов.

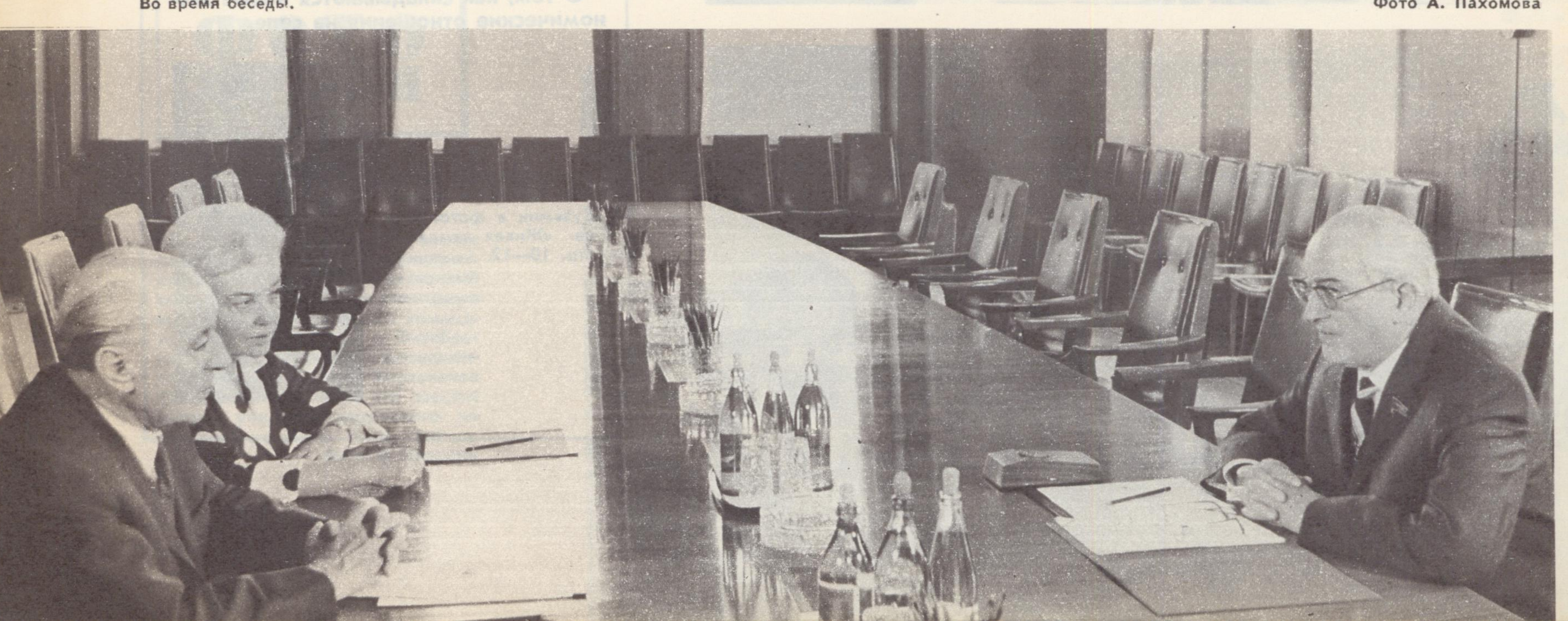
На церемонии встречи в Кремле присутствовали товарищи А. А. Громыко, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. И. Долгих, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, другие официальные лица.

Были подняты государственные флаги ВНР и СССР.

19 июля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов встретился с Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром. Беседа товарищей Ю. В. Андропова и Я. Кадара проходила в атмосфере сердечности, дружбы, взаимопонимания по всем обсуждавшимся вопросам.

Во время беседы.

Фото А. Пахомова

ВСЕ ШИРЕ ШАГ СПАРТАКИАДНЫЙ

А. И. КОЛЕСОВ,
заместитель председателя Спорткомитета СССР, главный судья VIII Спартакиады народов СССР

— Анатолий Иванович, уже в четвертый раз вы возглавляете работу судейской коллегии на Спартакиадах народов СССР. Мы просим вас обрисовать нашим читателям значение этих крупнейших комплексных соревнований.

— Я бы сказал, что каждая Спартакиада — это живая панорама физических и нравственных возможностей народа: ведь в ней так или иначе участвует каждый третий житель нашей страны, если учесть, что решающим финалам предшествуют соревнования, проводящиеся по всей стране в низовых коллективах, на районных, городских, областных и республиканских Спартакиадах. Так, начало восьмой Спартакиаде народов СССР было положено еще в 1981 году. Кстати, именно в том году было опубликовано важнейшее постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта».

— Под каким лозунгом проходят соревнования восьмой Спартакиады народов СССР?

— Этот лозунг выражает основную мысль постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Девиз восьмой Спартакиады: «от массовости к мастерству».

— Как он реализуется в жизни?

— В ходе соревнований восьмой Спартакиады только в 1982 году 30,6 миллиона человек выполнили нормативы ГТО. Широкое развитие получило народное самодеятельное движение, выразившееся в массовых спортивных соревнованиях и конкурсах, таких, как «Всей бригадой на стадион», «Всей семьей на старт», «Движение для здоровья». Миллионы советских людей приняли участие во всесоюзных днях бегуна, лыжника, пловца, стали участниками легкоатлетических кроссов, велопробегов, массовых заплывов. По приблизительным подсчетам, в финалах восьмой Спартакиады примут участие около одиннадцати тысяч сильнейших спортсменов страны.

— Это же поистине олимпийский размах!

— У нас уже стало обычным сравнивать Спартакиады по размаху с Олимпийскими играми. Но сейчас Спартакиады по одному показателю превзошли Олимпиады. Если финальные соревнования первой Спартакиады народов СССР, состоявшейся в 1956 году, проводились по 21 виду спорта, то программа восьмой состоит из 32 видов. Тут уместно упомянуть о том, что на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе будут представлены 23 вида спорта.

— Может быть, имеет смысл сказать несколько слов о программе восьмой Спартакиады народов СССР?

— Да, конечно. Каждая Спартакиада — смотр масштабности нашего физкультурного движения, новый шаг вперед. В каждом из тридцати двух видов свои выдающиеся мастера, способные на самые высокие результаты. Нелегко было спланировать календарь соревнований такого масштаба, и отличительной чертой финальных соревнований восьмой летней Спартакиады народов СССР является ее протяженность во времени и пространстве. Первые соревнования состоялись в мае, а завершатся финальные соревнования только 5 августа. Вот и получается, что, хотя торжественное открытие Спартакиады было назначено на 23 июля, началась она на два месяца раньше.

— Давайте, Анатолий Иванович, раскроем календарь финальных соревнований, чтобы представить себе размах Спартакиады.

— Ну что же, вот он, календарь, над которым мы так долго трудились. Сейчас, когда в канун торжественного открытия Спартакиады мы беседуем, уже известны чемпионы среди баскетбольных и волейбольных команд, ватерпольного турнира и соревнований пятиборцев. Закончили соревнования гребцы и легкоатлеты, фехтовальщики и теннисисты, а впереди захватывающие старты боксеров, гимнастов, борцов, яхтсменов, стрелков, тяжелоатлетов, футболистов. Такое количество событий трудно вместить в рамки одного города, и уже на шестой Спартакиаде народов СССР целый ряд финалов был разыгран в столицах союзных республик, а также в Ленинграде и Каунасе. Вот и на этот раз, вовлекая в орбиту Спартакиады жителей разных районов страны, соревнования уже проводились и будут проводиться в Алма-Ате, Днепропетровске, Симферополе, Ташкенте, Вильнюсе, Каунасе, Иванове, Туле, Рязани, Львове, Таллине.

Имя первого чемпиона восьмой Спартакиады мы узнали 14 мая, когда победу в женском марафоне одержала спортсменка из Алма-Аты Зоя Иванова. Кто станет последним чемпионом, узнаем лишь 5 августа, в канун торжественного закрытия Спартакиады. Какая разнообразная, яркая картина! И, судя по первым результатам, которые были достаточно высоки, нас ждет много запоминающихся событий. Да и что в этом удивительного, если перед нами выступят сильнейшие спортсмены не только нашей страны, но и многих зарубежных стран, наши гости.

— Вот и еще один вопрос, которого мы пока не касались, — гости Спартакиады. Когда впервые они появились?

— В самой сути наших Спартакиад заложено интернациональное начало — ведь еще на Всесоюзной спартакиаде 1928 года выступали спортсмены из многих стран — Австрии, Венгрии, Германии, Норвегии, Польши, Франции, Швеции, Финляндии. А в финальных соревнованиях седьмой Спартакиады, которые проводились перед XXII Московской Олимпиадой, приняли участие 2306 иностранных спортсменов, и многие из них самого высокого ранга — чемпионы и рекордсмены мира, олимпийские чемпионы. Лучшие из них вернулись домой с призовыми медалями Спартакиады. Но наши гости имели возможность выступать только в личном зачете, а самую большую, вдохновляющую радость приносит на таких соревнованиях командная победа.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об этой стороне Спартакиады.

— Все мы знаем, что борьбу на Спартакиаде ведут команды пятнадцати союзных республик, Москвы и Ленинграда и что результаты отдельных спортсменов и команд пересчитываются в очки, в конечном счете и дающие победу по всей комплексной программе. Но подсчет этот ведется с помощью счетных машин и лишь эпизодически доводится до сведения зрителей, которые увлечены реальными успехами отдельных спортсменов. Но для самих спортсменов эта подспудная, цифровая, если можно так сказать, сторона Спартакиады является огромным вдохновляющим началом. И это начало сплачивает в один монолитный отряд спортсменов всех видов спорта. Сознание, что твоя победа, твой рекорд внесены в копилку одной большой команды — вот что вдохновляет. И каждый спортсмен, которому посчастливилось испытать торжество его личной победы, согласится со мной, что оно вспыхивает в нем во много раз ярче, если сопряжено с победой всей команды, в составе которой ты боролся.

— А каким командам чаще всего удавалось торжествовать победу?

— На первых четырех Спартакиадах побеждали москвичи, на последних трех — спортсмены команды Российской Федерации (сборная областей, краев и автономных республик) не раз поднимались на пьедестал почета команды Украины и Ленинграда. Тут нет ничего удивительного — в этих республиках и городах спорт пока развит лучше, чем в некоторых других, и чтобы как-то уравнять возможности сборных команд, придать им дополнительный стимул для борьбы, на восьмой Спартакиаде внесены существенные изменения в порядок командной борьбы. Семнадцать сборных коллективов распределены на три группы, причем в каждой группе осуществляется свой зачет. В первую и вторую группы входят по пять команд. Обязательными для первой являются все виды соревнований, во второй — восемнадцать видов. Семь остальных команд имеют право выступать по 12 видам спорта (разумеется, ряд видов обязателен для всех). Таким образом, почетные призы Совета Министров СССР получит значительно большее число команд.

— И все же, как ни захватывающа и личная и командная борьба в финале, мы не можем не видеть за фигурами победителей, героев Спартакиады, тех, кто выступал на всех предыдущих этапах — миллионы рядовых физкультурников.

— Конечно. Забота о привлечении все большей массы рядовых физкультурников к спартакиадным стартам лежит в основе нашей работы. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить хотя бы две цифры: в первой Спартакиаде на всех ее этапах приняли участие 24 миллиона человек, а уже во второй — число участников возросло до 40 миллионов...

Я понимаю, что манипулирование миллионными цифрами приводит к тому, что их реальность многие перестают ощущать. Но вот конкретно факты, которые показывают, какими средствами достигалось расширение массовости Спартакиад. Начиная с третьей Спартакиады в общем командном зачете начали учитываться результаты соревнований сборных команд школьников, а в программу шестой Спартакиады, посвященной 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, были включены соревнования по 15 техническим видам спорта.

Восьмая Спартакиада вышла на финишную прямую, и нам предстоит стать свидетелями интереснейших событий. Пожелаем же участникам Спартакиады счастливых стартов и победных финишей!

Беседу вел В. ВИКТОРОВ.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СПАСТИ ЕВРОПУ ОТ ЯДЕРНОГО ВЕЗУВИЯ

Владимир КАТИН

Быть в Западной Европе новым американским ракетам, нацеленным на социалистические страны, или не быть — это фактически означает быть или не быть здесь опаснейшему очагу напряженности. Именно так стоит вопрос. Например, размещение новых американских ракет на территории ФРГ означало бы, что впервые за послевоенную историю с немецкой земли вновь будет исходить военная угроза для советского народа.

Позиция нашей страны в вопросе ядерного оружия в Европе такова: следует не ввозить новые ракеты, а резко сократить уровень ядерного противостояния при строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. Советский Союз на переговорах с США в Женеве по вопросу о ядерном оружии в Европе решительно отстаивает эту позицию, стремясь достигнуть взаимоприемлемого соглашения, учитывающего интересы обеих сторон. Это единственно разумный путь.

Что касается позиции США, то она сводится к требованию одностороннего разоружения СССР.

Таковы два подхода к одной проблеме. Руководители стран НАТО считают, будто СССР пойдет на уступки на переговорах в Женеве после размещения в Западной Европе новых американских ракет. Наивные расчеты! Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов в беседе с Федеральным канцлером ФРГ Г. Колем прямо заявил: «Это — глубокое и опасное заблуждение. Если уж дойдет до размещения, мы не позиции свои сдавать будем, не оборону свою ослаблять, а примем своевременные и эффективные ответные меры, ограждающие безопасность СССР и его союзников».

Таков наш недвусмысленный ответ всем тем в Западной Европе, кто думает «постращать» Советский Союз американскими «першингами» и крылатыми ракетами.

В случае развития событий в Европе по сценарию Соединенных Штатов будет немедленно создан противовес новому военному потенциалу НАТО. Причем ответные меры Советское правительство примет по договоренности со своими союзниками. Это отнюдь не угроза. Это вынужденные шаги, единственная цель которых — не допустить нарушения сложившегося баланса сил в Европе. В итоге равновесие будет восстановлено, но на более высоком, более опасном уровне.

Для того чтобы избежать столь угрожающего развития событий, чтобы избежать перенасыщения Европы ядерной взрывчаткой, Советский Союз в который раз предлагает договориться о сокращении ядерных арсеналов обеих сторон вместо их увеличения. Возможности для этого пока еще есть. Но время не ждет. Ведь каждый месяц, упущенный для достижения договоренностей по ограничению вооружений, порождает новые трудные вопросы.

Да, сегодня безопасность, а если хотите — спасение континента древних цивилизаций от ядерного смерча, зависит только от самих европейцев. Безопасность народов, живущих в Западной Европе, зиждется не на Монбланах ядерного оружия. «Лучшим решением проблемы ядерных вооружений здесь, — считает Ю. В. Андропов, — было бы полное освобождение европейского континента от ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Это — реальный путь к безъядерной Европе. Его, разумеется, должны пройти все государства, имеющие ядерное оружие в этом районе».

Свою часть этого пути, безусловно, готов пройти и Советский Союз, уже сделавший шаги в этом направлении. Наши предложения четки и ясны для понимания: СССР готов к тому, чтобы у него было и ракет и боеголовок на них не больше, чем на стороне НАТО. Осуществление этого советского предложения существенно приблизило бы Европу к полному освобождению от ядерного оружия всех видов. Поэтому наша страна призывает всех европейцев к тому, чтобы начать поэтапно выдворять ядерные вооружения с континента, разминировать его на вечные времена.

Мы исходим из того, что никакие мировые проблемы, включая исторический спор между социализмом и капитализмом, не могут быть решены военным путем. Отсюда и стремление к поиску мирных средств, к достижению взаимоприемлемых компромиссов, стремление вести со своими западными партнерами честные конструктивные переговоры. Страны социализма выступают против соревнования в области ядерных вооружений в целом, против любого военного соперничества.

Даже по самым сложным вопросам всегда можно договориться, но для этого нужна обоюдная политическая воля. Однако США не проявляют такого подхода. Везде, где сейчас ведутся переговоры, они умышленно тянут время, исходят из заранее запланированной ими же самими неудачи подобных переговоров. При таком положении вещей невозможно прийти к общему знаменателю. Для достижения конкретных договоренностей необходимо вести переговоры в позитивном духе, осуществлять шаги, способствующие созданию благоприятной атмосферы для их прогресса, и не принимать действий, которые могли бы их осложнять. Таков призыв социалистических стран, такова их общая политическая линия.

---

19 ИЮЛЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК РЕСПУБЛИКИ НИКАРАГУА — ДЕНЬ РЕВОЛЮЦИИ.

АРМИЯ И НАРОД ЕДИНЫ

Бойцы Сандинистской народной армии ведут огонь по врагу.

Фото из журнала «Тайм»

Листаю свежую подшивку газеты «Баррикада», органа Сандинистского фронта национального освобождения...

2 июля. Вооруженные силы Гондураса с 7 до 10 часов утра обстреливали городок Теотекасинте из орудий калибра 106,7 миллиметра. В 12 часов они возобновили его обстрел, а затем перенесли огонь на деревни Палмар и Мурупучи.

3 июля. Отряд СНА (Сандинистской народной армии) в стычке с контрреволюционной бандой в одиннадцати километрах от местечка Васлала ликвидировал восемь сомосовцев. Убит главарь банды Хенаро Уэте, известный больше по кличке «Пантера»...

И так день за днем. Одна провокация за другой. Только в этом году от бандитских вылазок и артиллерийских обстрелов гондурасской армии погибло более шестисот никарагуанцев. Жертвами необъявленной войны стали учителя, специалисты промышленности и сельского хозяйства, врачи, инженеры. Сомосовские банды нанесли стране колоссальный материальный ущерб.

В небольшом городке Килали, расположенном в тридцати километрах от гондурасской границы, мне запомнилась встреча с сержантом СНА Рамоном Кастильо:

— В последнее время сомосовские банды не решаются на крупномасштабные операции. Дело в том, что в начале этого года сомосовские головорезы, из которых ЦРУ сколотило в южных районах Гондураса настоящую армию, крупными группировками проникали в глубь нашей страны. Но все они были перехвачены, окружены отрядами СНА и бойцами-резервистами. Контрреволюционные группировки понесли крупнейшие потери. Сотни сомосовцев были убиты, многие бандиты сдались в плен.

— Таким образом,— подчеркнул Рамон Кастильо,— СНА при активной поддержке населения сорвала планы Вашингтона, которыми предусматривалось создание сомосовцами сети опорных баз на нашей территории с тем, чтобы, во-первых, создать некое временное правительство, а во-вторых, организовать наступление на Манагуа.

Однако разгром этих сомосовских банд не принес никарагуанцам долгожданного мира. Нависшая над страной опасность продолжает нарастать. Многие из бандитов передислоцировались на восток Гондураса, в район, граничащий с никарагуанскими департаментами Хинотега и Матагальпа. Как стало известно в генеральном штабе СНА, ЦРУ планирует новое крупномасштабное вторжение на территорию Никарагуа, именно через эти департаменты. Совсем недавно шеф ЦРУ У. Кейси совершил секретную поездку по сомосовским базам в Гондурасе с целью определить размеры новой помощи никарагуанской контрреволюции. Сейчас речь уже идет о финансировании и поставках оружия для армии численностью в 12—15 тысяч наемников. С другой стороны, США все активнее втягивают Гондурас в военные действия против Никарагуа. Они подталкивают местную военщину на опасные авантюры. Имеются факты, свидетельствующие о непосредственном участии гондурасских солдат в совершаемых сомосовцами рейдах в глубь Никарагуа.

Никарагуанский народ хочет мира. В этом убеждаешься, поговорив с пограничником или рабочим, солдатом-резервистом или крестьянином. Об этом говорят слезы матерей, потерявших своих сыновей в боях с наемниками, заплаканные лица детей, которые уже никогда не обнимут своих отцов. Об этом свидетельствуют многочисленные призывы правительства Никарагуа к Гондурасу сесть за стол переговоров и решить все спорные вопросы мирным путем.

Выступая на днях перед писателями и художниками, съехавшимися в Манагуа почти из всех стран американского континента на конференцию по проблемам Центральной Америки, Серхио Рамирес, член руководящего совета правительства страны, заявил, что народ Никарагуа готов с оружием в руках защищать свою революцию.

— Наша армия и народ едины,— сказал мне учитель Карлос Аугустино.— Я бы сказал даже, что сейчас никарагуанская армия — это весь народ. А народ, познавший свободу, победить нельзя.

И. ПЕТУШКОВ,
соб. корр. АПН — специально для «Огонька»

26 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ СО ДНЯ ШТУРМА КАЗАРМЫ МОНКАДА НА КУБЕ. ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ.

Александр ЩЕРБАКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

МАСШТАБ РЕСПУБЛИКИ

Лавина факельного огня поглотила широкую лестницу главного корпуса университета и оттуда, расплавляя пламенем густо-синие сумерки, хлынула к памятнику Антонио Мелья, шумно потекла по Гаване. Студенты кубинской столицы отмечали 130-летие со дня рождения Хосе Марти — великого латиноамериканского революционера, основателя Кубинской революционной партии. Следующим утром на огромной площади Хосе Марти школьники и студенты показывали театрализованное представление, их сменили демонстранты. Музыка и яркие краски преобразили площадь. В светлом торжестве этом отразилась вся сегодняшняя Куба — мужественная и гордая, уверенная в своих силах, монолитная, прилежно и терпеливо усваивающая диалектику революции.

...В маленьком кафе на романтичной улице старой Гаваны мы с коллегами из журнала «Боэмия» заказали по чашке молока. Пока большеглазая официантка угощала нас, говорили о том, как много значит сегодня для кубинцев возможность купить молоко. Так же, как возможность определить в детский сад малыша, поступить учиться, получить жилье. Жизнью доказано: революционный процесс сложен. В нем переплетены политические, экономические, социальные проблемы, и, чтобы решить их, требуется время. Бесстрастные прогнозисты с академической непогрешимостью определяют: на одну проблему потребуется полвека, на другую — и того больше. Но история отпускает свои сроки, в них необходимо укладываться, иначе завоевания народа окажутся под ударом. И революция справляется с этими сроками.

До 1959 года, пока восставший народ не смел власть диктатора Батисты, большинство крупных предприятий на Кубе принадлежало иностранцам. Хотя какие они были «крупные»! Четырнадцать насчитывали более пятисот рабочих, на нескольких сотнях других трудилось по... три — пять человек. Латифундисты контролировали четыре пятых всей возделываемой на острове земли. Больше половины людей, занятых в сельскохозяйственном производстве, не имели даже мизерного собственного надела. Продукты питания ввозились из-за рубежа, ничтожное количество кубинцев знало, что такое есть досыта. Страна страдала от безработицы, профессия врача, инженера, агронома была редкостью.

Годы прошли. Республике оказалось под силу решение тяжелейших задач, и одной из главнейших — решение проблемы подготовки специалистов. В поездке по Кубе я неоднократно убеждался: вот они, ощутимые результаты в государственном масштабе. В достижениях этих прежде всего заслуга людей — революционного поколения нынешней Кубы.

...На Кубе поют все. Луис Пихейра поет народные песни просто прекрасно. Мы встретились в лаборатории Высшего института сельскохозяйственных наук. Луис вместе со своим другом Умберто Эрнадесом, также сотрудником института, повели разговор об аграрных заботах.

— Мы здесь на одинаковом положении — преподаватели и исследователи,— начал Луис свой рассказ.— Перспективы у нас интересные, в них главное — причастность к грандиозным задачам строительства социалистической Кубы. Умберто — специалист по картофелю. Две его научные работы уже нашли применение в практике.

Умберто предложил посмотреть владения института. По дороге он сказал:

— На Кубе не так много пахотной земли, учимся использовать ее с максимальной эффективностью. Смысл моей научной темы — как максимально уплотнить посевы картофеля и при этом смело использовать технику.

Владения института богаты. Семь лет назад он отделился от университета. Сегодня это великолепные учебные корпуса, опытное хозяйство, лаборатории, общежития, машинный парк. На пяти факультетах занимается пять тысяч студентов, из них две тысячи «вечерников».

В стране широко используется советский опыт сотрудничества вузов с научными центрами. Педагоги преподают и ведут научные исследования, приобщая к ним студентов с первых дней учебы.

— Надо полагать, тут научный успех зависит от того, насколько исследования отвечают требованиям дня?— задаю вопрос молодым ученым.

Луис объясняет суть исследований. Кажется, будто читает он поэму, хотя суть-то прозаична.

— Моя область — агрохимия, а предмет изучения — соя, культура на Кубе, можно сказать, новая. Республика интенсивно развивает животноводство. Большим стадам нужно много корма, причем силоса. Что лучше сои, если ей подходят условия?! Но ее надо приучить к здешним агроусловиям. Соя обогащает почву азотом. Так вот, надо изучить, отобрать сорта, которые, во-первых, лучше других приживутся на Кубе, а во-вторых, окажутся щедрее других на азот. Бактерии, спутники сои, способны оставить в почве столько азота, сколько дадут два центнера искусственно вносимых азотных удобрений в расчете на гектар. Представьте, сколько труда и средств можно экономить в масштабе республики.

Вот оно, главное! Ребята мыслили в масштабе республики: дела страны одинаково важны для преподавателя и для рабочего, крестьянина и министра, студента и инженера. Об этом мечтали молодой Фидель Кастро и его боевые соратники, когда тридцать лет назад ранним утром 26 июля 1953 года шли на штурм казармы Монкада. Три десятилетия, прошедшие с того утра, подтвердили: мечты и надежды вождей кубинской революции были мечтами и надеждами одержимых романтиков и мудрых реалистов. В сельскохозяйственном кооперативе «Дружба Куба — Никарагуа» молодой зоотехник Хосе Антонио Гарсиа рассказывал мне:

— Интересно быть участником превращений, которые происходят сейчас в кубинской деревне. Вот у нас, например, объединились двести тринадцать крестьян, чтобы вместе обрабатывать больше тысячи гектаров земли. Государство помогло кооперативу стать на ноги — купить машины, обзавестись инвентарем, начать строительство.

Из года в год заметно меняется жизнь крестьян. О школе раньше и не мечтали, а сейчас их две, в том числе одна для взрослых. Поликлиника, двадцать восемь домов для членов кооператива, столько же строится. Правильно ведь, чтобы люди в своих стенах чувствовали, что все к лучшему. Техника в основном в руках молодых. В кооперативе «Дружба Куба — Никарагуа» есть техническая бригада молодежи. За прошлый год ею восстановлено различных деталей на тридцать пять тысяч песо!

Об этих технических бригадах молодежи стоит говорить особо. Подробно поведал о них Эдуардо Бенкомо, член Национального Комитета Союза молодых коммунистов республики и президент Совета технических бригад.

— В них объединились более двухсот десяти тысяч человек,— рассказал он.— Рабочие, инженеры, преподаватели, научные работники, механизаторы. Цель таких бригад — способствовать техническому прогрессу в народном хозяйстве страны. Повышение квалификации, пропаганда технических знаний, налаживание профориентации в школах — вот одна сфера приложения молодых сил. Другая — чисто практические задачи. Экономическая блокада со стороны Соединенных Штатов Америки, хочешь не хочешь, а дает себя знать. В промышленности еще много старых американских машин, станков, агрегатов. Для них нужны запасные части, которых нет. В бригадах занимаются реставрацией старых деталей, изготовлением новых. Назову цифру: двадцать шесть миллионов песо. Столько внесли за одно полугодие минувшего года в общую копилку технические бригады молодежи. Особо отличившихся мы награждаем медалью «Основоположник будущего».

А будущее рождается каждодневно. Появляются не только новые предприятия — новые отрасли промышленности, такие, как металлургическая, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая, сельскохозяйственное машиностроение, промышленность строительных материалов... Сорок высших учебных заведений готовят специалистов для всех областей жизни страны.

Понятие масштаба республики давно перешагнуло границы острова, в рамках интернационализма приобрело новое качество. Весь мир следит за свершениями Кубы, поэтому то, что совершается на острове Свободы, имеет огромное международное значение.

Понимая это, мне нетрудно было представить Хосе Антонио Гарсиа — зоотехника из кооператива «Дружба Куба — Никарагуа» на горячей земле Эфиопии. Он провел там без малого три года — его посылала революция.

Алсидес — отец шестерых детей, возивший меня на зеленых редакционных «Жигулях» по Кубе, дважды за короткий сравнительно срок отправлялся в Анголу, где кубинские воины-интернационалисты помогают молодой республике отстаивать свою независимость.

И профессор-экономист Гаванского университета Эктор Кастаньо тоже собирался, когда мы встретились в Гаване, в Луанду.

— Надо помочь Анголе готовить специалистов, мы-то уже знаем, что революция не победит без науки.

...Факельное шествие гаванских студентов в канун дня памяти Хосе Марти... Как оно символично! Ведь Республика Куба нынче как факел для пробудившегося, воюющего за свободу мира, чьи надежды сбываются сегодня. Потому что это надежды миллионов.

Гавана.

Луис Пихейра — молодой ученый. Фото Энрико Кастро («Боэмия»).

Мы из ПТУ!

Олег ПЕТРИЧЕНКО

Есть в Ленинграде на Инженерной улице уникальный музей, подобных которому, как утверждают знающие люди, нет ни в одном другом городе. Посвящен он истории профессионально-технического образования, и рассказ о ней начинается еще с грозных Петровских указов, строго регламентировавших условия подготовки надежной смены для мастеров, возводивших молодую столицу, строивших на Адмиралтейской верфи первые ее корабли.

Петровским называется и зал, большая часть экспонатов которого относится к дореволюционному периоду. Здесь в зарисовках современников, в жестокой правдивости фотографий и документов предстает перед нами давно исчезнувший мир подневольного, рабского труда, осквернявшего лишениями и нуждой самую светлую пору человеческой жизни — юность.

Впрочем, почему исчезнувший? Недавно «Огонек» перепечатал из западногерманского журнала «Шпигель» статью, рассказывающую о молодых безработных ФРГ. Право же, некоторые из этих семидесяти — восьмидесятилетней давности музейных фотографий, документов без особого ущерба для истины могли бы сопровождать ее или любую иную статью, правдиво отражающую положение молодежи Запада, лишенной одного из основных прав человека — права на труд...

Да, изменились моды, интерьеры помещений, облик улиц. Но неизменен остался облик безработицы: огромные толпы, осаждающие биржи труда, усталая безнадежность в глазах людей, отчаявшихся отыскать честное дело для своих рук. Десятилетия разделяют русского мальчишку, стоявшего в такой очереди в начале века, и его одетого в джинсы американского, английского, западногерманского сверстника, до сих пор томящегося в ней. Общая беда объединяет их судьбы — несчастье родиться в капиталистической стране.

У нас право на труд утверждалось первыми декретами победившей революции. И глубоко символично, что в бывшем штабе ее, в белоколонном Актовом зале Смольного, каждую весну собираются выпускники школ Ленинграда и области, изъявившие желание учиться в профтехучилищах. Собираются, чтобы встретиться со старшими товарищами — партийными, советскими, профсоюзными, комсомольскими работниками, ветеранами партии и комсомола, героями войны и труда, чтобы услышать от них добрые слова напутствия, советы и пожелания, поделиться своими замыслами, планами.

Эти встречи — убедительный пример искренней заинтересованности, заботы партии, правительства о судьбах подрастающего поколения. Выражается она в конкретных делах: только в Ленинграде и области в настоящее время действует 208 профтехучилищ, в которых обучается около 120 тысяч юношей и девушек.

Выбор профессий — богатейший, и единственная сложность, стоящая перед выпускниками, заключается в том, чтобы не ошибиться в этом выборе, найти себе работу и по душе и по способностям.

Музей истории профтехобразования находится в том же здании, где расположена лаборатория профориентации Главного управления профтехобразования Ленинграда и области. Ежедневно со всего города приезжают сюда старшеклассники, чтобы встретиться, посоветоваться с компетентными людьми, с их помощью «присмотреть» себе наиболее интересное ПТУ.

— Согласитесь, в четырнадцать-пятнадцать лет не так-то просто решить вопрос, во многом определяющий твою дальнейшую судьбу,— говорит заведующая лабораторией Л. Величко.— Из сотен возможных вариантов надо выбрать единственный, наиболее полно отвечающий мечтам, возможностям. И наша цель — еще в школе открыть глаза ребятам на увлекательность рабочих профессий, доказать, что самостоятельность, приобретенная на заводе или стройке, умение созидать мир собственными руками помогут им достичь высот на любом поприще. И самый верный путь для достижения этой цели — налаживание тесных контактов между школой и ПТУ.

Начали с проведения «дней открытых дверей», совместных педсоветов, родительских, комсомольских собраний. И сегодня школьники и учащиеся ПТУ вместе играют в футбол, создают радиоуправляемые модели самолетов, путешествуют и отдыхают в лагерях, выступают в вокально-инструментальных ансамблях, ставят опыты в лабораториях, организуют театральные студии, агитбригады... А еще они вместе работают. Например, минувшим летом только школьники выпустили различной продукции почти на 4,5 миллиона рублей.

Разумеется, подростки не сразу и не вдруг приобщаются к жизни училищ. Образно говоря, дорога сюда вымощена для них терпением и заботами мастеров, преподавателей, комсомольских активистов ПТУ, которые шефствуют над классами, устраивают викторины, диспуты, выставки технического творчества и показательные уроки труда.

Координируется эта работа советами по профессиональной ориентации, созданными при каждом училище, а самые увлеченные исполнители ее — члены комсомольских общественных приемных комиссий. Такие комиссии действуют круглый год. Проводимые ими собеседования, анкеты помогают училищам лучше узнать своих будущих абитуриентов, учитывать настроения и требования ребят.

Взаимоотношения школ и ПТУ строятся на основании договоров о совместной работе их педагогических коллективов и комсомольских организаций. Интересно в этом плане содружество ПТУ № 6 объединения «Ижорский завод» и школ Колпинского района города. Здесь все подшефные классы закреплены за подразделениями предприятия. Лучшие рабочие, инженеры объединения стали наставниками, пионервожатыми, организовали в школах кружки технического творчества, создали учебно-консультационный пункт с кабинетом профориентации по ведущим профессиям предприятия. Таким образом, работа, проводимая с подростками в ПТУ, находит логическое продолжение на предприятии, строящем свою кадровую политику в расчете на трудовые ресурсы собственного района.

Аналогичных примеров немало. А объединяет усилия всех заинтересованных сторон городская комиссия по профориентации и содействию в трудоустройстве выпускников общеобразовательных школ. Можно смело утверждать, что интерес ребят к рабочим профессиям заметно вырос. Только в минувшем учебном году ПТУ посетили более сорока тысяч школьников, а осенью многие из них подали туда заявления с просьбой о приеме.

Не будем забывать, однако, что у сорока тысяч школьников минимум восемьдесят тысяч советчиков — мам, пап, бабушек, дедушек, мнение которых на семейном совете является, как правило, решающим. Мало убедить мальчишку в том, что профессия оператора станка с числовым программным управлением является для него самой подходящей,— надо, чтобы в это поверили и его родители, поверили в серьезность намерений ПТУ дать их наследнику не только обычный школьный аттестат, но и весомый рабочий разряд — гарантию его профессиональной самостоятельности, компетентности в стремительно обновляющемся мире современного производства.

Ведь в отличие от стран Запада, где возможность получить высшее образование — удел сравнительно немногих хорошо обеспеченных юношей и девушек, у нас оно доступно практически каждому выпускнику школы, успешно сдавшему вступительные экзамены. Обучение у нас, как известно, полностью бесплатное, поэтому материальная сторона вопроса значения, по существу, не имеет. Это одно из самых значительных достижений нашего социалистического общества, мы заслуженно гордимся им, но, что скрывать, пользуемся порой неразумно, желая поскорее дать своим чадам именно высшее, и никакое другое, образование.

А не лучше ли не торопиться, дать ребятам возможность проверить свою самостоятельность в атмосфере практического дела, пройя вслед за обычной школой школу рабочего коллектива — воспитателя заботливого, но строгого, не страдающего никакими недостатками слепой родительской любви? Разумность такого пути понимали многие, но потребовались колоссальные перемены в системе организации профессионально-технического обучения, чтобы на семейных советах за ПТУ с равной убежденностью голосовали и будущие ученики и их родители.

Поистине огромную работу проделала ленинградская партийная организация по совершенствованию системы профессионально-технического образования.

Было ясно, что бесхитростный лозунг: «Все в ПТУ!» — сам по себе заранее был обречен на неудачу, так как слишком сильное влияние оказывал на сознание школьников, родителей да и педагогов годами складывавшийся стереотип некоторой второсортности, что ли, такого рода образования. Требовались веские аргументы в пользу новой системы, реальные доказательства ее преимущества. Поэтому программа преобразований решалась комплексно, основываясь на трех китах: создание крепкой материально-технической базы, подбор опытных кадров, тесная связь с наукой.

Заметное слово сказали архитекторы и строители, за несколько лет создавшие десятки принципиально новых комплексов, интересных и своей необычной архитектурой и содержанием; здесь стало реальностью то, о чем пока только мечтает школа: каждый предмет получил свою хорошо оснащенную аудиторию, каждому ученику предоставлялись все условия не только для учебы, но и для занятий спортом, музыкой, техническим творчеством.

Многое можно рассказать о прекрасном, порой уникальном оборудовании, которым базовые предприятия снабжают свои ПТУ, о шефстве рабочих бригад над учебными группами под девизом «Выпускникам ПТУ — опыт передовиков», персональном распределении выпускников, когда каждый заранее знает людей, с которыми ему предстоит трудиться вместе, о золотых медалях ВДНХ, которые получают за самостоятельное техническое творчество вчерашние неумелые новички.

И все же самое, на мой взгляд, ценное приобретение училищ — это кадры опытных наставников, пришедших сюда с заводов и фабрик, чтобы передать ребятам свое мастерство. Среди них дважды Герои Социалистического Труда ижорец А. Михалев и корабел-балтиец В. Смирнов, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда арматурщик Б. Журавлев и сотни других передовиков.

активно, творчески, сознательно

Вообще потянулись к ребятам люди незаурядные, беспокойные, увидевшие в ПТУ идеальную точку для приложения своих сил, осуществления творческих замыслов.

Необычайной популярностью среди воспитанников ПТУ-127 пользуется радиотехнический кружок. Раньше существовал он скорее в мечтах, но вот появился в училище человек, прямо скажем, удивительной судьбы.

Владимир Иванович Новожилов. Девятнадцатилетним комсомольцем в качестве радиста участвовал он в героическом походе «Ермака», за что был удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина. В 42-м он первым принял радиограмму советского разведчика о готовящемся массированном налете фашистских стервятников на Ленинград и за участие в срыве этой операции получил орден Красной Звезды.

Что ни строка биографии, то факт один другого интереснее. Сам он о них распространяться не любит, но мальчишки — народ дотошный, быстро узнали, что Владимир Иванович — подполковник морской авиации в отставке, мастер спорта СССР, почетный полярник и радист, представитель советского радио во Всемирной радиолюбительской лиге. Ну, а главное, человек, знающий о радиотехнике буквально все. И, как вскоре убедились, умеющий на деле доказать, что нет на свете занятия интересней.

Вот пример иного рода: ученые ЛГУ имени Жданова профессор математико-механического факультета А. Никитин и доктор физико-математических наук М. Башмаков несколько лет назад начали на общественных началах вести занятия в ПТУ № 24. Училище тогда начинало готовить рабочих со средним образованием, и новые специальности слесаря-наладчика автоматов, электромонтера по ремонту промышленного оборудования и другие предполагали хорошее знание математики. А. Никитин и М. Башмаков задумали изменить традиционную систему преподавания этого предмета, сделать ее более интересной, конкретно увязанной с потребностями производства. Подключились к эксперименту и сотрудники ВНИИпрофтехобразования, педагогического института имени Герцена и, конечно же, коллеги из ЛГУ. Программа удалась и, пройдя всестороннюю проверку в ПТУ-24, стала достоянием всех других училищ.

Что значит удалась? Есть, конечно, соответствующая статистика, аргументация, но меня, честно говоря, порадовали не общие результаты, а такие частные вроде бы случаи, как победы вчерашних «середняков» Димы Кудрявцева на городской физико-математической олимпиаде, а Саши Смирнова — на Всесоюзной олимпиаде по математике.

Было это шесть лет назад, а тогда, прямо скажем, отнюдь не лучших учеников «сплавляли» школы в ПТУ. И великая благодарность А. Никитину, М. Башмакову, всем аспирантам, студентам ЛГУ, объединившимся вокруг них, за то, что своей бескорыстной увлеченностью еще раз подтвердили они старую педагогическую истину: нет бесталанных учеников, есть плохие учителя.

Сейчас, пожалуй, все крупнейшие вузы города заключили договор о содружестве с ПТУ, их преподаватели, студенты ведут с ребятами предметные кружки и факультативы, устраивают олимпиады по различным отраслям знаний, создают научные общества и клубы по интересам.

Столь же искренен и серьезен интерес к системе профтехобразования со стороны Эрмитажа, Консерватории, театра имени А. С. Пушкина, Малого оперного театра и других культурно-просветительных учреждений города. Напомню кстати, что эти традиции культурного шефства берут свое начало с далеких двадцатых годов, когда декретом Совнаркома, подписанным В. И. Лениным, был создан Главный комитет профессионально-технического образования, который возглавил народный комиссар просвещения А. В. Луначарский.

Одним словом, сегодняшние ленинградские ПТУ — это особый мир, гармонично сочетающий достоинства хорошей школы и специфику технического училища, обеспечивающий равно высокий уровень преподавания общеобразовательных и специальных дисциплин.

Впрочем, не впасть бы в излишнюю восторженность — ведь этот «особый» мир состоит из обыкновенных мальчишек и девчонок. Порой ершистых, порой непоследовательных и всегда (в достоинствах и недостатках) чуть более ярко выраженных, если, скажем, сравнивать типичного девятиклассника и его сверстника, избравшего ПТУ.

В моем блокноте сохранилась запись об одной любопытной встрече.

...Декабрьской стылой ночью голый человек сидел в лесу и радовался жизни. Для радости были все основания: столбик термометра опустился уже за сорок, а ему было жарко. Жарко, несмотря на то, что лежавший перед ним костерок еле теплился и лишь тонкая палаточная ткань отделяла его от внешнего, скованного жестокой стужей мира.

По здравому смыслу он должен был замерзнуть часа три назад, так как максималист-испытатель в самом деле ничего, кроме плавок, на себе не имел. Однако эксперимент продолжался уже четыре часа и мог длиться до бесконечности: вигвам его конструкции блестяще выдержал суровое испытание непривычным даже для Карелии морозом.

Да, да, учащийся ПТУ № 111 С. Иванов изобрел вигвам. Казалось бы, эко диво; кому по книгам да кинофильмам незнакомо это нехитрое сооружение. Нехитрое? Сергей ухлопал два года, чтобы разгадать его секрет, не описанный, как выяснилось, ни в одном учебнике. И создал свою, необычную конструкцию, серьезность которой подтвердил журнал «Турист», куда он отправил описание и чертежи.

Этот невысокий хрупкий парнишка многим удивил меня. И прежде всего характером, испытывая, закаляя который он в одиночку, в любое время года пробирался сквозь гиблые северные болота, плыл по пустынным рекам через края, где и один человек на сотни верст — событие.

Ради чего? Ради самоутверждения и для доказательства того, что дитя природы — человек в самых трудных условиях должен видеть в ней не врага, а друга, всегда готового накормить, обогреть, поделиться целебной травой.

— Всего шестнадцать, а уже личность, такое сейчас не часто встретишь,— уважительно отозвался о нем мастер. Исчерпывающе точная характеристика.

Там же, в училище, я встретился с другим интересным человеком, будущим столяром Алексеем Любегиным. «Пишет стихи»,— сказали о нем. А кто их нынче не пишет? Однако прислушался и понял — это серьезно. В памяти засели строчки:

Рубанок мой,
ты инструмент царей:
Снимал Петр Первый
с приближенных стружку.
Теперь и я
тебе благодаря
Похожим стал немножко
на царя!

А недавно увидел на прилавке магазина небольшую книжку стихов, на обложке которой стояла знакомая фамилия.

Знакомства эти, повторяю, были случайными. Но, видимо, не просто случай свел вместе этих незаурядных ребят. Жизнь еще раз подтвердила старую истину: людей бесталанных, неинтересных не существует. Необходимы лишь условия, чтобы таланты эти себя проявили.

Именно такие условия для творчества, для всестороннего развития личности существуют и в этом и во многих других ленинградских ПТУ, цель которых выше, нежели просто подготовка хороших специалистов.

Вот почему идут сюда учиться и золотые медалисты, круглые отличники.

Только в ПТУ № 38 мне назвали сразу двоих — будущего оператора вакуумно-напылительных процессов Наташу Аистову и будущего же лаборанта радиоизмерительной лаборатории Кирилла Богданова. А одноклассники Саша Кревлев и Евгений Лопатин — оба окончили 350-ю школу Невского района — гордятся тем, что попали в первую в городе, а возможно, и в стране, группу, которая готовит наладчиков автоматических манипуляторов (роботов).

Специальность эта наисовременнейшая, перспективы ее неоглядны, но и требования она предъявляет очень высокие. Достаточно сказать, что учебу в ПТУ ребята (как, впрочем, и многие их товарищи) совмещают с занятиями на

«Я б в рабочие пошел...» Старшеклассники средней школы № 97 Выборгского района в Музее истории профтехобразования.

Фото И. Тункеля

вечернем отделении Северо-Западного политехнического института.

— Это эксперимент,— объяснял старший мастер училища Анатолий Тимофеевич Пелевин (сейчас он стал заместителем директора одного из ПТУ).— Только в СЗПИ у нас учатся тридцать человек, причем преподаватели института занимаются с ребятами непосредственно в наших аудиториях. После окончания ПТУ каждый выпускник сделает самостоятельный выбор — кто-то переведется на дневное отделение (это, разумеется, зависит от успехов в учебе), а кто-то останется на вечернем и пойдет на производство.

— А что решили вы? — спросил я одноклассников.

— Пока не знаем,— ответил за двоих Евгений.— Но главное, что нам интересно. Ведь за роботами будущее. Они понадобятся везде: и на земле и в космосе. А соответственно понадобимся и мы, их наладчики...

— И в армию мы пойдем уже со специальностью,— добавил Саша.— Причем дефицитнейшей. И место на заводе никуда не убежит, дождется. А институт тоже успеем кончить... И мы убеждены, что нам никогда не придется быть без работы.

...Уверенность в будущем. Вот, пожалуй, основная, характерная черта советской молодежи, столь резко отличающая наших юношей и девушек от их сверстников, живущих в капиталистическом мире. И невольно вспомнился мне разговор с Володей Целуевым, одним из первых учеников Героя Социалистического Труда Степана Степановича Витченко, зачинателя движения наставничества, распространившегося по всей стране. Впоследствии бригаду Степана Степановича возглавил его ученик Целуев, ставший членом ЦК ВЛКСМ, продолживший дело своего учителя.

«Мне довольно часто приходилось бывать за рубежом,— рассказывал В. Целуев.— Посещая фирмы японских, французских и других предпринимателей, я, естественно, в первую очередь интересовался, как у них налажена профессиональная подготовка молодежи. Готовить специалистов там, безусловно, умеют, но попасть на вакантное место ученика крайне сложно (что и подтверждают материалы «Шпигеля».— **О. П.**). Однако вот что меня поразило: абсолютная незаинтересованность преподавателей училища в общем развитии юношей и девушек. «Это — их частное дело,— вежливо объясняли мне.— Если есть деньги (от себя добавлю — немалые),— пожалуйста, учись чему угодно. Наша забота — поставлять кадры предприятию».

Запомнилась фраза, брошенная одним японским бизнесменом во время встречи нашей делегации с представителями крупного электронного концерна. Выслушав мой рассказ о ленинградской системе профтехобразования, он, не без зависти, впрочем, воскликнул: «Ну, это уже не просто учеба, это — политика!»

Что ж, замечено справедливо. И мы по праву гордимся такой политикой, с юных лет воспитывающей у человека гордое чувство хозяина своей страны, своей судьбы...

Выстояли и победили

Первые тревожные дни Великой Отечественной войны. Обычная русская деревня Березовка, где живут, трудятся, учатся простые советские люди, разные по возрасту, жизненному опыту. Герой гражданской войны, ныне учитель Иван Иванович, кузнец дед Миша, его внуки — подростки Сережа и Ирина. Вечно хворающая Зоя Андреевна и ее сын Тарас... Стремятся они жить честно, по совести, трудиться на благо Родины. Война разрушила мирную жизнь и в то же время еще больше выявила и подчеркнула то, что объединяет этих людей.

Так начинается новая повесть Ш. Рашидова «Веление сердца». Примечательно, что новая повесть известного узбекского писателя, по сути, создана на инонациональном материале, ее главные герои — русские люди. Но если вдуматься, все это органично для советского писателя вообще и лично для Ш. Рашидова. В его повестях и романах об обновлении послевоенного узбекского села, как известно, деятельно присутствуют русские люди, плечом к плечу с реальными прототипами которых Шараф Рашидов — партийный и государственный деятель — принимал и принимает самое активное участие во всех преобразованиях. Фронтовые дороги писателя — в прошлом воина-комсомольца — проходили в тех местах, где происходит действие его новой повести. А неустанная деятельность публициста Шарафа Рашидова — видного теоретика и страстного пропагандиста интернационализма как ведущей силы нашего общества, борьбы за мир и социальную справедливость во всем мире — известна по его многим произведениям.

И новая повесть, не случайно названная «Веление сердца»,— еще одно подтверждение тому, что право писателя на исповедь, а подлинное творчество это всегда исповедь художника перед современниками, завоевывается не только эстетическими, но и активными партийными, гражданскими, жизненными позициями.

...Мастерски воссоздана в начале повести вся напряженная атмосфера первых дней Великой Отечественной войны. Эта атмосфера захватывает и взрослых и детей Березовки. Судьба Родины — вот о чем помыслы патриотов всех поколений.

Взрослые — Иван Иванович, дед Миша, коммунисты — уходят в партизаны. Юные Сережа, Ирина и Тарас остаются в деревне. Они тоже жаждут бороться с врагом, но им поначалу очень сложно найти свое место в этой всенародной борьбе. Автор с тонким пониманием особенностей юношеской психологии показывает ее проявления в нечеловеческих условиях фашистской оккупации.

Писатель правдиво, емко показывает всю сложность обстановки в оккупированной Березовке, пристально прослеживает движения характеров своих героев, особенно юных, в создавшихся обстоятельствах. Задумавшие было немедля и открыто выступить против оккупантов, тем самым подвергая себя бессмысленному риску, Ирина и Сергей получают конкретные партийные задания и становятся помощниками партизан. Это дисциплинирует ребят, они учатся суровым законам конспиративной работы, необходимым для борьбы с сильным и жестоким врагом.

Закаляясь в этой борьбе, мужая, ребята не теряют прекрасных душевных качеств, свойственных юности. Они вместе ухаживают за больной Зоей Андреевной. Сережа любит и прекрасно знает поэзию. За то, что он хорошо читает стихи, ребята прозвали его не Сережей Есиным, а Сергеем Есениным.

Юные подпольщики получают боевое крещение. Сергей и Ирина дважды помогают партизанам освободить арестованных жителей деревни. Их стойкость и мужество вырисовываются еще отчетливее, потому что враг коварен и умен. Писатель умело создает образы отрицательных персонажей. Особенно это относится к Герасиму Шульге. Сын кулака, он унаследовал ненависть к народной власти.

Под стать Герасиму и его подручный — бывший колхозный счетовод Иринархий. Писатель безжалостно передает животный эгоизм Иринархия, самую суть характера этого отщепенца. Ш. Рашидов показывает, как после прихода оккупантов этот хамелеон сразу «оживает», начинает активно сотрудничать с врагом.

Отвратителен, мерзок внутренний мир тех, кому пособничает Герасим со своими дружками-собутыльниками. Таковы начальник жандармерии Клаус, офицеры зондеркоманды — палачи Эберт и Мейер. Таков и полицай Кудимов, который в минуты «прозрения» повторяет, что народ им отомстит, вгоняя в холодный пот своего собутыльника Герасима Шульгу, который тоже чует, что праведное возмездие не за горами...

На этом фоне еще яснее встают перед нами во всей своей цельности и благородстве характеры Николаева, Ивана Ивановича, связного Мартынова, «полицая»-подпольщика Юры, юных Сергея, Ирины и Тараса.

Каждый эпизод их противоборства с гитлеровцами и их пособниками — это не просто интересные сюжетные перипетии, но и противостояние двух миров, двух нравственных полюсов. А это всегда волнует, всегда захватывает... Вот почему всякий раз, когда Сережа Есин-Есенин пробирается к партизанам с новыми данными о противнике, мы особенно остро переживаем за героя, ибо совершают он и его товарищи славные дела ради Родины, ради нас с вами...

Закономерен и финал повести. Партизаны, силы которых все возрастают, окружают Березовку.

Светлый финал еще раз подчеркивает, еще раз символизирует, что Березовка — это, можно сказать, концентрированный образ всей страны, советского народа, который, пережив огромное испытание, выстоял и победил.

Рахмат ФАЙЗИ,
народный писатель Узбекистана,
Пирмат ШЕРМУХАМЕДОВ,
доктор филологических наук

Ш. Рашидов. Веление сердца. Повесть. С узбекского. Авторизованный перевод Сергея Баруздина. «Дружба народов» № 11, 1982.

А. Мыльников. Род. 1919. КЛЯТВА БАЛТИЙЦЕВ. (Фрагмент).

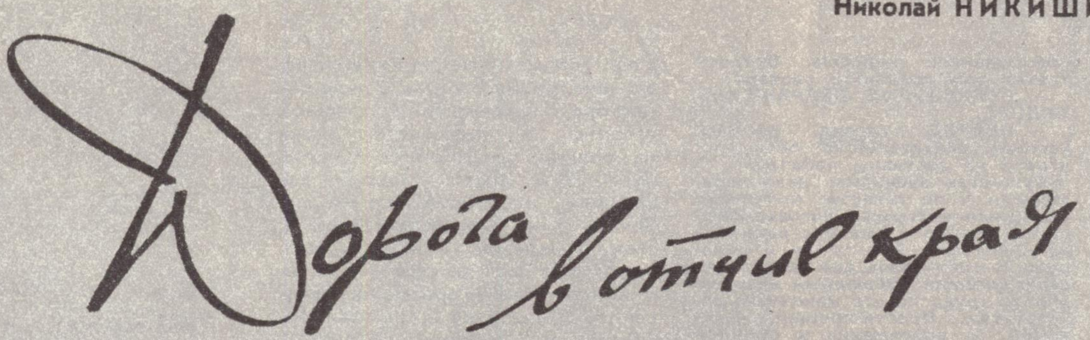
Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

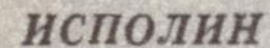

Д. Обозненко. Род. 1930. СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

Николай НИКИШИН

ИСПОЛИН

Над ним сгущалась, тяжелея,
не туча — страшная беда!..
И вспышка молнии, синея,
С него текла, как огнь-вода.
И гром, по мелким перелескам
Дробясь,
в ручьях коснулся дна.
И вдруг опять внезапным блеском,
Ломаясь,
вспыхнула струна,—
Вошла
зигзагом
в древесину!
И дуб, отшельник полевой,
Сраженный, рухнул на равнину,
Гремя обугленной листвой...
Он по весне не встрепенется,
Покоясь в собственной золе.
Не скоро тлен
ствола коснется
И растворит его в земле.
И только поросль молодая —
От плоти плоть его — взойдет
И, сон отца оберегая,
Над ним листву свою сомкнет.

СУДИМИР

Судимир,
станция моя,
Единственная пристань!
Дорога в отчие края,
До звона
Выстынь!
Чтоб я услышал древний зов
В струящейся поземке.
Чтоб я ушел от поездов
К лесной
Родной
Сторонке.
Туда,
где меж корней родник
Весь день звенит ключами,
Где ходят люди напрямик,
А зверь бежит кругами.
И пусть тропинка приведет
Меня
к окну без света,
Где ветер хлесткий
В стекла бьет —
И нет ему ответа!
Судимир,
Юность и судьба,
Свети,
не угасая,
У придорожного столба —
Звезда сторожевая.
Ведь я приду,
приду,
приду
Сквозь этот ветер хлесткий.
И упаду
и упаду
На гулком перекрестке.
И буду слушать в тишине,
Укрытой небесами,
Как кровь пульсирует во мне
Твоими
Поездами.

ВЕЧЕР

Месяц — обломок рога...
С духом дневного зноя
Льется в полях дорога,
Как молоко парное.

Медленными глотками
Сумрак дорогу выпьет.
Вечер перед домами
Коврики света выткет...

Яблони — все в заплатах
Из паутинных ниток.
Девушки о ребятах
Шепчутся у калиток.

Отзвуки звезд несмелых
На облаках росистых,
Голуби яблок спелых
Тихо воркуют в листьях.

РОССИЯ

Это край, где не сыскать границы,
Реки, где не видно берегов.
Это в зорях тающие птицы,
Взвихренные кручи облаков.
Это лось,
в свирепом заблужденье
У ручья ломающий рога,
Увидав в зеркальном отраженье
Двойника,
соперника,
врага!
Это родничок у косогора,
Сотканный из солнечных лучей;
В сумраке оттаявшего бора
Огненные брови глухарей.
Это меч, что выворочен плугом,—
Битвами испытанный металл!—
Был слугой,
защитником
и другом,
И ракетным силуэтом стал!
Это материнские ладони,
Жадно к ним губами припади.
Это мглу взрыхляющие кони
С звездами на выпуклой груди.
Это ливнем хлещущие грозы —
Лишь глоток —
под стогом, в шалаше,—
И заплакать, чтобы через слезы
Легче стало, чище на душе!

●

В туманности осенней
настороженной
Холодный воздух звонок и тяжел...
Что жадно ищет взгляд твой
растревоженный,
Когда ты вновь на родину пришел?
И, выйдя в сад из хаты
заколоченной,
Раздвинешь ветви, высветлив
звезду,—
Как тот родник в долине
заболоченной,
Заросший мхом, настоянный
на льду!..

ТУПИК

Лес дубовый
суров и велик,
Полон страха,
вражды
и смятенья...
Мы, мальчишки, брели на Тупик
Через лиственные сплетенья.
Нам
по десять-одиннадцать лет...
И откуда
такая отвага?
Впереди — еле видный просвет.
Рядом — затхлая пропасть оврага.
Насыпь в гору вела —
наверху
Сохранились землянки и доты.
Если там покопаться во мху,
Можно даже извлечь пулеметы.
Вот
примету наш старший нашел:
Дуб столетний
в корявой коросте.
Отыскал поувесистей кол,
Озоруя,
ударил о ствол —
Сверху грянули темные кости!..
И тяжелая каска с рожком.
Крест,
что ржавчиной едкой потравлен,
И пробитая пряжка с орлом —
Аккуратно
он пулей оплавлен...
Беспробудная
глушь Тупика...
Черных шпал и железа обломки...
Ни движения, ни ветерка.
И потемки,
потемки,
потемки...

БЕРЕЗОВЫЕ АРКИ

Владиславу Леонову.

Не клены ломкие,
не яблони-дикарки —
Но тонкие березы в снегопад
Соорудили
сказочные арки,
И холода под ними шелестят.
Казалось,
что согнуло их мгновенно.
Но утром,
в розоватой полумгле,
Смотрел я, как березы постепенно
Склоняются вершинами к земле.
И, в лед вмерзая
длинными ветвями,
Так спят до пробужденья,
до тепла.
Им снится сладко, как под
облаками
Листва их молодая зацвела.
И как они
среди подруг проснутся
Со свежей силой,
песенны,
светлы,
Не зная, что уже не разогнутся
Их тонкие, упругие стволы.

БАЛЛАДА О ПЫЛИ

Жаркая, светлая в свете вечернем,
Вся под босыми ногами живая —
Сердце
твоим розоватым свеченьем
Бредит и тихо стучит, отдыхая.
Камешки острые, корни растений,
Битые стекла, колючки, канавы
Пылью укрыты —
и сколько мучений
Коже дубленой от этой забавы!
Я, как и предки мои, без оглядки
Ноги сбиваю:
дорога-кресало
Полировала крестьянские пятки,
Чтобы не маялась кровь,
а плясала!
Ты собиралась в России веками!
Битвы, походы —
как мельничный жернов.
Славой и пылью покрытых
и в шрамах,—
На перекрестках встречали нас
жены.
Наши суровые, серые лица
Вмиг освежали мы влагой
студеной.
Но не мутилась от пыли водица,
Лишь становилась от пота соленой!
Пусть неприятель попробует
с боем
Нашей соленой водицы напиться,—
Мы его
кровью его же умоем,
Грязью залепим пустые глазницы.

Над ковыльными полями —
От жары полег ковыль —
Колоколами
Грохочет пыль...

●

След проложил я по темной росе
К светлой заветной песчаной косе.

Запад ли звездный,
Багряный восток ли —
Только в просторе
Светло и темно.
Руки озябли,
И ноги промокли...
С берега вижу
Песчаное дно.

Возле тяжелых, развесистых ив
В желтых кувшинках стеклянный
залив.

Всплеск — словно звон
Музыкальной шкатулки:
С кручи, мерцая,
Скатился голыш...

Не для забавы
И не для прогулки
Ходишь сюда
И часами стоишь.

Здесь я впервые почувствовал
Русь,
Здесь я мальчишкой опять
становлюсь.

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Сельский подряд: 370 звеньев и ферм Тульской области перешли на прогрессивную форму организации труда.

Николай БЫКОВ.
Фото Б. КУЗЬМИНА

Июньский светлый лес на тульской земле. Полный набор среднерусских деревьев и кустарников, высокое разнотравье в цвету, гул шмелей и пчел, в траве спелая, холодная земляника. За кустами дикой малины и лещины, скрытые от солнца и ветра, обедали механизаторы; в траве солдатский термос, алюминиевые плошки, ложки, кружки с черным чаем, куски хлеба. Кучка грибов лисичек — кто-то загодя собрал для дома. Рядом земляничный букет — чей-то десерт. Звено Николая Никитина обедало. Обед — тоже дело, поэтому мужикам было не до разговоров. А поговорить с ними надо — о земле, о звене, которое вот уже второй год работало по единому коллективному наряду. Затея, можно считать, новая, о ней столько разговоров и в стране, и в области, и тут, в Ясногорском районе, и в совхозе имени XVII партсъезда — в селе Иванькове и окрестных деревнях.

Звеньевой Николай Никитин, широкогрудый молодой человек в тельняшке под промасленной робой, привык за два года к инробированное народом. Откроем третий том толкового словаря.

— ПОДРЯЖАНЬЕ, ПОДРЯЖЕНЬЕ, ПОДРЯД...

— ПОДРЯД, сделка, договор, условье, обязательство, обоюдный уговор на доставку, работу...

Сущность очевидна: дело юридически и по совести скреплено обоюдным интересом договаривающихся сторон — администрации и исполнителей. Вот тут-то и обнаружило себя новое для совхозного села: договор! Обоюдный интерес, оплата труда по его конечным результатам. Прости-прощай, сдельщина! И повременка и сменная норма с оплатой «от колеса». Долгие бесплодные годы царили они на поле, развращая потомственных пахарей, отлучая их от земли.

А вот теперь, только заговоришь о сельском подряде, в ответ слышишь варианты одной-разъединственной мысли: земля обрела хозяев. И я вспомнил скрижаль, вмурованную в стену старинного здания в центре Москвы, в проезде Скворцова-Степанова: «Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят».

— Поймите, мы вернули земле хозяина,— сказала секретарь парткома того же совхоза имени XVII партсъезда Валентина Дмитриевна Волкова.

— Дождалась земля хозяина,— вторила ей главный совхозный экономист Валентина Алексеевна Манерова.

— Звено — полномочный, можно сказать, единовластный хозяин поля,— убеждал первый секретарь Ясногорского райкома партии Евгений Васильевич Богачев.

Начальник Тульского областного управления сельского хозяйства Николай Дмитриевич Митин дал справку: уже четверть тульской пашенной земли отдана под начало механизаторов, подрядившихся обиходить поля, возродить их плодородие.

Вернемся в дальнее Иваньково — центральную усадьбу ясногорского совхоза имени XVII партсъезда.

Совхоз по тульским масштабам велик — около одиннадцати тысяч гектаров, из них более семи с половиной тысяч занимает пашня. Зе́мли нелепо растянулись километров на тридцать, тут поля и луговины бывших колхозов, о них напоминают доставшиеся совхозу десятка два деревень. Одна из них — Вележево. Когда-то здесь тоже был колхоз. Теперь Вележево — одно из пяти совхозных отделений. И всю землю его дирекция отдала звену Николая Никитина — 1002 гектара. Почвы серые, лесные. Подзол. В звене шесть человек. Вместо былого колхоза. Шесть человек и тысяча два гектара. Шесть человек и шесть тракторов, четыре зерновых комбайна, сеноуборочный комбайн, а еще бульдозер и необходимые сеялки, бороны, культиваторы, плуги, разбрасыватель удобрений, стогообразователь... Не голыми руками берут пшеницу, овес, ячмень, гречиху, кукурузу, клевер с тимофеевкой. Подряд оформлен юридически. Вот святая святых — д о г о в о р. «Мы, нижеподписавшиеся, администрация совхоза в лице директора Науменко М. Я., с одной стороны, и звеньевого звена на полном севообороте Никитина Н. Н., с другой стороны, заключили настоящий договор...» Землю они, нижеподписавшиеся, знают, Вележево — их родина, здесь прошло детство Николая Никитина, Ивана Гераськина, Александра Шмидта да и Николая Николаевича Никитина-старшего... Николай Кириллов и Анатолий Бо́рсук тоже не дальние, рядом родились, и земля эта — их земля.

Николай Николаевич Никитин-старший отсчитал полвека — он тракторист с 1949 года. Звеньевой — его сын, Николай Николаевич-младший, пробовал после службы в армии прижиться в Кашире. Что-то не получилось у него там; легковатой, без привычных нагрузок показалась городская жизнь, да к тому же есть у Никитина фамильная страсть — охота. Так и вернулся в Вележево; дали трактор, потом был механиком, приняли в партию, недавно совхоз дом предоставил. Теперь вот второй год единовластно владеет еще и землей и всей техникой совхозного отделения. Жизнь неожиданно обернулась иной стороной — привлекательной, то есть каждодневным делом и неутолимым интересом проявлять себя в самых неожиданных хозяйственных ситуациях. В звене все остальные старше звеньевого, но от каждого из пятерых исходит уважение к нему, в том числе и от Никитина-старшего. «Сын — это надо понимать»... А если в чем затруднение, сомнение — товарищи рядом и отец рядом — комиссар, партгрупорг великолепной шестерки, его слова тоже решающие. Ну, а дома, когда в обсуждение проблем вступают женщины, — парламент, иначе не скажешь!.. Он, звеньевой, всех слышит, да он себе на уме и пока не ошибался.

тервьюерам, дальним делегациям, приходилось ему уже и с трибуны делиться опытом, поневоле научился высказывать мысли вслух, но мне он обронил на ходу как об очевидном: «Подрядились вот... Заключили договор с директором, сами управляемся».

Перелески стояли по колено в великолепном цветущем клевере, а за ними волнами ходила сизая пшеница.

Механизаторы поднимались с травы, потягивались, посмеивались.

строка из Продовольственной программы

Действительно, п о д р я д — это так понятно. Только понятие, в нашей деревне хорошо забытое. Напомнил, как ни странно, город, знаменитые бригады Серикова и Злобина, об опыте которых «Огонек» рассказывал настойчиво, подробно и не однажды, потом заговорили о калужском варианте организации производительного труда. Села́ эти «поиски» вроде бы не касались, и знаменитый новатор Первицкий оставался одиночкой. Но именно преданность подряду и впечатляющие успехи кубанца подвигли первых его последователей на преодоление рутины, на труд самостоятельный, по новой системе и с новым отношением к земле и технике — в самых разных уголках страны. А теперь вот, спустя лет десять, огонь подрядной модели переметнулся во многие хозяйства. Обычно совестливые публицисты, дабы не открывать Америку, обращаются к авторитету Владимира Ивановича Даля, и тогда оказывается, что, действительно, многое новое — забытое старое. Наше, доморощенное, ап-

В отличие от прошлых лет, механизаторы, взявшие подряд, как оказалось, знают, к а к и ч т о им делать.

Как сработало звено Никитина в прошлом году — первом в новой жизни коллективом? Земля Вележева еще в недавнем прошлом давала всего-навсего по пять — восемь и только в лучшие годы по двенадцать центнеров зерна с гектара. Звено Никитина, несмотря на дожди и холодное лето, намолотило по двадцати одному центнеру на круг.

Экономист Валентина Алексеевна, человек хотя и зараженный идеей сельского подряда, беспристрастна во всем, что касается хозрасчета. Так вот, она подтвердила, что шесть человек на полях Вележева заменили десятки людей. За счет более заинтересованного, а значит, и более производи-

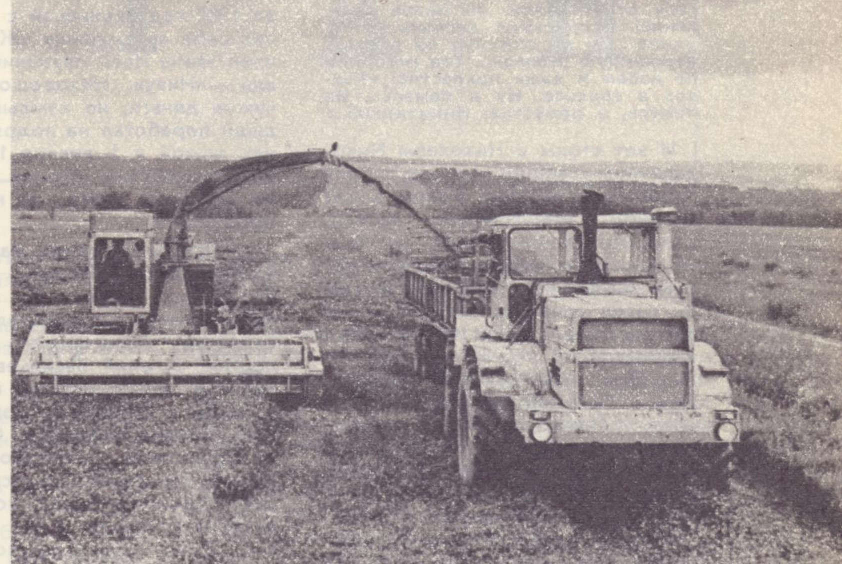
Вожак подрядного звена Геннадий Лоскутов и его поле.

Сегодня Н. В. Кириллов работает на К-700.

Делу — время, обеду — считанные минуты.

Богатые нынче клевера.

Дома у Никитиных...

тельного труда они сэкономили 10 000 (десять тысяч) человеко-часов, выполнив в поле работу, посильную лишь одиннадцати механизаторам эпохи сдельщины. Звено Николая Никитина произвело гору продукции — в 2,2 раза больше того, что планировалось. Производительность труда, например, на силосных культурах сразу возросла в четыре раза! И вся продукция всех полей досталась совхозу дешевле. Каждый тракторист работал буквально за двоих: в среднем нагрузка на совхозного тракториста составляет девяносто гектаров, а член подрядного звена обрабатывает сто семьдесят гектаров. После такого результата, объявленного всему совхозу, притихли те, кто кричал: «Эвона, сколь им денежек выложили!..» Да, заработали хорошо. По полтыщи на месяц пришлось. Да ведь на рубль, выплаченный звену, произвели продукции на пять рублей! На пять рублей и двенадцать копеек. Вот такое уверенное было начало: первый блин, да не комом.

В совхозе имени XVII партсъезда теперь на единый коллективный наряд работают механизаторы второго отделения — в Жежельнине, где дело возглавил Владимир Толстов; и еще два звена, которым совхоз отдал «на откуп» весь картофель,— это звенья Геннадия Лоскутова (кстати, Геннадий Николаевич — член обкома партии) и Юрия Бузина. Говорят, что в будущем году самостоятельность хотят проявить еще несколько человек — добрый пример заразителен. А главное, все работящие люди поняли свою выгоду. И тут лучшими агитаторами за подряд стали жены, хотя именно они, жены механизаторов, были поначалу против новшества, потому что к оплате «от колеса» привыкли как к достаточно надежному источнику доходов. Подряд — это расчет с работником только 25 декабря, аж в самом конце года. А год на год не приходится. Сразу старшая в клане Никитиных, мать и бабушка Ирина Андреевна, напомнила: «Подрядами люди и богатеют и разоряются». Немалого труда стоило уговорить на «эксперимент»: пожить год на авансировании. Не один день ушел на уговоры, пока оба Николая Николаевича не дали добро: берем Вележево! Семь бед — один ответ. Иваньково заулыбалось, захмыкало: «Диво дивное, мужики на себя ответ взяли. За целое отделение! Исхитрился директор Науменко, это он спихнул на дурных неродящую землю»... Так говорили по избам и даже похлестче: «Колхоз в совхозе. Ну и помесь... Не помесь, а поместье. Никитиных!..»

И вот стоим с Николаем Николаевичем-старшим возле поля пшеницы. Тяжелые волны ходят ходуном. Никитин-отец молчит. Наверное, понимает, что́ тут произошло. Неродящая земля, которую пахал еще его отец и сам он пахал тридцать лет и три года, впервые держит такой мощи хлебостой.

— Вон какая она. А сомневались... Поздний сев по занятому пару. Понянчился я, таскал, таскал культиваторы, бороны, катки. Тяжело досталось. Поздно сеяли, а все же она поняла...

Она — земля, пшеница?

И еще старший Никитин объяснил: «Нельзя рассчитывать, что придет человек со стороны. Свои не сказали последнего слова, только условия дай!»

Подряд — проявление коллективизма, труда артельного, труда равных, тут особенно сильно кооперативное начало. Кооперируются мастера земледелия. Договорились — стаж, классность и КТУ не учитывать. Работа на один котел: равенство. И еще обязательна кооперация этих мастеров с руководством, со специалистами совхоза. Без этой связки нельзя. От специалистов исходит правда расчетов. Подряд — уговор, который дороже денег. Дирекция заранее объявляет объем работы и фонд зарплаты, а главное, аккордные расценки, аккордную оплату за реальную валовую продукцию. Отступишь от уговора — скомпрометируешь новое во взаимоотношениях тех, кто выполняет Продовольственную программу. Так что о «моде на подряд» в Иванькове и речи не было. Так диктует жизнь, земля так велела.

— С чего начали? — переспросила меня экономист Валентина Алексеевна.— Нужда заставила. Судите сами. Иваньково наше когда-то было райцентром, шумело село, а базар какой!.. И вокруг два десятка колхозов. Потом район расформировали, колхозы обезлюдели, теперь вот совхоз. К началу десятой пятилетки в совхозе была тысяча работоспособных, сейчас вдвое меньше. Жители деревень перебираются в Иваньково, остается все больше дальних полей. Убыток вы уже записывали. Нынче впервые планируем — хоть небольшую — прибыль. Вот такая жизнь заставила обратиться к опыту подрядных звеньев. Выбор пал на Никитина, то есть на младшего. Это семья известная, работящая. Отец и сын — коммунисты. Честные, технически грамотные. Как-то возвращались из экскурсии в Серебрянопрудский район Подмосковья. Там работу по единому наряду изучали. И вот на обратной дороге в автобусе Валентина Дмитриевна, секретарь наш партийный, подзадорила Колю: берись! Ребята загалдели: а что, сами себе хозяева! Никто не указ... Посмеялись, а боязно решиться. По команде работать привыкли. С тракториста какой спрос? И другое. Никитины, бывало, в страду по триста и больше рублей (в пересчете на месяц) приносили в дом. Мнилось долго им, особенно Ирине, что потеряют мужики в заработке. И ночи потеряют, потеряют покой...

После окончательного расчета за 1982 год звеньевой с ходу купил себе автомашину «Жигули», а член звена Иван Иванович Гераськин — «Ниву». Нехорошо считать чужие деньги, но каждый, кто от души поработал на подряде, принес домой к 1 января 1983 года по три тысячи рублей. Столько им доплатил совхоз за конечную продукцию.

— Психологический барьер довольно высок. Нелегко одолеть его. Было трудно, да и сейчас еще нелегко,— рассказал первый секретарь Ясногорского райкома партии Евгений Васильевич Богачев.— Я как-то остался на смену в поле с отличным механизатором Юрием Князевым. Он пахал на «Кировце», попробовал и я пахать. Не сразу, но освоил махину. Дело пошло, вошел во вкус. И разговор у нас получился. Было еще светло, когда Юрий сказал: «Шабаш. Глушите двигатель». Что так? А все, говорит, мои часы вышли. Смене конец. Но солнце-то вон еще где! Тракторист объяснил: мол, не старое время, не по солнцу работаем. Он на зяблевой пахоте зарабатывал тогда по двадцать рублей в день. И убежден, что ему хватит вполне. Он, мол, не жадный, а всех денег не заработаешь. Но сроки уходят! Агротехника диктует! Земля плуга ждет, семян! От зяби урожай будущий зависит... Нет, не убедил я в тот раз Юрия... Нынче он лучший звеньевой подрядного звена в нашем районе. Лидер!

Очень интересно рассказывал секретарь райкома о том, кто и как пришел к подряду.

— В одном селе жил-был да и сейчас живет прекрасный механизатор, самородок, на все руки мастер и очень авторитетный человек среди своих. В том селе был прямой смысл создать подрядное звено. Поговорили с механизаторами, выяснили, что никто не против... Ставим как-то на голосование этот вопрос, а руку ни один из согласных не поднял. Оказалось, что все следуют примеру того самого классного механизатора, он, по существу, определял поведение остальных. Еще раз поговорили с каждым и снова убедились, что смысл новинки понимают. Еще раз собрали народ голосовать, и... снова никто руки не поднял. Выяснилось, что жена необъявленного лидера работает бухгалтером, она-то и вела дома контрагитацию. Посмеялись мы этому открытию и собрали тех же механизаторов без их ходячего авторитета, почти тайно. Смех и грех... Все подняли руки, бригаду сформировали. И вдруг слышим, что бухгалтер, узнав о подряде, как о свершившемся факте, бросилась домой!.. Что там у них было, не знаю. Только через некоторое время принесла женщина заявление от лучшего в хозяйстве механизатора: прошу, мол, меня принять... Сам не пришел. Гордый.

Не все родились лидерами. Но хозрасчет сразу дал понять, кто есть кто... Мы ведь как раньше поступали? Сами назначали и механиков, и звеньевых, и бригадиров. У народа не спрашивали. Подряд учит другому. Есть прекрасный тракторист, точнее, механизатор широкого профиля, труженик, каких мало, Шевцов, передовик района, а вот возглавить звено не сумел. Один в поле воин! А вести дело, хозрасчет от имени звена не сумел, не дано. Еще больше других примеров, когда звеньевые и бригадиры, как только их кандидатуры ставили на голосование, лишались своих престолов. На их место механизаторы безошибочно избрали подлинных вожаков.

Короче, из семи пионеров-звеньевых, подобранных руководством, троих народ решительно переизбрал. Откуда что взялось... Кто был в тени, ничем вроде бы не проявлял себя ни в поле, ни в общественной жизни, вдруг на глазах переменился. Надоело работать вхолостую, без удовлетворения самых понятных человеческих потребностей. Иного просто не узнать. Откуда что взялось...

А что думает директор совхоза Михаил Яковлевич Науменко? Директорства его никто не отменял. Ему за все ответ перед государством держать. Михаил Яковлевич молод, энергичен, учится в институте заочно, так что не чужд идей самых новых, прогрессивных.

— Я сделал основной для себя вывод — не мешать тем, кто в поле. Соблазн велик!.. Не мешать — важнейшее из условий. Помогать — да, всемерно помогать. Техникой, семенами, удобрениями, горючим, запасными частями... Работы всем нам, администрации, специалистам, прибавилось. Вдвое! Нет, мы не отдали землю на откуп. Мы не сняли ответственность с себя, подписав договор о подряде. Напротив, мы взяли на себя обязательство обеспечить морально, технически и организационно звенья Никитина, Толстова, Лоскутова и Бузина. Обеспечить — ох, и трудное это дело в наше время, когда буквально все лимитирует...

Итак, первое — не мешать людям проявить себя единовластными хозяевами севооборота. Второе условие — загодя, зимой подготовить коллективные наряды, то есть все технологические карты, всю бухгалтерию. Все расчеты единожды согласованы, приняты и обретают силу закона. Ох, и соблазнительно бывает перебросить трактор, взять человека, настоять на своем!.. Не позволяю себе такого. А коли нужда общесовхозная, то не приказываю, а п р о ш у звено.

Прежде чем явный экономический успех пришел к подрядным звеньям, тактику и стратегию разрабатывали долгими зимними вечерами экономист — местная уроженка Валентина Алексеевна Манерова, главный инженер — местный уроженец, крестьянский сын Валентин Сергеевич Бычонков, главный совхозный агроном Юрий Васильевич Колосов.

— Люди верят бумаге, так уж приучены,— заметила экономист Валентина Алексеевна.— Поэтому особое внимание — оформлению долговременной документации, расчетам. Я даже на полях технологических карт проставляю не расценки, а уже сумму аккордной оплаты за работу, выполненную по договору и к сроку. Мне коллеги пеняют, зачем, мол, такие «авансы» выдаю? Они же потом стребуют!.. Не беда, отвечаю. Человек труда не вникает в нашу алгебру и двойную бухгалтерию, он хочет знать окончательный расчет.

Простота системы оплаты — главное во взаимоотношениях с исполнителями. Они должны знать финиш марафона длиною в сельский год. С ними, механизаторами, только в открытую! Малейшую фальшь они шестым чувством чуют.

Евгений Васильевич, районный секретарь, еще и так сказал: «Принцип один — дать землю и технику тем, кто хочет работать. Хочет и умеет».

Валентина Алексеевна подвела под этот принцип научно обоснованный фундамент:

— Принципиальными стать нелегко, желающим надо помочь. Хозрасчетное задание должно быть обоснованным. Обеспеченным материально и реальным. Не с потолка, не по щучьему велению... Сами механизаторы нас поняли, когда мы ввели лимиты на горючее, на запчасти, на удобрения. Перерасход в любом виде теперь ложится на звено. Они избегают брать подмогу, лишнюю технику. Даже от лишних запчастей отказываются! Боятся нахватать перерасходов.

Совхоз, помня интересы государства, взял под контроль зарплату. Горючее — тоже под контроль. Запчасти — под контроль. Хозрасчет — обоюдоострая штука в этом смысле. Обоюдообязывающая. Отныне выгодно быть рачительным, умелым, совестливым. Выгодно там, где ростки подряда крепнут при любой погоде. А губят их, эти ростки, в тех районах, где руководители страшатся дать хозяйственную свободу исполнителям. Где самоволие путают с инициативой, а предприимчивость обзывают «спекуляцией». Где «наше» вульгарно противопоставляют «моему».

Был в поле под Вележевым такой случай. Из года в год через посевы пшеницы ходили тяжеленные лесовозы соседнего лесхоза — напрямую; так уж повелось, не хотели водители тягачей с прицепами делать крюк. Но в один прекрасный день, когда семена легли в землю, отданную звену Николая Никитина, перед лесовозами стал человек. «Чего надо? Убирайся!» — озверел водитель. Человек не дрогнул. Он предупредил: «Забудь эту колею. Не позволю. Никогда. Никому». Водитель хотел было отбросить непонятного упрямца, но у того в руках была монтировка: «Фары побью. Разворачивайся на дорогу. Поле топтать не позволю».

— Да что за поле такое особенное?

— Мое поле.

«Мое поле»,— ответил Николай Никитин-младший. Мое поле — и весь сказ. А когда есть хозяин у поля, оно это каким-то образом понимает, оно тогда живет вольготно и благодарно.

Анатолий **КАЛИНИН**

РОМАН

ЦЫГАН

Книга вторая

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Совсем рано утром Михаил Солдатов подъехал на своем самосвале к конторе конезавода. В приемной генерала Стрепетова секретарь-машинистка, оглядываясь на дверь в кабинет, предупредила его:

— Если у тебя не срочное дело, лучше завтра приходи. Его к трем часам вызывают в область на ковер.

Михаил обреченно взмахнул своим пшеничным чубом.

— Срочное у меня...

В кабинете генерал Стрепетов выслушал его, не поднимая головы, и спросил:

— А на воскресенье ты со своей Настей договориться не мог?

Михаил переступил ногами на месте:

— Я ей то же самое говорил, но она погрозилась, что сама пешком домой придет.

— Да, жаль ее,— сочувственно сказал генерал Стрепетов,— говорили мне. Ничего, вы еще молодые. У меня в начале войны сразу двое вместе со своей матерью...— Генерал Стрепетов как будто сам устыдился своей откровенности.— Но все равно с утра я тебя не могу отпустить. Слишком жирно будет на целый день. До обеда ты вполне успеешь сделать два рейса на кирпичный завод и тогда езжай.

Михаил взмолился:

— Она же с утра ждет!

— А у меня бригада из десяти человек кирпич будет ждать. Об этом бы вам с Настей, как комсомольцам, тоже не мешало подумать. Из-за ваших капризов я не могу график строительства школы нарушать.

Уже у самой двери Михаила догнали его слова:

— Ты что же, решил на самосвале ее и домой привезти?

Полуоборачиваясь, Михаил пожал плечами. Подняв голову от стола, генерал Стрепетов с любопытством смотрел на него.

— Передай моему водителю, чтобы тебе ключи от «Волги» отдал. В Ростов, скажи, мы на «виллисе» поедем.

От конторы Михаил рывком сорвал с места свой самосвал и помчался на кирпичный завод. Уже десять лет проработал он под началом генерала Стрепетова, но за это время так и не успел узнать, как и с какого бока надо было к нему заходить. Ни за что нельзя было заранее угадать, когда он соизволит дать тебе зеленый свет, а когда включит перед тобой красный.

Сделав до обеда три рейса на кирпичный завод и загнав в гараж самосвал, Михаил на «Волге» генерала Стрепетова заехал к себе домой переодеться. Не мог же он так и ехать за Настей в роддом — в комбинезоне, припудренном кирпичной пылью. Кроме Будулая, никого в доме не было. Теперь, когда он уже начал ходить и предпочитал без посторонней помощи управляться со всеми своими остальными делами, Шелоро и Макарьевна все чаще на пересменах оставляли его в доме одного. Но и нельзя было за это на них обижаться. У каждой из них дом, свое хозяйство, а у Шелоро еще целая дивизия ребятишек на руках, которых, когда они возвращались из школы и детского садика, нельзя было оставлять без присмотра. Михаил давно уже видел, и как Шелоро все это время металась, стараясь успеть повсюду, и как Макарьевна тоже разрывалась между дежурством у постели Будулая и своей клиентурой. Еще не знал Михаил, сумеет ли он когда-нибудь должным образом вознаградить их за то, что они пришли ему на помощь в трудный момент жизни.

Будулай сидел на стуле у окна, выходившего в степь, брился простой опасной бритвой. У ноги его стоял сундучок с откинутой крышкой. До крайности некогда было теперь Михаилу разговаривать с ним о чем-нибудь. Под окном пофыркивала невыключенным мотором «Волга», а Настя, конечно, давно уже стоит за воротами роддома. Но вдруг Михаил в открытом сундучке Будулая увидел аккуратно уложенную сверху красную рубашку с серебряными пуговицами, в которой он сидел на свадьбе на месте посаженного отца. Что-то кольнуло его.

— К приезду хозяйки наводишь марафет? — спросил он, надевая пиджак и никак не попадая в рукав.

Будулай встал со стула и, подержав ему рукав, серьезно взглянул на него.

— Спасибо тебе, но, пожалуйста, передай своей хозяйке, что я никак не смогу дождаться ее.

Радость смешалась в голосе Михаила с раскаянием.

— Это ты зря,— неуверенно сказал он, застегивая пиджак.— Рано тебе еще.

Будулай улыбнулся:

— Я уже на своих ногах.

Чисто выбритое лицо его то ли после болезни, то ли потому, что Михаил уже привык видеть его сплошь заросшим, пугало бледностью. Но из глаз уже исчез стеклянный блеск. Смотрели они спокойно.

— Если ты захочешь поехать на своем мотоцикле, то он...— отводя свой взгляд в сторону, начал Михаил.

— У меня мотоцикла нет,— не дал договорить ему Будулай и, в свою очередь, спросил:— Разве до автобусной остановки не по дороге тебе?

По-правильному, надо было бы распить посошок. Как-никак, не одну ночь провел Михаил с Будулаем почти бок о бок, и, если разобраться, они действительно родичи. Неизвестно, встретятся ли еще когда-нибудь.

Но за окном пофыркивала «Волга». И Настя теперь, конечно, уже заждалась Михаила за воротами роддома. Еще, чего доброго, пойдет навстречу ему по степи пешком. Ни одной минуты передышки не давала последнее время Михаилу жизнь. Он махнул рукой:

— Только скорей собирайся.

— Я уже все собрал,— наклоняясь над своим сундучком и защелкивая его на замок, сказал Будулай.

Но по пути до автобусной остановки у Михаила еще достаточно оставалось времени, чтобы спросить у него:

— Куда же ты теперь думаешь маршрут держать?

— Устроюсь где-нибудь. Были бы руки.— Михаил, скосив глаза, невольно посмотрел на его большие смуглые руки, положенные на колени.— А пока...

— Все-таки думаешь этот свой остров найти?

Будулай провел ладонью по лбу, туманно посмотрел на него.

— У каждого человека в жизни какой-нибудь остров есть.

В ту самую минуту, когда Михаил притормозил у автобусной остановки, большой рейсовый «Икарус» подошел.

Вот теперь Михаил опять начинал узнавать Настю. Никакого сравнения не могло быть с той, другой Настей, которая, рыдая, билась у него в руках: «Ни сыночка, ни доченьки, Миша, у нас нет и уже не будет больше!» — и с той, которая первое время с окаменелым лицом выглядывала ему навстречу из окна роддома, безучастная ко всему окружающему. Прежняя, прежняя Настя возвращалась теперь рядом с ним в «Волге» генерала Стрепетова. И даже, может быть, еще более быстрая в словах и в движениях, чем до болезни.

Поворачивая голову из стороны в сторону и не переставая удивляться, она просила Михаила:

— Ты, Миша, пожалуйста, не так быстро гони. Когда так мелькает, ничего по дороге и рассмотреть нельзя. Смотри, смотри, Миша, как цыганский костер! Притормози.

А чего особенного было рассматривать? Все та же степь, которую он, Михаил, давно уже пропечатал елочками протекторов своего самосвала вдоль и поперек. Конечно, она изменилась с тех пор, как Михаил отвозил Настю в роддом, все-таки месяц прошел, и по затвердевшей под морозным ветром дороге можно было выжать скорость, без опаски заночевать в кювете, но если теперь тормозить у каждого куста шиповника, на котором сверкали под зимним солнцем красные ягоды, то и до полуночи им не добраться до дома.

И все-таки Михаил согласен был тормозить, только бы не покидали Настю эти оживление и веселость, не вернулась к ней та окаменелость, от которой у него всякий раз, когда он подъезжал к роддому, тоже застывала кровь в жилах. Хочет, пусть хоть танцует возле каждого такого кустика, которых и в самом деле так много пылало своими огненными ягодами в заснеженной табунной степи.

Но все же надо было ему успеть по дороге домой и выбрать момент, чтобы подготовить Настю к тому, чего он теперь уже не имел права скрывать от нее. И лучше, с учетом ее характера, если она заблаговременно узнает об этом от него, чем от кого-нибудь из чужих людей уже дома.

Ему показалось, что как раз наступил подходящий момент.

— Теперь, должно быть, и все наши цыгане уже опять подтянулись на конезавод,— окидывая взглядом степь, сказала Настя.

Не отрывая глаз от дороги, Михаил небрежно начал:

— Знаешь, Настя...

Она вдруг с насмешливой ласковостью дотронулась до его плеча.

— Знаю, знаю, Миша. Я даже больше, чем ты думаешь, знаю. Можешь ничего не рассказывать мне.— Она рассмеялась под его удивленно-недоверчивым взглядом: — Да, да, не смотри на меня такими глазами. Ты бы ими

Окончание VI части. См. «Огонек» №№ 22—28.

хорошенько смотрел, когда решил себе в жены цыганку выбрать.— Но тут же она и великодушно смилостивилась над недоумевающим Михаилом, пояснив:— Душа у тебя, Миша, как у самого малого малыша из нашего детского сада. Его тоже ничего не стоит обмануть. Ты что же думаешь, Шелоро так бы и вытерпела целый месяц не наведываться ко мне, пока ты ездил в свои рейсы?

Только тут Михаила озарила догадка. Так вот, оказывается, почему у них в доме по субботам всегда непременно что-нибудь вкусное жарилось и пеклось и каждый раз его встречал запах сдобного теста.

Настя не была бы его женой, к тому же цыганкой, если бы по его лицу не сумела прочитать его мысли.

— Вот, вот, теперь ты догадался правильно, хотя уже и поздно. Макарьевна готовила, а Шелоро возила мне передачи. Ими у нас весь роддом кормился.

Возмущенный до глубины души, Михаил вскричал:

— Ах, проклятые бабы, я же им строго-настрого!..

Настя еще веселее рассмеялась.

— Так они, Миша, тебя и испугались. Ты у меня, оказывается, совсем не знаешь женщин — ни русских, ни цыганских. Я же и говорю, детская у тебя душа.— Вдруг, посерьезнев, Настя окинула его изумленно-внимательным взглядом и положила голову ему на плечо:— Но за это-то, Миша, я тебя и люблю. Вот ты, оказывается, какой. Я и не знала.

Всю жизнь Михаил ждал от нее этих слов.

Так бы и ехать сколько угодно по этой сверкающей перламутровым блеском степи, мимо пылающих холодным пурпурным пламенем костров шиповника, среди мелькающих и зыбко подламывающихся в струях морозного марева обнаженных лесополос, сквозь которые виднелся изумруд озимых полей. Не это ли и называют люди счастьем? Ничего подобного не испытывал прежде Михаил. Ни до, ни после свадьбы с Настей. Жизнь не баловала его.

Но, должно быть, поэтому же и так быстротечно оно, это счастье. Впереди замелькали сквозь стволы обнесенных ветром лесополос зеркальные зайчики окон поселка конезавода, и, пока еще не доехали до него, Михаилу надо было успеть досказать Насте то, что он не успел досказать. Он неуловимо-бережно пошевелил плечом у нее под головой. Подняв голову, она вопрошающе взглянула на него.

Вдруг почему-то не по себе сделалось Михаилу под ее взглядом, и слова, как колючие репьи, стали обдирать его горло, когда он сбивчиво заговорил:

— Но ты можешь не беспокоиться, Настя, тебе уже не придется ухаживать за ним.— Если бы при этом Михаил смотрел не на дорогу, а на нее, он бы увидел, как удивленно-протестующее выражение заступило место вопросительно-счастливому у нее на лице. Но ему никак нельзя было оторваться от обледенелой дороги, скатывающейся под уклон, к поселку, и он, чувствуя на себе взгляд Насти, продолжал теми самыми словами, которые на прощание услышал от Будулая: — Теперь он уже на своих ногах.

Настя молча выслушала его, ни разу не прервав. Только в лице у нее по мере того, как рассказывал он, что-то все больше замыкалось, и взгляд ее все дальше ускользал в глубь степи, туда, где на зеленой груди большого озимого поля кудрявыми овечками паслись белые легкие тучки. Не отрываясь от этих тучек, глаза ее как будто что-то искали среди них. Но Михаил не сомневался, что Настя внимательно слушала каждое его слово.

Чтобы успеть все-все рассказать ей до конца и не возвращаться потом к этому разговору дома, он перед самым поселком съехал на обочину, притормозил машину под лесополосой. Но и после того, как он уже смолк, она еще долго ничего не спрашивала у него, пока вдруг не очнулась, поворачивая к нему лицо.

— Все?

— Все,— эхом отозвался Михаил.

Снизу вверх она заглянула ему в глаза.

— И ты мог его такого отпустить? Он же теперь совсем как дитя. Ему все заново надо начинать. Его теперь каждый может оби-

деть.— Она вдруг горячо предложила: — Давай, Миша, догоним его.

Михаил покачал головой.

— Мы уже не сможем его догнать.

Она схватила его за руку:

— Почему? Это же у генерала Стрепетова совсем новая «Волга».

— Он уже теперь на правом берегу Дона. У нее враждебно заблестели глаза.

— Ты думаешь, он поехал к ней?

— Не знаю, Настя, но...

Она не дослушала его:

— Он тебе говорил?

— Нет, я сам подумал. Куда же ему еще?

— А! — Она исподлобья взглянула на него.— Теперь я знаю, почему ты его отпустил.

Михаилу вдруг вспомнилось, как Федор Каткин предостерегал его до свадьбы: «Ты все время будешь с ней как на вулкане жить».

— Мы еще долго здесь будем стоять? — спросила Настя. И когда «Волга» опять тронулась с места, спускаясь по обледенелой дороге в поселок, предупредила Михаила: — Но у дома Макарьевны ты останови.

Он тупо спросил:

— Зачем?

— Я там сойду. Нам с тобой, Михаил, пока надо отдельно пожить.

Михаилу вдруг явственно почудилось, как яркая красная рубашка вспыхнула у него прямо перед глазами на повороте к поселку, и он даже круто вильнул, объезжая ее. Но это опять оказался куст шиповника, осыпанный ягодами.

У него вырвалось:

— А только что ты говорила!..

— Я и сейчас не отказываюсь,— подхватила Настя.— Ближе тебя, Миша, у меня здесь никого нет. И лучше тебя я никого больше не знаю. Ты даже сам не знаешь, какой ты...— Она не стала договаривать.— Но как бы тебе лучше объяснить то, что я и сама не могу до конца понять? Я к тебе, Миша, за это время почти совсем привыкла, иначе я не захотела бы от тебя ребеночка иметь, а потом я надеялась и полюбить тебя. А когда я узнала от Шелоро, как ты поступил, когда они с Егором привезли его, я уже полюбила тебя. И пока он лежал у нас в доме, а ты ухаживал за ним, я все больше любила тебя. Это правда, Миша, я знаю, что кругом виновата перед тобой и не стою тебя, но все это правда. Пусть Шелоро тебе расскажет когда-нибудь, как я гордилась тобой, что ты никому больше не позволял купать его и достал для него пчелиного молочка... Ты меня слушаешь, Миша?

Михаил не отвечал. Новая «Волга» генерала Стрепетова, спускаясь к поселку конезавода, сама собой бежала под его руками по дороге, изученной им за этот месяц, пока он каждый день ездил на свидание с Настей, так что он мог бы уже ехать по ней с закрытыми глазами. Но еще никогда эта дорога не казалась ему такой невыносимо трудной и долгой. Руль почти не подчинялся Михаилу, и это, видно, не укрылось от глаз Насти. Она дотронулась до его плеча.

— Успокойся, Миша. Мы же не навек расстаемся. Он ведь моей погибшей родной сестры муж, и я теперь должна подумать, как им отплатить за то, что они сделали с ним. Я пока отдельно поживу, а там... Ты, Миша, слушаешь меня?

Михаил не отвечал. Молча он довел машину до поселка. Молча довез Настю до дома Макарьевны. Молча, ни разу не оглянувшись, уехал по дороге к своему дому.

За один только вечер в доме у Клавдии Пухляковой чуть ли не весь хутор перебывал. Каждому хотелось лично на ее лейтенанта посмотреть, которого все знали еще с тех пор, как мать под бомбежкой принесла его вместе с Нюрой в фартуке с горы, из кукурузы.

Первый пристучал на своем протезе дедушка Муравель. С порога потребовал:

— Грех тебе будет, Клавдия, станови на стол. Погоны следует обмыть.

Катька Аэропорт, правда, явилась со своей завернутой в сиреневое одеяльце дочкой, передала ее Клавдии, а сама положила Ване на плечи обе руки.

— Здесь, товарищ новорожденный лейтенант, будем целоваться или у меня дома? — Не дожидаясь его ответа, сама же решила: — Сперва здесь, а потом и у меня дома.— Но тут же, посерьезнев, она взяла у Клавдии свою девочку.— Не бойся, Настя, никто твою мамку у тебя не отнимет, никто теперь ей, кроме тебя, не нужен.

Даже Тимофей Ильич перед заседанием парткома нашел минуту забежать.

— А я, Клавдия Петровна, вижу, перед твоим двором знакомый военный «газик» стоит, и испугался. Ты что же, Ваня, и мать решил с собой забрать?

Не успевая всем отвечать, Ваня улыбался откровенно счастливой улыбкой и невольно поигрывал плечами, охотно подставляя под чужие взоры новенькие свои погоны. Они еще не успели как следует улечься у него на плечах и топорщились, как крылышки.

За весь вечер Клавдия едва ли двумя словами успела перемолвиться с ним. А потом с веселым смехом ворвался к ним почти весь бывший десятый класс, в котором учились Ваня с Нюрой, и утащил его с собой в новый клуб на танцы.

Просидев до полуночи в ожидании его на диване и внезапно подкарауленная сном, Клавдия так и пропустила тот момент, когда он со своими офицерскими ботинками в руках, которые снял в сенцах, прокрался к себе в боковушку.

Утром за завтраком она, глядя на него через стол, грустно сказала:

— Вчера нам с тобой так и не дали поговорить, а теперь ты уже скоро...— У нее задрожал голос.

— Еще, мама, почти целый день впереди,— успокоил ее Ваня.

— Мне, Ваня, все время вчера казалось, будто ты собираешься что-то мне сказать.

Ваня уклончиво засмеялся:

— А мне, мама, казалось, что это ты хочешь...— Он спохватился: — Я еще должен тебе с острова сушняка привезти.

Она запротестовала:

— Вы же с Андреем Николаевичем на всю зиму нарубили мне дров.

Но Ваня уже застегивал шинель.

— Зима, мама, говорят, будет долгая. Я мигом вернусь.

С крыльца она наблюдала, как он впрягался в большие сани, на которых они обычно возили из-за Дона и с острова сено для коровы и порушенным буреломом сухостой на топку. Вдогонку, когда он уже выехал за ворота, напомнила:

— Там перед островом Дон не замерзает. Ключи бьют.

— Как будто я, мама, не знаю,— обиженно откликнулся Ваня.

Огрузший в глубоком снегу островной лес потрескивал на морозе. Вербы и тополя сплошь чернели в косматых грачиных гнездах.

Сняв шинель, Ваня налегке и с охотки вскоре, за какой-нибудь час, вдвое больше, чем можно было увезти на санях, насобирал наломанного черными астраханскими бурями леса вокруг старого военного блиндажа, в котором он еще совсем недавно прятал со своими хуторскими дружками найденные под вербами в траве и под палой листвой немецкие и русские автоматы. Уже навалив на сани жердины и надевая шинель, вдруг с удивлением обратил внимание, что почему-то вытаял на кровле блиндажа вокруг жестяной печной трубы снег и, похоже, призрачно колыхался над трубой воздух. А потом, быстро глянув вниз, он увидел и продавленный к входу в блиндаж по голубоватому снегу темный свежий след.

Ему захотелось узнать, кому еще и теперь он мог понадобиться, этот старый блиндаж. Спустившись по ступенькам, он открыл бревенчатую дверь.

Только привыкнув глазами к желтому сумраку, разбавленному отблеском раскаленной чугунной печки и скудным светом, сочившимся снаружи из узкой амбразуры, он разглядел в глубине блиндажа склоненного над деревянным столиком человека. Расстелив на столике газету, он что-то резал на ней ножом.

На шорох он повернул голову к двери, и Ваня вздрогнул, узнав глуховатый голос:

— Закрывай за собой дверь, блиндаж остудишь. Ты из местных? Я в твои годы уже тоже лейтенантом был. Ты как раз к завтраку попал. Правда, у меня, кроме хлеба и сала, ничего нет. Что же ты на пороге застыл, входи и садись. Ты не знаешь, лейтенант, здесь где-нибудь поблизости есть кузня?

Все остальные подробности цыганское радио поспешило взять на себя.

И то, как Клавдия, которая уже забеспокоилась, что Ваня слишком долго не возвращается с острова, выглянув в окно, увидела его вытягивающим на постромках от Дона в проулок сани с дровами. И то, как, всматриваясь, она никак не могла сообразить, кто же из хуторских мужчин, при этом добровольно, взялся помочь ему, подталкивая сани и поддерживая ворох сушняка, чтобы не рассыпался он. И то, как, вдруг отстраняясь от окна и обессиленно опускаясь на месте, она, как слепая, стала нащупывать сзади себя табуретку.

«ПИШИТЕ БОЛЬШЕ О ХЛЕБЕ...»

Душанбе, аэропорт. Вылет на Ленинабад временно закрыт. Ждать долго. Купила в киоске журнал «Огонек» № 19, просматриваю, и вдруг — «Хлеб на столе» Сергея Викулова. Заплакала навзрыд: вспомнила свое детство. Вокруг спрашивают, что случилось, даже милиционер подошел, а я не могу и слова промолвить, отдала ему журнал. Он прочитал, и его тронуло, стал успокаивать меня.

Прилетела домой и решила написать Вам, в редакцию, Сергей Викулов (отчество не знаю). Немного о себе: родилась на Урале в Челябинской области, в селе Куваши. Наша большая, дружная семья жила на горе. В магазины приходилось идти далеко через речку, вброд через болото, кусты, огороды. В войну очередь за хлебом занимали с вечера, записывали номер, отмечались с утра. Сбегаешь, бывало, только поесть чего-нибудь горячего и снова бежать в магазин.

А там уж проверка, давка в дверях, кого-то нет, кто-то упал. Все были слабые. Хлеб развешен, лежит на разлинованных фанерных досках. В каждом квадрате номер получателя, такой же номер указан на деревянной бирке, которую боже упаси потерять. Дрожащими руками берешь свою порцию черного хлеба. На большом кусочке довесок обязательно пригвожден лучиной.

Мы еще сносно жили, держали корову, овец, садили очень много картошки. На картошку выменивали все необходимое — керосин, спички, соль, нитки, синьку, мыло, сахарин, материал, чтобы сшить что-нибудь. Родители помогали еще и соседям. Своих оставалось пять человек, шестеро из семьи ушли на фронт: сестры Зоя и Шура и четыре зятя.

Никогда не забуду такой случай. Я училась в Миассе в педучилище. Мы, студенты, были месяц на заготовке торфа для училища. Вернувшись в город, выкупила на свою карточку хлеба (полтора килограмма) и собралась домой. Иду с вокзала, а мне навстречу идут мои старшие сестры Тая и Мария (они были неразлучны, обе остались вдовами), отекшие, опухшие от голода до неузнаваемости.

Хлеб мой разделили на три части, но они не брали, плакали, говорили: «Ешь сама, мы привыкли есть без хлеба, привыкли весь хлеб без остатка отдавать детям».

Теперь понимаете, почему я без слез не могла читать Вашу поэму?

Пишите больше о хлебе, это такая нужная тема сейчас. Очень бы хотелось, чтобы все мамы прочитали своим детям поэму «Хлеб на столе», чтоб поменьше разбрасывались хлебом те, которые не голодали.

А. ПИРОЖКОВА

Таджикская ССР,
г. Чкаловск.

31 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

СЕВЕРОМОРЦЫ

Летом 1933 года по Беломоро-Балтийскому каналу, а затем по морю из Кронштадта в Мурманск совершили переход два эсминца, два сторожевых корабля и две подводные лодки. Пока они были в пути, штаб РККА издал циркуляр о создании Северной военной флотилии. Вскоре тем же путем пришла новая группа кораблей, а затем прибыли и самолеты. В 1937 году флотилия была реорганизована в Северный флот, который стал реальной и грозной силой, охраняющей северные рубежи Родины.

Велик вклад североморцев в победу над фашистской Германией. За годы войны боевыми средствами флота уничтожено и повреждено около 600 кораблей и транспортов противника, сбито свыше 1300 самолетов, проведено 36 союзных конвоев. Более 48 тысяч североморцев награждены орденами и медалями, 85 удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе трое — дважды.

В 1965 году Северный флот награжден орденом Красного Знамени. Ныне Краснознаменный Северный флот стал океанским, ракетным. Его основу составляют атомные подводные ракетоносцы, которые на учениях не раз наносили снайперские удары баллистическими ракетами по целям, находящимся на огромном удалении. Недавно наши корреспонденты побывали на подводных и надводных кораблях, в подразделениях морской пехоты и на аэродромах морской авиации. Сегодня «Огонек» рассказывает о североморцах, которые в трудных условиях Заполярья и океанских походах с честью выдерживают испытания на мужество и достойно несут свою нелегкую вахту.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

То, что он станет военным, Аркадий Михайловский знал чуть ли не с первого класса. Вот только кем — летчиком или моряком? В тридцатые годы все мальчишки бредили авиацией, у Аркадия к тому же рядом образец для подражания — его отец, полковник ВВС, авиационный инженер, кандидат технических наук, да еще кавалер ордена Красного Знамени, которым он был награжден на гражданской. Но почему-то Аркадий зачитывался книжками о море, к тому же совсем рядом с домом, во Дворце пионеров, открыли военно-морской кружок: в классах настоящие торпеды, мины, снаряды, и, главное, трогай их сколько угодно. Аркадий не удержался от соблазна и записался в кружок. Ну, а когда ребята стали ездить на Химкинское водохранилище в яхт-клуб общества «Водник», Аркадий не пропускал ни одной тренировки и вскоре стал неплохим матросом яхты. И надо же так случиться, что капитаном этой яхты был писатель Андрей Некрасов, тот самый, который написал знаменитого «Капитана Врунгеля».

Что было делать мальчишке под напором такого морского волка, как сам капитан Врунгель? Конечно же, Аркадий окончательно и на всю жизнь заболел морем. В 1939-м были открыты военно-морские спецшколы. Аркадий решил подать туда документы. Отец не отговаривал, хоть с сожалением заметил, что мечтал видеть его летчиком.

Учиться было интересно. В июне 1941-го шестнадцатилетние подростки в новенькой морской форме поехали на практику. Сперва побывали в Ленинграде, а потом отправились на Ладожское озеро. Настоящие военные корабли, шлюпочные гонки, парусные регаты, стрельбы из боевого оружия — от всего этого мальчишки были в восторге. И вдруг построение по тревоге — война! Подростки рвались на фронт. Они уже умели стрелять, могли запустить двигатель и даже управлять катером — кого же, как не их, на фронт? Но ребят отвезли в Москву. Потом эвакуация, напряженная учеба и, наконец, 23 февраля 1943 года принятие присяги. Ну, теперь-то уж точно на фронт! Нет, направили в Баку: там в это время были оба знаменитых морских училища из Ленинграда — имени Фрунзе и имени Дзержинского.

— Меня направили в «Дзержинку»,— вспоминает Аркадий Петрович.— Расстроился я страшно, потому что видел себя не инженером, а штурманом, а еще лучше — командиром корабля, стоящим на мостике. Но спорить бесполезно. Помог случай. В те годы я неплохо играл на трубе. И вот однажды, будучи дежурным, сижу в кубрике и наигрываю что-то грустное. А тут незнакомый подполковник. «А погромче и повеселее можешь?» Я выдал нечто фокстротное. «Годишься! Нам как раз нужен трубач. Пойдешь во «Фрунзевку?» «Побегу!» — вскочил я. Через день меня перевели в другое училище. Дипломы мы защищали уже в Ленинграде, а практику сорок четвертого — сорок пятого годов проходили на боевых кораблях Черноморского флота: сперва на крейсере «Красный Кавказ» — он вел боевые действия, а потом на тральщиках. Боевое траление — дело нешуточное. Мин немцы оставили великое множество, причем самых разных систем. Бед они натворили немало, но все же мы их уничтожили. Словом, в том, что Черное море стало чистым и безопасным для мореплавания, есть и наш, курсантский вклад.

Но моими любимыми предметами были кораблевождение и навигация. Особенно навигация. Вроде бы предельно точная, но необычайно романтичная и загадочная наука. Тысячи лет из пункта «А» в пукт «Б» плавают по морям и океанам корабли, плоты, каравеллы, и всегда их капитаны находили этот самый пункт «Б». Это и сейчас, когда на кораблях огромное количество приборов, не такое уж простое дело — ветры, штормы, ураганы, течения, туманы вносят серьезные поправки в показания всевозможных стрелок. А раньше? Как же водили корабли раньше? По звездам. Никогда не забуду своих первых учителей по навигации. Они говорили: приборы приборами, но нет ничего надежнее Полярной звезды,— и заставляли определять место корабля в открытом море, не глядя на стрелки.

Решено, буду штурманом, сказал я себе. Но надо же случиться, что на так называемых стволиковых стрельбах я поразил все мишени, и в качестве поощрения мне разрешили стрельнуть главным калибром эсминца. Все снаряды — в щит! Решено, буду артиллеристом, сказал я себе. Но начальство и судьба распорядились по-своему: я стал подводником. Сразу после окончания училища меня направили на Тихоокеанский флот. Тогда ведь лодки были дизельные, далеко от берегов не уходили, да и подводными их называли условно, они ведь были ныряющие: без всплытия и подзарядки батарей плавать можно очень недолго. Но все равно лодки меня покорили, сразу и на всю жизнь.

— А как же с мечтой стоять на мостике и смотреть на звезды? — спросил я.

— Мечта сбылась. Только стоял я не на мостике, а у перископа и звезды видел через него. Кстати говоря, стоять у перископа — это особая привилегия командира лодки. Так вот, мне понадобилось пять лет, чтобы заслужить эту привилегию. В пятьдесят втором я стал командиром «малютки», потом «щуки», а в пятьдесят пятом перевели на Северный флот и назначили командиром совершенно новой океанской лодки.

— Дизельной?

— Конечно. Тогда были только дизельные. Но эта лодка могла уходить далеко от берегов, могла довольно долго не всплывать, и вообще по тем временам это было последнее слово техники. Тогда же, впервые в истории нашего флота, мы сходили на этой лодке в Атлантику, пересекли экватор и вернулись домой.

— Трудно было?

— Очень. Во-первых, далеко от дома: если что случится, помощи ждать неоткуда. Во-вторых, тогда Атлантика была вотчиной американцев, и встреча с ними была нежелательна. Я уж не говорю о колоссальных волнах, дикой жаре, сложностях навигации и радиосвязи. Но по ночам мы иногда всплывали. Тогда-то и вспоминал я добрым словом преподавателей, которые научили «разговаривать» со звездами.

— Значит, этот поход стал своеобразной вехой в истории Северного флота?

— Да, с тех пор Северный флот стал океанским. Наши корабли начали ходить во все моря и океаны без каких-либо ограничений в длительности плавания.

— А чем этот поход памятен лично вам?

— Бесконечной зубрежкой,— улыбнулся Аркадий Петрович.— Дело в том, что все свободное время я готовился к поступлению в академию.

— И поступили?

— Нет.

— Не сдали экзамены?

— Ну что вы... Просто меня не отпустили с лодки. Правда, на следующий год все же отпустили, и я чуть было не застрял в академии навсегда.

— Как это?

— Понимаете, произошла довольно странная история: сперва я стал кандидатом военно-морских наук, а потом защитил диплом. Если бы мне сказали, что такое возможно, ни за что бы не поверил. А все оказалось проще простого. Дело в том, что я всегда имел склонность к математике и, если так можно выразиться, к серьезному анализу. Даже во время дальних походов я все время что-то рассчитывал, сопоставлял, вычислял. Короче говоря, в конце концов написал работу о групповых действиях подводных лодок и сдал на кафедру. Статью опубликовали в трудах академии, а мне предложили сдать кандидатский минимум и готовиться к защите диссертации. Я сдал, подготовился и в мае стал кандидатом наук. А в июне на основе диссертации защитил диплом. Такая вот получилась петрушка... Конечно же, мне предложили остаться в академии и перейти на преподавательскую работу, но как раз в это время началась коренная перестройка подводного флота — он становился атомным. Разве мог я усидеть в аудиториях?! Короче говоря, получил новенький атомный ракетоносец — и началась новая эра как в моей жизни, так и в жизни всего флота.

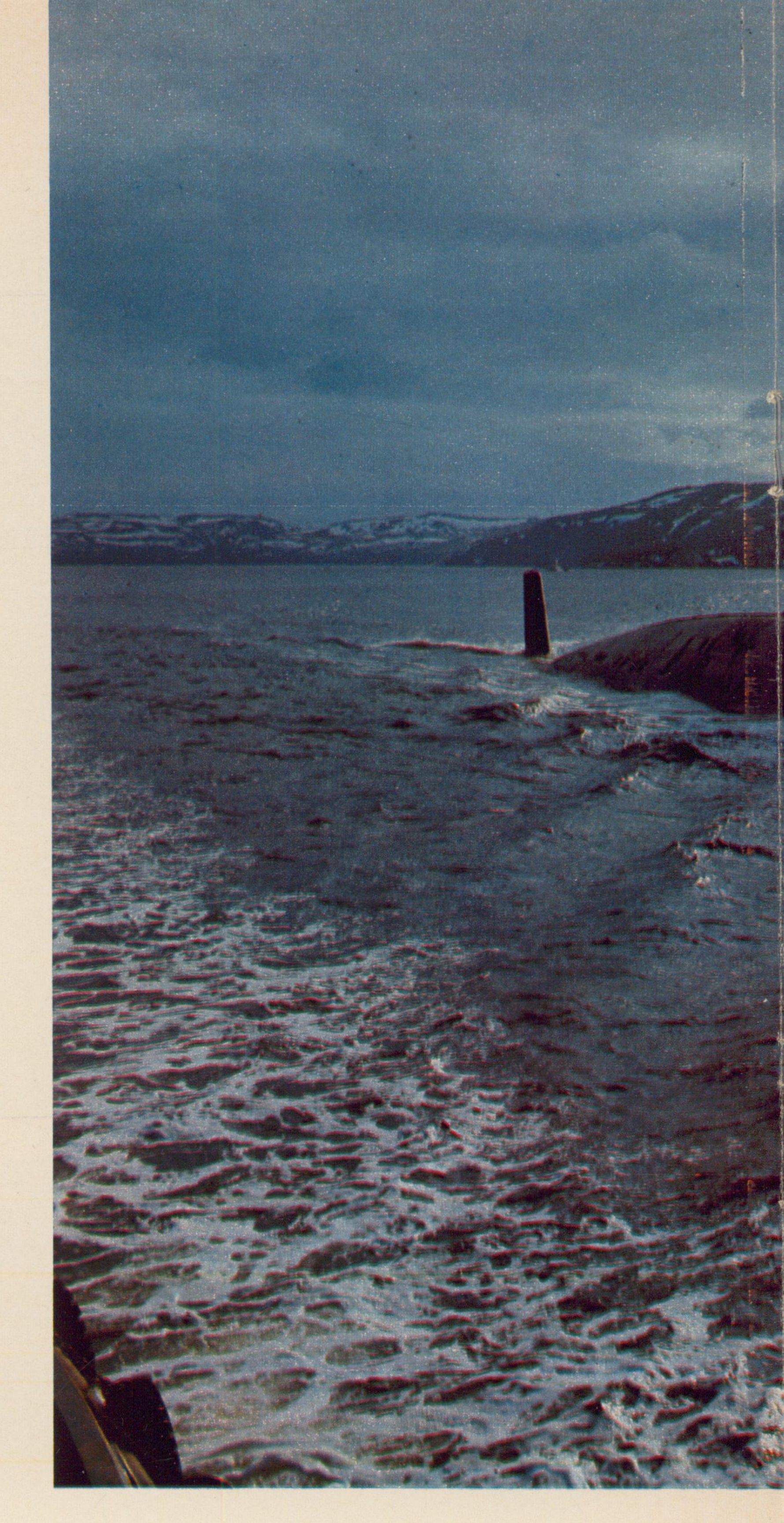
— К этому времени вы были капитаном второго ранга, кавалером ордена Красной Звезды и медали «За боевые заслуги». За плечами — океанские походы, научная работа, служба на самых разных типах лодок. И вдруг переучиваться, осваивать совершенно новую технику. Не было у вас сомнений, колебаний? Ведь дизельные лодки существуют и поныне — вы могли бы спокойно продолжать службу на них.

— О чем вы говорите? Как можно было сомневаться, если речь шла о сверхинтересной технике, о принципиально новых возможностях — ведь лодки становились действительно подводными, а не ныряющими! В 1963 году за

Командующий Краснознаменным Северным флотом Герой Советского Союза адмирал А. П. Михайловский и капитан I ранга А. С. Ковальчук приветствуют моряков атомного крейсера «Киров». * В походе...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Командир атомной подводной лодки капитан II ранга В. Г. Лопаткин * Впереди — океан. Атомная уходит из родной гавани * Подводная цель будет поражена! * С моря — в бой! * После полетов *

541

518

517

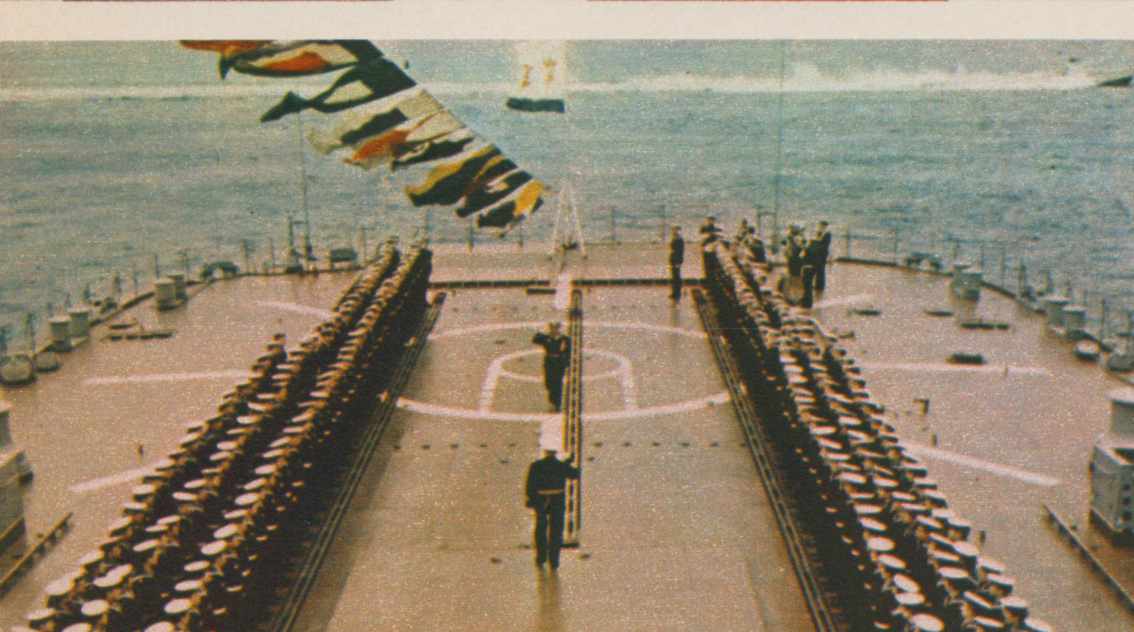

отличные показатели в боевой и политической подготовке, а также за освоение новой техники экипаж нашей лодки был награжден орденами и медалями, а мне присвоили звание Героя Советского Союза.

— А после этого были длительные походы?

— Были. Тем не менее во время одного из них я снова засел за бумаги и... написал докторскую диссертацию. Видимо, потому, что тема была не отвлеченная, не теоретическая, а впрямую связанная с действиями атомных подводных лодок, защита прошла успешно. И снова мне предлагали оставить флот и заняться научной работой. Но я не ученый-теоретик, я практик и потому снова вернулся на Север.

Хоть это и похоже на литературную красивость, но если бы эту главу можно было назвать «Жизнь, отданная флоту», никакого преувеличения здесь бы не было. Из сорока лет службы без малого тридцать Аркадий Петрович Михайловский отдал Северному флоту. И именно Северный флот воспитывал молодого офицера, сделав из него прекрасного подводника, ученого, флотоводца. Вот уже третий год депутат Верховного Совета РСФСР, доктор военно-морских наук, кавалер двух орденов Ленина, ордена Красного Знамени и ордена Красной Звезды, Герой Советского Союза адмирал Аркадий Петрович Михайловский занимает высокий пост командующего Краснознаменным Северным флотом.

В НЕБЕ ЗАПОЛЯРЬЯ

«Штурмовики с курса не сворачивают!» Такой лозунг я увидел в кабине штурмовика Ил-2, одной из самых грозных машин войны. Рядом с этим самолетом — истребитель И-16, тут же торпедоносец Ил-4, транспортный Ли-2, а неподалеку «мессершмитт», «харрикейн», «китти-хаук».

Летчики, поднимающие в небо самые современные самолеты, придирчиво и дотошно осматривали старые военные машины, уточняли их тактико-технические данные, расспрашивали о том, где они были найдены и как восстановлены.

— Найдены они в тундре,— рассказывал полковник В. А. Бондаренко, сотрудник музея ВВС Северного флота.— В болотах, речках и озерах еще немало сбитых самолетов — вражеских и наших. Посмотрите на эту карту: видите, здесь точно обозначено, где и какие лежат самолеты. Впрочем, самолетами это назвать трудно. Вот что мы привозим из тундры,— указал полковник на половину крыла, вдребезги разбитый фюзеляж и штопором скрученный пропеллер.— Вы, конечно, видели обелиск и изогнутый трехлопастный пропеллер у въезда в наш поселок. Тот винт вот с этого торпедоносца. Были там и останки летчика. 8 мая прошлого года весь город принял участие в торжественном захоронении праха пилота. Летчики-североморцы воевали мастерски: в нашей аллее героев 54 бюста Героев Советского Союза. 53 из них стали Героями во время войны, а один, Юрий Гагарин, служил у нас в послевоенные годы. Ну, а дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова знают все, его именем назван поселок на севере.

— «Штурмовики с курса не сворачивают!» — такой же лозунг и в кабине моего самолета,— сказал капитан А. В. Белкин.— Мой самолет — морской, взлетает и садится на палубу корабля. С курса мы действительно не сворачиваем, хотя порой нам пытаются помешать.

— Кто?

— Желающих немало. Когда мы на противолодочном крейсере «Киев» выходим в океан, рядом все время крутятся американские, английские и другие корабли стран НАТО. А самолеты и вертолеты с их авианосцев ведут себя так нагло, что буквально зависают над нашей палубой и мешают проводить учебные полеты. Тут уж приходится проявлять характер и нам: идем, не сворачивая с курса! Теперь я знаю, что этот лозунг, а скорее девиз штурмовиков придумали Л. Колтунов и А. Корсунский. Они погибли в июле сорок третьего. Но их дело, причем под их девизом, продолжаем мы, летчики восьмидесятых.

Из ангара, где стоят самолеты, мы перешли в любовно оформленное здание музея. Вот фотографии и копии приказов: авиация Северного флота начиналась в октябре тридцать шестого с трех гидросамолетов. Доставили их сюда в разобранном виде и собирали на том месте, где сейчас здание музея. К июню сорок первого здесь было уже 116 самолетов, у фашистов — 350. Но трехкратное превосходство не помогло: уже 24 июня командир эскадрильи старший лейтенант Борис Сафонов открыл боевой счет авиации флота, сбив в воздушном бою вражеский «хейнкель». О короткой и яркой жизни дважды Героя Советского Союза Б. Ф. Сафонова написано и рассказано немало, но в музее есть несколько уникальных документов, о которых просто нельзя не упомянуть. Борис Сафонов погиб в мае сорок второго, к этому времени на его счету было 30 самолетов, сбитых лично, и 3 — в групповых боях. Уже будучи командиром полка, он воспитал 13 Героев Советского Союза. В музее есть тщательно восстановленный уголок командного пункта Б. Ф. Сафонова. Телефон, патефон, стол — все вещи, кстати, подлинные, принадлежавшие командиру. А над всем этим лозунг: «Убитый фашист на севере не будет воевать на юге».

Именно этот лозунг больше всего поразил летчиков, с которыми мы ходили по музею.

— Эти слова принадлежат самому Сафонову!— восхищенно говорил майор А. Н. Зворыкин.— Судите сами, у немцев трехкратное превосходство, сами самолеты у них тогда были лучше наших, я уж не говорю о боевом опыте, который получили их летчики, воюя на Западе. И все же Сафонов понимал: надо как можно больше сил врага оттянуть сюда, на север, надо воевать так, чтобы они снимали эскадрильи и полки из-под Москвы, Ростова и Сталинграда.

— А вот еще один девиз летчиков!— воскликнул майор Л. П. Козлов.— «Каждого фашиста — в море, каждый корабль — на дно!» Умели же люди говорить коротко и предельно ясно! Задача нашей вертолетной эскадрильи — обнаружение и уничтожение подводных лодок. К счастью, «противник» у нас на всех учениях условный, но если придется с этого слова снять кавычки, мы будем сражаться под лозунгом: «Каждого противника — в море, каждый корабль — на дно!»

— Обратите внимание на эту фотографию,— позвал товарищей капитан Л. К. Морванюк.— Это немецкий ас Мюллер, у которого было несколько десятков побед. А сбил его совсем молодой летчик, гвардии старший сержант Бокий, тоже, кстати, воспитанник Бориса Сафонова.

— А как это было?

— Читаю. «Бокий обладал прекрасным чувством ориентировки в бою. Заметив, что от ведущего пары, Мюллера, оторвался ведомый, Бокий незаметно занял его место. Мюллер был уверен, что умело повторяющий за ним фигуры высшего пилотажа — его напарник. Опасность он понял лишь тогда, когда советский истребитель с короткой дистанции открыл огонь. Первой же очередью самолет Мюллера был поврежден. Мюллер совершил посадку и пытался уйти к своим, но его быстро задержали. Позже Мюллер попросил показать ему советского аса, который одержал над ним победу. Когда пригласили совсем молодого летчика, к тому же не офицера, а всего лишь старшего сержанта, Мюллер долго не мог поверить, что это есть тот самый советский ас, который так умело его сбил».

— А вот радиограмма, последняя радиограмма Сафонова,— сказал капитан В. А. Ульянов, сам опытный радист, начальник связи вертолетной эскадрильи.— Здесь рассказывается о последнем бое Сафонова 30 мая 1942 года. Это было над морем. Трое наших перехватили и атаковали большую группу истребителей и бомбардировщиков противника. «Сбил двух. Подбил третьего... Мотор...» И все. Видимо, попали в мотор, и самолет упал в море.

— Да, товарищи офицеры,— вступил в разговор полковник Бондаренко.— Сотни авиаторов погибли в Заполярье. Их именами названы поселки, улицы, школы, их имена носят корабли и части. Память о них священна. Но мне кажется, самая лучшая память о павших — это когда живые продолжают их традиции, их славные дела. А тут уже слово за вами.

НА ВОДЕ И ПОД ВОДОЙ

Этот корабль, стоящий среди множества других в бухте, не спутаешь ни с каким другим. Своими размерами, обводами корпуса, какой-то особой величавостью он заметно выделяется среди своих собратьев. Ракетный крейсер «Киров» — принципиально новое достижение советского кораблестроения, ведь «Киров» не просто крейсер, он атомный крейсер.

— Самое замечательное то,— говорит командир «Кирова» капитан I ранга А. С. Ковальчук,— что наш крейсер унаследовал военно-морской флаг того, довоенного «Кирова», мы приняли как самую дорогую святыню орден Красного Знамени, которым он был награжден в феврале сорок третьего. А на двери моей каюты — медная табличка: посмотрите, цифра «1» и надпись: командир корабля—так вот эту табличку драили еще те матросы, которые воевали на одном из самых славных кораблей советского Военно-Морского Флота. Эту табличку мне, первому командиру атомного «Кирова», передал последний командир старого крейсера капитан первого ранга Гельманов. И это еще не все! В тридцать восьмом году Казахстан принял шефство над первым крейсером, построенным в советское время. Уже тогда на «Кирове» служили лучшие посланцы молодежи этой степной республики. По традиции это шефство перешло к нам: недавно на корабле побывала делегация из Алма-Атинской области, а среди членов экипажа немало парней, прибывших к нам по путевкам комсомола из Казахстана. Так что традиции живы и передаются от корабля к кораблю, от одного поколения моряков другому!

— А не касаются ли эти традиции, в том числе и связи с Казахстаном, лично вас? Почему-то среди ваших наград рядом с орденами «За службу Родине» третьей и второй степени я вижу медаль «За освоение целинных земель».

— Ну-у, это особая статья, особая страница моей биографии!— воскликнул Александр Сергеевич.— Я расскажу. Но начать придется издалека. Родился и вырос я в Днепропетровске. К морю тянуло с детства, хотя отец был человек сугубо штатский — редактировал газету. Когда началась война, мне было три года, но вот что удивительно: прекрасно помню, как по дороге в военкомат он забрал нас с сестрой из детсада, помню его гимнастерку, его запах, его руки. Больше я отца не видел. Погиб он в самом начале войны. Осталось несколько писем — и все. Так что я того, особого поколения, которое росло без отцов, знает цену хлебу, труду, элементарному вниманию и ласке, которое росло и мужало, рассчитывая прежде всего на себя, на свои силы, свой характер. Но у нас была огромная тяга к знаниям. Ведь правда? Мы занимались в бесчисленных кружках и секциях, помогали матерям, были записаны в нескольких библиотеках, ну и, само собой, хорошо учились. Я, например, окончил школу с золотой медалью и тут же поступил в знаменитую «Фрунзевку». В пятьдесят девятом молоденьким лейтенантом прибыл на Северный флот. Мой первый корабль — эсминец «Московский комсомолец», первая должность — командир артиллерийской батареи. А в мае шестидесятого во главе автомобильного взвода уехал на целину. Вот времечко было, никогда не забуду! Мы работали на уборке урожая в Кустанайской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областях. Жили по-флотски. Каждое утро подъем флага, били склянки, стояли вахту и т. д. И работали как черти! Нет, я серьезно. Гражданские водители делали по две-три ходки в день, а наши матросы — по семь. Иногда так уставали, что не доезжали до палаток и засыпали в пути. Разыщешь машину, растолкаешь водителя — что, мол, не едешь, а он в ответ: чего время тратить на дорогу, посплю в кабине, зато утром — ближе к комбайну. До сих пор помню таких ребят, как Бочаров, Шмаков, Андреев, Матвеев. Нет, что ни говорите, а ничто так не сплачивает людей в мирное время, как совместно пролитый пот!

На корабль вернулись в декабре и без всяких отгулов и отпусков начали готовиться к походам и учениям. На боевых стрельбах ни один снаряд не ушел мимо цели: мы завоевали приз комфлота, а потом и Главкома. Да что там говорить, не матросы были, а самые настоящие асы своего дела!

А как меня драил командир корабля, когда я стал его помощником, а потом и старпомом! Владимир Гаврилович Сахаров — вот кто сделал из меня командира. С ним я ходил в Атлантику, с ним совершил переход из Североморска в Севастополь, а для эсминца это не такое простое дело. Потом был старпомом на большом противолодочном корабле «Адмирал Макаров», командовал ракетным крейсером «Адмирал Зозуля», в это же время коммунисты избрали меня делегатом XXV съезда партии, а потом командование предложило принять атомный крейсер «Киров». Приехал на завод, а там только килевая дорожка. Короче говоря, все офицеры, мичманы и матросы

Отличники боевой и политической подготовки А. Свинаренко и Е. Герасимов * Построение по большому сбору * В атаке командир роты морской пехоты старший лейтенант В. Н. Стовпивский * Матросская пляска * Фотография на память * В кают-компании подводной лодки * Выходной день. Детский городок.

принимали участие в строительстве корабля от киля до клотика, я уж не говорю о приемке оборудования, ходовых испытаниях, стрельбах, пусках ракет и т. д. Советская наука и техника сконцентрировали здесь последние достижения, а наша задача, задача военных моряков, так освоить эту технику, чтобы в случае необходимости мы могли дать самый решительный отпор всем любителям бряцать оружием.

— Такая же задача и у нас,— продолжает командир атомной подводной лодки, кавалер ордена «За службу Родине» III степени и медали «За боевые заслуги» капитан II ранга В. Г. Лопаткин.— Американские подводные лодки с ядерным боезапасом на борту все время плавают в непосредственной близости от советских территориальных вод. Только американский 2-й флот держит на нашем театре 41 подводную лодку. Да еще 6 авианосцев, 720 самолетов и 103 корабля охранения. Эти цифры известны, они опубликованы в книге «Откуда исходит угроза миру». Так что служба у нас особая: мы, как пограничники, каждую минуту должны быть начеку.

— Может быть, поэтому ранняя седина? — спросил я.

— Может быть. Мне тридцать пять, а шевелюра уже лет шесть наполовину белая.

— У вас, кажется, есть дочь?

— Да. Но будет и сын! Иначе нельзя. У нас в роду все моряки: отец, братья, причем все североморцы.

А потом мы побывали на лодке, которой командует В. Г. Лопаткин, познакомились с офицерами, мичманами и матросами, которые беззаветно влюблены в свою нелегкую службу, осмотрели все посты, были обескуражены громовым хохотом, когда, проходя мимо атомной энергетической установки, жались к переборке, поужинали в кают-компании традиционной курицей с черносливом, подкрепились сухим вином, которое ежедневно выдается всем подводникам, пересели на быстроходный катер и довольно долго, до самого выхода в открытое море, шли параллельным курсом, провожая лодку в дальний океанский поход.

АТАКУЕТ МОРСКАЯ ПЕХОТА

Этих подтянутых, крепких ребят все мы не раз видели на парадах, проходящих на Красной площади. Когда из-за Исторического музея появляется военно-морской флаг, под которым, четко печатая шаг, движется черное, рассеченное треугольниками тельняшек каре морской пехоты, какая-то особая удаль, основательность и, я бы сказал, лихость вливаются на Красную площадь.

Командир части морской пехоты кавалер ордена «За службу Родине» III степени и медали «За боевые заслуги» подполковник А. Е. Ермаков в парадах на Красной площади участвовал десять раз: сперва суворовцем, потом — курсантом, позже — слушателем академии и, наконец, командиром парадного полка. В этом году по Красной площади снова пройдут представители Северного флота, и снова впереди стройных колонн мы увидим высокого, крепко сложенного подполковника, с обветренным северными ветрами лицом и традиционными для морских пехотинцев пушистыми усами.

Парад — дело серьезное, к нему готовятся не один месяц, и участвуют в нем лучшие из лучших. А мы видели будни — трудные будни морской пехоты, которая «воюет» без тылов и соседей, да к тому же на южном берегу Баренцева моря, в котором вода теплее четырех градусов не бывает.

— Нам-то что, у нас плавающие танки, бронетранспортеры и другая современная техника,— говорит А. Е. Ермаков.— А каково было морским пехотинцам времен войны! Поздней осенью сорок четвертого высаживался знаменитый десант капитана Барченко-Емельянова и лейтенанта Леонова. Десант высаживался с торпедных и сторожевых катеров под ураганным огнем противника. Солдаты и матросы прыгали прямо за борт, а вода здесь такая, что дольше четырех минут продержаться невозможно — заночанеешь, и на дно. Но десантников грела ненависть! К этому времени каждый из них видел столько бессмысленных зверств, столько нечеловеческих жестокостей со стороны фашистов, что солдаты и матросы были раскалены до предела. Недаром немцы так боялись морской пехоты: черной смертью называли они десантников в тельняшках и бушлатах. Накануне операции наши разведчики раздобыли одну книжицу. Тонкая такая книжка, на обложке немецкий солдат с винтовкой на плече, у ног — пулемет и миномет. Когда ее перевели и прочитали в подразделениях, не нужно было никаких митингов и призывов беспощадно бить врага. Эту брошюру и сейчас можно увидеть в музее Северного флота. Я списал всего одну страничку. Послушайте, с чем шли на нашу землю фашистские завоеватели.

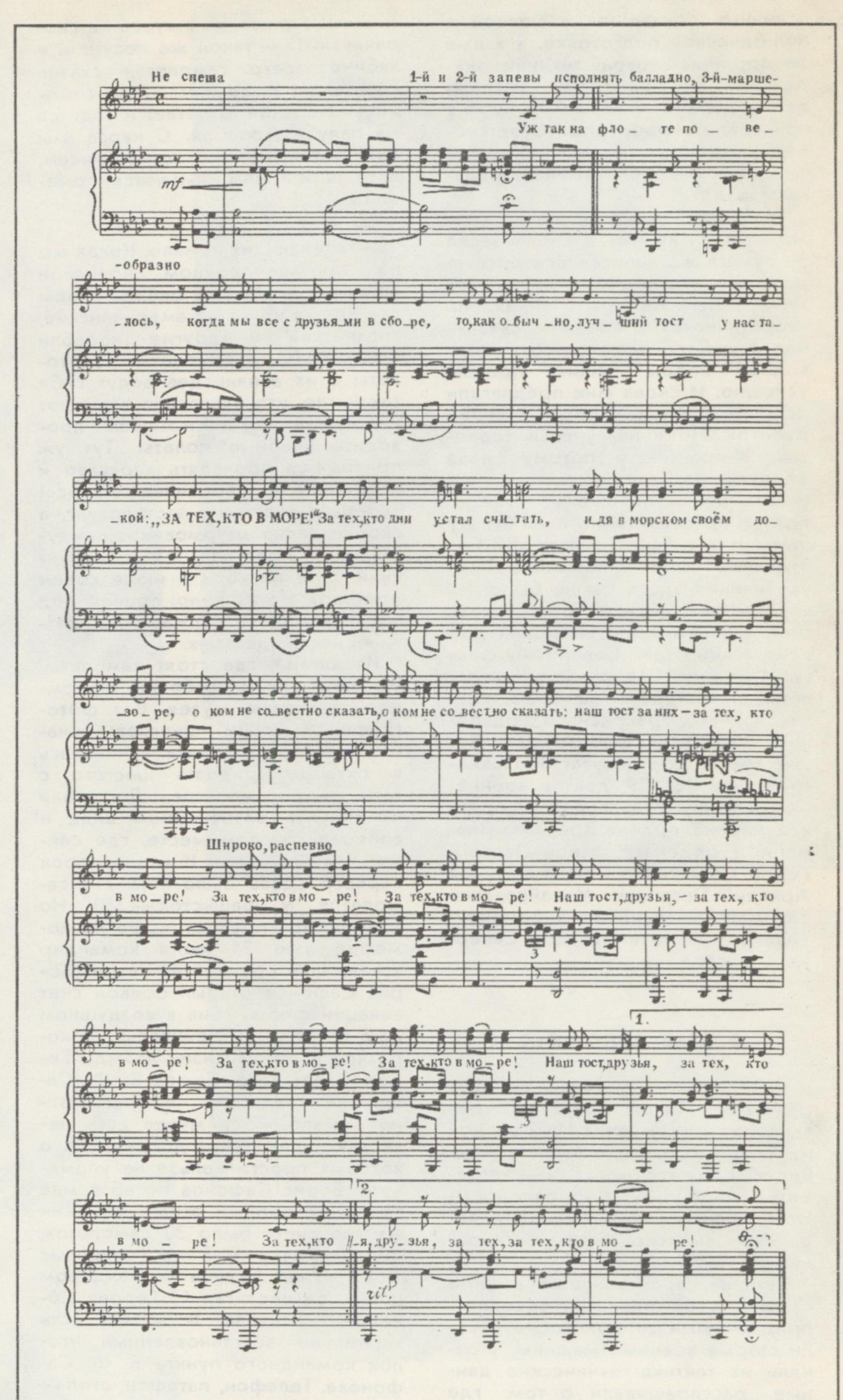
«Утром, днем, ночью всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя, знай — он думает и делает за тебя... Когда на тебя нападут русские варвары, ты думай о фюрере и действуй решительно. Они все погибнут от твоих ударов. Помни о величии, о победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, старик перед тобой или женщина, девушка или мальчик, убивай, этим самым спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее всей семье и прославишься навеки. Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты германец, как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути».

Подполковник нервно закурил, подергал ус, до белизны в суставах сжал кулак и спросил:

— Не правда ли, что-то знакомое, особенно в последних строчках? И сейчас на Западе есть люди, которые думают, что никто не устоит перед их напором, что они абсолютные хозяева и что завтра перед ними на коленях будет стоять весь мир. Дудки! Ни черта у них не выйдет, как не вышло у их предшественников. Для этого есть мы, солдаты Вооруженных Сил Советского Союза. А что касается морской пехоты, то она не утратила традиций отцов и дедов. Недаром наша часть приняла боевое знамя и орден Красного Знамени от полка, который сорок лет назад вместе с другими частями не дал фашистам перейти границу, а потом участвовал в разгроме Печенгской и Киркенесской группировок.

А на следующий день мы видели батальонные учения. Мы видели, как на плавающих танках и бронетранспортерах десантники бесстрашно преодолевали широкий холодный залив, как выпрыгивали на полузатопленную отмель, как умело и грамотно атаковали «противника», как завязывались яростные рукопашные схватки, когда ребята «заводились» по-настоящему, когда никто не хотел уступать и побеждал действительно сильнейший. И все это под холодным дождем, по колено, а то и по пояс в воде, под порывами колючего северного ветра.

Нет, что ни говорите, а морская пехота — это морская пехота. И этим сказано все!

ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ!

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА **Стихи Николая ФЛЕРОВА**

Уж так на флоте повелось —
Когда мы все с друзьями в сборе,
То, как обычно, лучший тост
У нас такой: «За тех, кто в море!»

За тех, кто дни устал считать,
Идя в морском своем дозоре,
О ком не совестно сказать,
О ком не совестно сказать:
Наш тост за них — за тех, кто в море!

Припев: За тех, кто в море!
За тех, кто в море!
Наш тост, друзья,
За тех, кто в море!

За тех, кто вышел в океан,
Кто в Черном, в Баренцевом, в Белом
Пробьется сквозь любой буран,
Всегда пройдет в порыве смелом.

За тех, кто, может, не придет,
Но если вновь к причалу станет,
То добрым словом в свой черед,
То добрым словом в свой черед
Ушедших в плаванье вспомянет.

Припев.

Когда ж придет походный час
И станут дни и ночи жарки,
Мы знаем, кто-то и за нас
Поднимет дружеские чарки.

От этой мысли нам теплей,
И где бы ни был ты в просторе —
У моряков полно друзей,
У моряков полно друзей,
А тост друзей: «За тех, кто в море!»

Припев.

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ПОИСКА

КОРРЕСПОНДЕНТ ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ»

Ю. ПЕСИКОВ

В одном из июльских номеров «Огонька» за 1963 год рассказывалось о подготовке к изданию многотомной истории КПСС. Журнал сообщал, в частности, что на страницах издания решено напечатать портреты девятнадцати твердых искровцев, поддержавших В. И. Ленина на II съезде РСДРП. Заметим, что еще нигде и никогда не публиковались все фотографии. Разыскать некоторые из них было нелегко. А один снимок — Герасима Михайловича Мишенева, делегата Второго съезда от Уфимской организации, несмотря на долгие поиски в библиотеках, архивах, полицейских досье, несмотря на многочисленные запросы, найти не удавалось. Не дали результата и специальные экспедиции в районы Башкирии, где некогда работал Герасим Михайлович. «Огонек» обратился за помощью к читателям. И вскоре в редакции раздался звонок. «Говорит Мишенева, дочь Герасима Михайловича!»

В тот же день в гостях у Галины Герасимовны Мишеневой побывали корреспондент «Огонька» и научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В ее архиве оказался семейный снимок, на котором запечатлен Герасим Михайлович с женой Анной Алексеевной и дочерью Галей — ей тогда не было и года. Журнал рассказал об этой находке в одном из своих ноябрьских номеров за 1963 год. Фотография большевика Г. М. Мишенева была напечатана в I томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза».

НОВОЕ О СТАРОМ СНИМКЕ

Меня, саратовского журналиста, очень заинтересовал найденный снимок. На фотографии, сделанной в 1902 году, фирменный оттиск: «М. Шепелевъ. Саратовъ». На оборотной стороне: «Фотографія. М. Н. Шепелевъ. Саратовъ. Александровская ул. между Нѣмецкой и Б. Кострижной. Домъ Борисова».

Фамилия Шепелева мне уже встречалась. Рассматривая снимки саратовских революционеров, я обратил внимание на то, что многие почему-то фотографировались именно у него. Почему? Не причастен ли он к революционным делам?

После долгих поисков в архивах я обнаружил любопытный документ: телеграмму начальника С.-Петербургского охранного отделения, посланную 4 декабря 1907 года начальнику Саратовского губернского жандармского управления: «У весьма важного государственного преступника найдена следующая запись: «Саратов, фотография Шепелева». Прошу немедленно принять меры выяснения лиц по этой явке и проживающих там. Если нужно, обыщите, арестуйте, сообщив результаты телеграммой. Генерал-майор Герасимов».

Ночью к Шепелеву ворвались жандармы и перерыли все вверх дном. Обнаружили «крамолу»: книги Фридриха Энгельса, Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта, произведения Льва Толстого, Максима Горького, брошюру «Революционные кружки в Саратове» и другую нелегальную литературу. Охранка установила, что фотография Матвея Никифоровича Шепелева была местом встреч революционно настроенных людей, конспиративным адресом при переписке саратовских революционеров с иногородними. Судя по документам архива, Шепелев, продолжая заниматься фотографией, находился под надзором охранки вплоть до 1913 года. О дальнейшей его судьбе узнать не удалось.

АВТОГРАФ МИШЕНЕВА

В фондах Саратовского областного краеведческого музея обнаружен еще один снимок, сделанный в Нижнем Новгороде. На обороте фотографии — автограф: «Я. Ст. Пятибратову. Искренне уважающий и горячо желающий счастья Мишенев». Яков Степанович Пятибратов — тот самый сормовский рабочий-революционер, пропагандист, которого Петр Заломов (прообраз Павла Власова в романе Горького «Мать») считал своим учителем. Еще в начале 90-х годов прошлого века Пятибратов участвовал в рабочих марксистских кружках Нижнего Новгорода. Его знали, высоко ценили старые большевики. Он встречался с В. И. Лениным на собрании группы марксистов в Нижнем Новгороде, с Максимом Горьким.

Когда же подружились Пятибратов и Мишенев?

В сборнике «1905 год в Саратовской губернии», изданном в 1925 году, опубликованы воспоминания Я. С. Пятибратова. В Саратов он приехал в начале 1902 года, а Герасим Михайлович — в конце 1904 года. Они были знакомы по прежней совместной революционной работе в Мензелинске, небольшом уездном городке Уфимской губернии, куда царские власти в 1896 году сослали Пятибратова. Вспоминая ту пору, Яков Степанович рассказывал, что в 1899 году в городе Мензелинске появился помощник страхового агента Уфимского губернского земского страхования Герасим Михайлович Мишенев. Он быстро перезнакомился со всеми политическими ссыльными, в числе которых был и Пятибратов. В дальнейшем до конца ссылки Яков Степанович был с ним в приятельских отношениях.

Герасим Михайлович окончил Благовещенскую учительскую семинарию. В 1894 году обучал грамоте ребят в земском начальном училище в рабочем поселке Рудничное Уфимской губернии. Тогда же началась его революционная деятельность. Он хотел продолжить свое образование — занимался в Казанском учительском институте. Но оттуда был исключен как политически неблагонадежный. В Мензелинске женился на учительнице Анне Алексеевне Афанасьевой, а поручителем жениха был ссыльный Яков Степанович Пятибратов.

...На II съезде РСДРП Герасим Михайлович, один из руководителей Уфимского социал-демократического комитета, выступал твердым искровцем и по всем важнейшим вопросам поддерживал В. И. Ленина. В работе «Шаг вперед, два шага назад» Владимир Ильич дал высокую оценку выступлениям Мишенева. Вернувшись в Уфу, он рассказал товарищам о расколе на съезде, о его решениях. Обсудив доклад своего делегата, Уфимский комитет занял большевистскую позицию.

НА ВОЛГЕ, В САРАТОВЕ

В октябре 1903 года соратник В. И. Ленина И. Ф. Дубровинский писал в редакцию «Искры» из Самары: «Передвинулся в Вавилон[1] Мишенев (делегат Уфы), надеемся выяснить с его помощью положение дел в этом граде...» Выполнив это партийное поручение, Герасим Михайлович снова вернулся в Уфу. Потом он переселился в Саратов, где стал одним из руководителей местного социал-демократического комитета, организовал массовые политические выступления рабочих. В ту пору с особой силой проявился организаторский талант большевика, его стойкость, самоотверженность.

[1] Так называли Саратов в конспиративной переписке.

Г. М. Мишенев с женой Анной Алексеевной и дочерью Галей. 1902 год.

Я долгое время искал в жандармских архивах материалы о революционной работе Мишенева. Пересмотрел много «дел», заведенных охранкой, но нигде не встретил фамилии Мишенев. А «Мишенева» попадалась. И не раз. Вот что поведали ветхие, поблекшие страницы.

...В сентябре 1903 года в Саратов из Уфы приехала молодая женщина. В пути за ней увязался некий господин, оказавшийся агентом охранки. И как только она появилась в Саратове, начальник местного розыскного отделения послал начальнику Уфимского охранного отделения депешу:

«Секретно. 12 сентября 1903 г. Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что 11-го сего сентября, под наблюдением филера вверенного Вам отделения прибыла в г. Саратов проходившая по наблюдению в г. Уфе неизвестная женщина под кличкой «Касатка». Она принята для дальнейшего за нею наблюдения. Ввиду сего покорнейше прошу сообщить мне имеющиеся в Вашем распоряжении сведения о личности, сношениях и деятельности ее и насколько последняя касается г. Саратова».

Ответ из Уфы пришел немедленно. «Секретно. Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что находящаяся под наблюдением в Уфе неизвестная (кличка «Касатка») была близко знакома с лицами, стоящими во главе Уфимского социал-демократического комитета.

Ввиду того, что означенная личность по не зависящим от охранного отделения обстоятельствам осталась неустановленной, я покорнейше прошу распоряжения Вашего Высокоблагородия об установке ее, а равно и дальнейшего за нею наблюдения, так как есть основания предполагать, что она не замедлит выслать в Уфимский комитет нелегальную литературу, коей последний в настоящее время крайне беден. О последующем прошу меня уведомить».

За молодой женщиной следило «недреманное жандармское око». И вот донесение начальника Саратовского охранного отделения. «4 октября 1903 года. Секретно. Начальнику Уфимского охранного отделения. Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что неизвестная женщина под кличкой «Касатка» оказалась крестьянкой с. Куганак Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, Анной Алексеевной Мишеневой, 22 лет, состоящей ученицей II курса Саратовской фельдшерской школы».

Об установлении личности «Касатки» было немедленно сообщено и в Петербург, в центр политического сыска, в департамент полиции.

В деле — дневник наблюдения за женой Герасима Михайловича. В нем сказано, что 11 сентября 1903 года, в день приезда в Саратов, Анна Алексеевна Мишенева остановилась в доме № 80 по Большой Горной улице в квартире негласно поднадзорного мещанина Егора Васильевича Барамзина. Это один из старейших участников революционного движения в России, коллега Г. М. Мишенева, учитель, томившийся в тюрьмах, в сибирской ссылке, где жил неподалеку от В. И. Ленина. Они переписывались, встречались.

В Саратов агент ленинской «Искры» Барамзин приехал зимой 1902 года. А весной, в мае 1902 года, В. И. Ленин пишет из Лондона Г. М. Кржижановскому в Самару: «Теперь наша *главная* задача — подготовить это, т. е. чтобы *вполне* свои люди проникли в возможно большее число комитетов... Поэтому ближайшая задача: чтобы Курц + Эмбрион[1] оба тотчас вошли в комитеты... подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!»

Указание вождя было выполнено. Егор Васильевич стал членом Саратовского социал-демократического комитета. Как видим, жена Г. М. Мишенева, верный его друг и помощник, не случайно остановилась у Барамзина.

В Саратовском архиве удалось найти материалы, относящиеся к деятельности Мишенева в губернской земской управе. Вот написанное им заявление: «Честь имею покорнейше просить Губернскую Управу о принятии меня на службу в страховое отделение Управы. С июня месяца 1898 года по октябрь 1903 года состоял на службе в Уфимском губернском земстве в должности помощника страхового агента по Мензелинскому, а потом — по Уфимскому уезду. Г. М. Мишенев, 23 ноября 1904 г.».

Руководство управы запросило губернатора, не возражает ли он против кандидатуры Мишенева. Тот запросил охранное отделение. Охранка не возражала: жандармы не знали о его революционной деятельности. Сразу же после II съезда РСДРП департамент полиции устроил настоящую охоту за делегатами. Однако шпики, агенты охотились не за Мишеневым, а за Муравьевым, Петуховым — под этими фамилиями он проходил в документах II съезда.

Герасим Михайлович был корреспондентом ленинской «Искры», большевистской газеты «Пролетарий», переписывался с Н. К. Крупской. В. И. Ленин и Н. К. Крупская интересовались его жизнью, деятельностью. Член Саратовского социал-демократического комитета А. Я. Ветров 14(1) апреля 1905 года сообщал В. И. Ленину в Женеву: «Мишенев болен». В письме из Женевы Ветрову Крупская просит передать привет Муравьеву.

В материалах Саратовского архива есть и медицинские документы, касающиеся Мишенева. Он был тяжело болен. 16 июля 1906 года Герасим Михайлович умер. Он прожил всего тридцать лет.

[1] Курц — партийная кличка известного революционера Ф. В. Ленгника, Эмбрион — Е. В. Барамзина.— Ред.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СИМОНА БОЛИВАРА

Либертадор-Освободитель

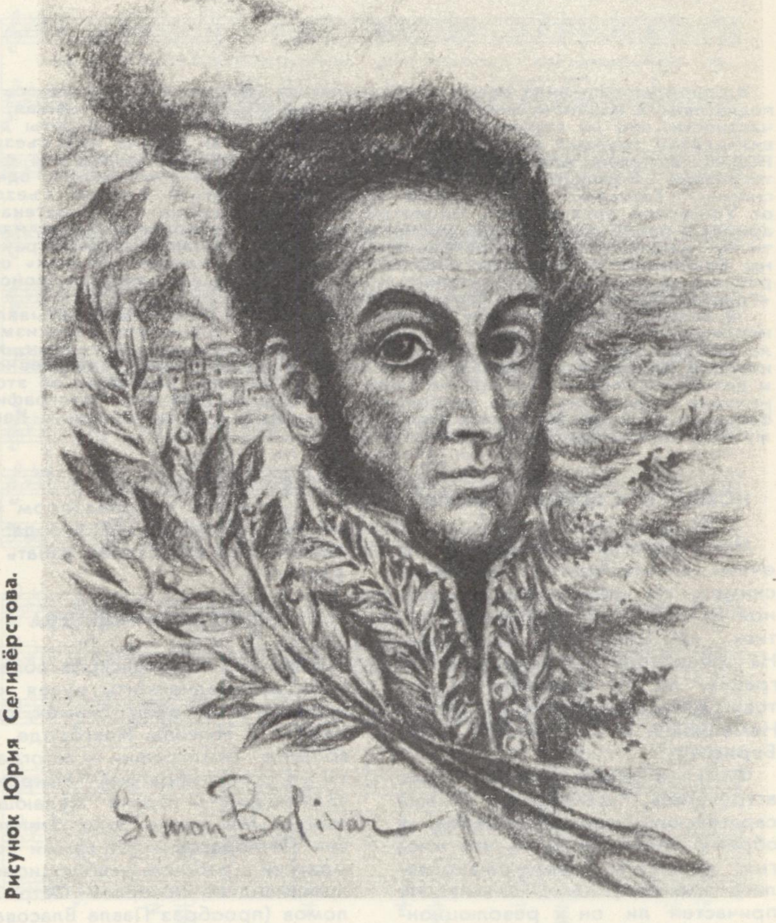

Рисунок Юрия Селивёрстова.

На центральных площадях многих столиц стран южноамериканского континента стоят памятники Симону Боливару — одному из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке первой четверти прошлого века. Но для любого латиноамериканца он не просто герой — один из славной когорты. Он — Либертадор (Освободитель)! Именно с большой буквы. Он самый популярный и любимый идеал борца, вечный пример для подражания. В чем же заключается причина неиссякаемого интереса к этому человеку, которому еще при жизни было присвоено звание Освободитель?

Симон Боливар родился 24 июля 1783 года в Каракасе (Венесуэла), в семье креольского аристократа. Юность провел в Европе, где получил блестящее образование и приобщился к идеям Французской революции 1789 года. В 1805 году в Италии на горе Монте-Сакро он дал клятву посвятить жизнь освобождению родины от испанских колонизаторов. Вернувшись через два года в Венесуэлу, Боливар вступил в армию патриотов, которая в 1810 году освободила страну. Годом позже Венесуэла была провозглашена республикой. Затем — служба в республиканских армиях, долгие годы упорной и трудной борьбы за свободу и независимость.

Боливар был не только блестящим военачальником, но и выдающимся идеологом латиноамериканского движения за независимость. Огромен интерес к его личности, идеям, многие из которых он сумел претворить в жизнь, другие оставил грядущим поколениям. Отмена рабства, раздача земли крестьянам и солдатам освободительной армии, признание социального равенства всех граждан — все это способствовало популярности Боливара среди широких народных масс, помогавших ему в борьбе с испанскими колонизаторами.

Отлично понимая, что суверенитет молодых латиноамериканских государств зависит от прочности их политических и экономических связей между собой, Боливар выступал за их объединение в рамках конфедерации. Однако сепаратистские настроения многих государственных деятелей континента в то время помешали ему воплотить в жизнь проект, который он считал необыкновенно важным для дальнейшего развития молодых республик.

В нынешнем году, когда Латинская Америка широко отмечает 200-летие со дня рождения Симона Боливара, общественность этих государств вновь возвращается к его замыслам, обсуждает проблемы, выдвинутые им и не утратившие своей актуальности в наши дни.

Так, комментируя письмо Боливара тогдашнему представителю США в Венесуэле, где решительно осуждались действия североамериканских дельцов, ведущих тайную продажу оружия и продовольствия испанской королевской армии в один из самых напряженных моментов борьбы патриотов за национальное освобождение, обозреватель эквадорской газеты «Пуэбло» писал: «Остается только добавить, что североамериканское правительство, предоставлявшее вчера свои услуги испанскому колониализму, сегодня предоставляет их Англии, защищая таким образом старый колониализм и отказывая Аргентине в ее праве на владение Мальвинскими островами».

Само время диктует сейчас латиноамериканским государствам необходимость большей интеграции. Это поможет им укрепить экономическую независимость, сохранить природные богатства от разграбления иностранными монополиями, выйти из тяжелейшего кризиса, в который загнала их политика Международного валютного фонда.

Большим шагом в деле интеграции явилось создание в 1969 году субрегиональной экономической группировки Андских стран. В нее, наряду с Чили, вошли Колумбия, Венесуэла, Перу, Боливия и Эквадор — страны, когда-то освобожденные Боливаром.

Вот почему спустя двести лет после рождения Симона Боливара так живы его мысли о союзе латиноамериканских государств, установлении подлинной демократии и экономической независимости.

Сергей КАРАВАЕВ,
собкор АПН — специально для «Огонька»

Лима.

Юрий БЕЛЯЕВ

ХРОНИКА ОДНОГО ПОХОДА

Небо достать рукой

В этот день генерал Боливар проснулся раньше обычного. Ему не спалось... Вот уже много дней внутреннее беспокойство не покидало президента только что провозглашенной и еще никем не признанной Венесуэльской республики. Девятый год в Венесуэле, как и в соседней Новой Гранаде, шла жестокая, кровопролитная война. Каракас дважды объявлялся столицей свободного государства и каждый раз вновь оказывался в руках колонизаторов. Одряхлевшая испанская корона не могла примириться с потерей богатейших южноамериканских колоний, открытых еще Колумбом и завоеванных удачливыми конкистадорами... Ежегодно из-за океана прибывали все новые и новые войска, но огонь освободительной революции разгорался по всему континенту все сильнее. Латиноамериканцы, вкусившие сладость свободы, теперь предпочитали смерть рабству...

Генерал легко выпрыгнул из гамака, в котором он провел ночь, вышел наружу, чтобы умыться и полюбоваться восходом солнца. Правда, сейчас его мысли были далеко отсюда. Вновь вспомнился родной Каракас, падение Второй республики, потоки крови и очередное бегство, на этот раз на Ямайку...

Среди бежавших на Ямайку патриотов царило уныние; никто больше не верил в успех освободительной войны. Сомнения терзали и самого Боливара. Но Боливар прекрасно понимал, что для того, чтобы провозгласить в третий раз республику, нужно вновь браться за оружие, которого не было, вновь поднимать на смертельную борьбу измученных соотечественников, вновь высаживаться на континент...

Новый план Боливара поразил всех собравшихся на военный совет своей дерзостью. Боливар планировал, воспользовавшись тем, что войска Морильо уже расположились в Венесуэле на зимние бивуаки, совершить внезапное нападение на испанскую армию в Новой Гранаде. Неожиданность должна была стать главным союзником. В случае удачи можно было бы отправиться и на освобождение Каракаса, в третий раз за последние девять лет. Да, освобождение Новой Гранады внесло бы в войну решающий перелом... Но успех предстоящей кампании зависел от головокружительного по своей дерзости и трудности перехода через Анды на подоблачной высоте.

План Боливара был принят десятью голосами против одного, и через несколько дней, на исходе мая 1819 года, армия выступила в рискованный, но необходимый для революции поход. Солдаты не были экипированы для пребывания в Андах при столь низких температурах. Не хватало ни кожаной обуви, ни шерстяных одеял. Большинство участников похода впервые поднимались в горы... К тому же начинался сезон дождей: реки, ручьи, озера и болота на равнине Касанаре вышли из берегов и затопили землю. Вода была всюду: сверху моросил противный зимний дождь, а под ногами глина превращалась в чавкающее тесто.

Семь дней воины Боливара шли по воде... Казалось, что ей не будет конца. При переправах через реки тонули лошади, мулы, а иногда и люди... Часто нападали крокодилы и не уступавшая им по кровожадности страшная рыбешка карибе. Боливару докладывали, что число быков и коров уменьшилось ровно наполовину и вскоре армию нечем будет кормить.

Радостные крики впереди идущих возвестили о том, что испытание водой кончилось и на горизонте показались Анды. В тот же день подошло пополнение — отряд генерала Сантандера, состоявший из двух батальонов пехоты и двух кавалерийских эскадронов.

— Чтобы сократить путь и не наткнуться на дозоры врага, мы пересечем Анды там, где нас меньше всего ждут. Мы должны пройти через утесы Парамо-де-Писба.

— Но этим опасным перевалом не пользуются и в сухую погоду!

— Вспомни переход Ганнибала через Альпы, горные походы Наполеона, русского генерала Суворова... Неужели наши воины хуже?

Подъем затрудняли ливневые дожди. Было очень скользко, а поскользнуться часто означало верную гибель, потому что пропасти караулили каждый неверный шаг. К предсмертным воплям и стонам вскоре привыкли. Солдаты, теряя последние силы, бросали свою поклажу, включая провизию. Оставляли при себе только оружие. Ледяной северо-восточный ветер добивал избежавших пропасти плохо одетых солдат. Упавшие от изнеможения уже не вставали... Лишь немногих возвращали к жизни энергичным встряхиванием, растиранием, а то и битьем... Путь армии в Андах был отмечен окоченевшими, запорошенными снегом трупами... В истребление воинов включилась и горная болезнь сороче, поражавшая зрение, слух и вызывавшая безумие.

На крохотном пятачке у одного из заснеженных утесов командующий натолкнулся на изрядно замерзшего полковника Джеймса Рука, пытавшегося своим дыханием отогреть уже негнущиеся пальцы. Ветер задувал огонь, и поэтому невозможно было развести костры. По измазанному лицу полковника было видно, что у него носом шла кровь. Высота давала о себе знать и в этом.

— Ну что, полковник! Нравятся наши Анды?

— Еще как! Прекрасные горы! Правда, высоковато, да и нежарко...

Боливар сочувственно улыбнулся:

— Это пустяки! Зато можно небо достать рукой...

— Небо достать рукой? — переспросил Рук и протянул вверх руку. Вокруг проплывали недосягаемые с земли облака...

— Генерал! Если мы смогли добраться до самого неба, то неужели мы упустим землю?

Боливар хлопнул полковника по плечу:

— Не волнуйся, дружище Джимми! Все будет нашим: и земля и небо! Мы освободим всех, все человечество!

Генеральский мундир Боливара, красивый синий сюртук с красными лацканами и золочеными пуговицами, за время похода превратился в лохмотья. Командующий выглядел бы как простой воин, если бы не горделивая осанка, не одухотворенность лица и не магнетический блеск в глазах.

Когда патриоты спустились всего лишь на несколько сотен шагов вниз, их ждал приятный сюрприз. В деревушке Соча, показавшейся, несмотря на ее бедность, настоящим оазисом, все население с радостью встретило воинов-освободителей. Их угощали табаком, хлебом, орехами, сушеными фруктами и, конечно, хмельной чичей... Но радость была неполной. Ее омрачали потери. Смертность и дезертирство уменьшили численность освободительной армии на одну треть. В Иностранном легионе, которым командовал Рук, погиб каждый четвертый.

После короткого отдыха армия, пополнившаяся добровольцами из местных жителей, выступила дальше.

— У нас нет выхода, кроме как победить! Отступать некуда! — Боливар выразительным жестом показал на горы, которые высились, казалось, еще более неприступными громадами, чем прежде. Всем было ясно, что легче пасть в бою с оружием в руках, чем вновь оказаться в Андах...

Первый бой в болотистой местности Пантано-де-Варгас для патриотов сложился тяжело. Шесть часов длился кровопролитный бой. Отчаяние удесятерило силы патриотов, и они сражались с беспримерной отвагой. Однако все попытки Сантандера выбить засевшего на холмах врага ни к чему не привели. При контратаке роялистов возникла угроза окружения с левого фланга. Тогда в бой были брошены иностранные волонтеры во главе с рыжеволосым гигантом Руком. Им в яростной атаке удалось выбить испанцев с холмов, но через полчаса новая контратака роялистов, получивших подкрепление из резерва, вынудила легионеров уступить позиции. Боливар почувствовал, что их отступление грозит обернуться катастрофой. Он уже несколько раз трогал коня, чтобы самому ринуться в гущу боя, но сдерживал себя, понимая, что полностью потеряет контроль над ситуацией, и так ухудшавшейся с каждой минутой. Наконец Боливар направил коня в сторону отряда льянерос, насчитывавшего после спуска с гор всего лишь 250 всадников.

— Полковник Рондон! Спасите отечество! Остановите врага!

Льянерос вихрем налетели на уже торжествовавших победу роялистов. Вооруженные одними пиками, на местности, непригодной для кавалерии, они творили чудеса... Противник был смят и отброшен. Барейро отдал приказ об отступлении, но и патриоты понесли тяжелые потери. Отважный полковник Рондон был убит. Тяжело ранили весельчака Рука, и через несколько часов герой андского похода скончался.

Седьмого августа в два часа дня армия Боливара настигла отступавшие королевские войска.

Удар по центру испанских войск был нанесен двумя пехотными батальонами, которыми командовал генерал-майор Анцоатеги. Во время похода он тяжело заболел лихорадкой и теперь, умирающий, руководил своим последним сражением... Правый фланг испанцев не выдержал натиска льянерос, а когда оказался опрокинутым и центр, разгром роялистов оказался неизбежным. Теперь дорога на Боготу была открыта. Мечта о свободной Южной Америке вновь становилась реальностью...

Через два дня освободителей встречала ликующая Санта-Фе-де-Богота...

Народ, собравшийся в центре Боготы, жадно слушал то, что говорил Боливар:

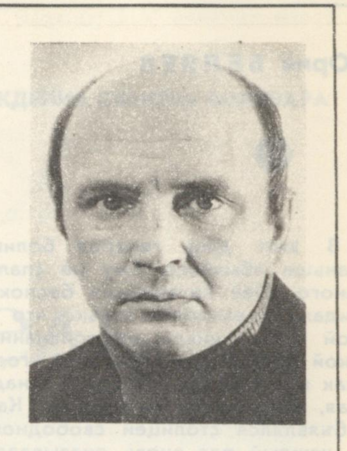
— Своей свободой вы обязаны вот этим измученным и израненным воинам, затмившим подвиги античных героев. А на мою долю лишь выпала честь быть их соратником, вместе с ними сражаться и победить!

Боливар снял с себя лавровый венок, надел его на голову Сантандера, а тот передал его простым солдатам, которые примеряли венок и передавали его дальше... Площадь дружно скандировала:

— Да здравствует Освободитель!

Виктор ПРОНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Из самых лучших побуждений

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Участковый инспектор Илья Николаевич Фартусов не считал, что ему крепко повезло в жизни. Он не был уверен и в том, что вообще везение как таковое — дело хорошее. Его непредсказуемость раздражала Фартусова. Даже к выигрышу ковра или хрустальной вазы он относился не то чтобы неодобрительно, но как-то настороженно. Везение выходило за рамки обычных жизненных правил, более того, как полагал Фартусов, эти правила разрушало. Выиграв нечто ценное, люди теряли самообладание, совершали необдуманные поступки, а некоторые доходили до того, что относили везение на счет собственных достоинств и тут же принимались пересматривать отношения с ближними, требуя большего к себе почтения.

А вот этого Фартусов терпеть не мог. Не любил он превосходства кого бы то ни было над кем бы то ни было. Это говорило о натуре справедливой, даже воинствующей. Но подобное отношение к окружающей действительности создавало ненужные конфликты с начальством, которое чуяло здесь нечто рисковое, где-то рядом таился скрытый смысл, вызов. Поэтому, относясь к Фартусову доброжелательно, начальство считало своим долгом время от времени его предостерегать.

— Ты, Фартусов, прав,— говорило начальство.— Но надо быть мягче. Гибче. Не забывай: ты представляешь органы власти, поэтому должен заботиться о том, чтобы у нас не возникало...

— Слушаюсь! — отвечал Фартусов.

— С одними нужно быть построже, другим можно кое-что простить, за третьими глаз да глаз... Вот так.

Чтобы уж представить Фартусова нагляднее, надо сказать, что он носил усы, которые ему очень шли, и форму, которая ему тоже шла. И к усам и к форме Фартусов относился со вниманием, следил, чтобы ни один волосок, ни одно пятнышко не портили впечатление, не давали бы повода относиться к нему снисходительно или, упаси бог, с пренебрежением. Его ставили в пример, по праздникам фотографировали в районную газету или на Доску почета, вывешенную в коридоре городского отделения внутренних дел. Фартусов не возражал. Но напрягался и страдал, когда его хвалили, к трибуне поднимался неохотно, словно преодолевая что-то в себе. Фотографировался с радостной улыбкой, однако, если была возможность ускользнуть, ускользал.

События, о которых пойдет речь, начались с того, что у Фартусова на кухне сломался кран. Повертев ручки, постучав по ним отверткой, кусачками, ключами, он убедился в полной своей беспомощности и отправился к слесарю Женьке Дуплову. Фартусову он не нравился. Длинный, разболтанный, вечно покрикивающий, поплевывающий, посвистывающий. К нему на поклон отправлялись, как к барину, с подношениями. Женька дары осматривал придирчиво, отвалив нижнюю губу с приклеенной к ней сигареткой. Мог и пожурить: дескать, скупишься, бабуля, нехорошо.

Женька Дуплов обосновался в полуподвале пятиэтажного дома. Произошло это совсем недавно, и Фартусов, попав сюда впервые, присматривался, чувствуя, что ему еще придется здесь побывать. Дверь оказалась обитой железом, возле щели красовалась надпись, сделанная масляной краской: «Для заявок». «Ишь ты! — восхитился Фартусов.— Оказывается, не всегда и примет товарищ Дуплов».

Фартусов постоял, привыкая к полумраку. У стены валялись несколько старых велосипедов, ведра, в углу стояли метлы — видимо, подвалом пользовался и дворник. Из-за двери доносились голоса, пробивался свет. Там-то и была мастерская.

— Не помешал? — Фартусов возник на пороге, улыбаясь широко и доброжелательно. Но то, что он увидел, если и не насторожило его, то озадачило. Хозяин почти лежал в старом кресле, выброшенном кем-то за ненадобностью. Свесив ноги со стола, сидел первый нарушитель спокойствия Жорка Мастаков — черноглазый, со свернутым носом и нечесаными патлами. Его дружок Ванька Жаворонков вертел тиски. Все улыбались, довольные друг другом, хотя Жорке и Ваньке вместе было примерно столько же лет, сколько одному Дуплову.

Едва переступив порог, Фартусов сразу понял, что все замолчали вовсе не из большого уважения к нему — в подвале наступила опасливая настороженность. Перед ним сидели противники. Возможно, они никогда не нарушали законов и никогда их не нарушат, но между ними было какое-то единение, и он, Фартусов, явно оказался лишним.

В начале своей деятельности Фартусов переживал, чувствуя отторгнутость, но потом понял, что подобное отношение закономерное и здоровое. Сама должность делала его носителем чрезвычайных событий. Ведь не приходит участковый инспектор среди ночи с радостными известиями, и для вручения наград людей приглашают вовсе не в отделение милиции, что делать!

— Привет, начальник! — Женька поднялся из ободранного кресла, почтительно протянул руку.

— Вот, краник потек.— Фартусов развернул газетный кулек, в который ссыпал винтики, гаечки, прокладки.— Понимаешь, Евгений, в чем дело...

— Все понимаю. Не ты первый, начальник, не ты последний. С такими краниками здесь уж весь дом перебывал. У тебя это гнилье еще долго продержалось. Редко пользуешься, наверно? Все в бегах?

— Надо,— вздохнул Фартусов. Последние слова Женьки ему не понравились. Было в них что-то нехорошее, снисходительное. А этого, как известно, Фартусов не терпел.

— Я смотрю, Илюшка, мы с тобой первые люди в нашем микрорайоне! — Женька легонько похлопал Фартусова по плечу, чем вызвал опасливый восторг мальчишек.— Без тебя обходиться не могут, а уж без меня и подавно. Хотя кое-кто, наверно, не прочь твою должность сократить, а? — Дуплов был на голову выше Фартусова, уже начал лысеть, но не придавал значения этому печальному обстоятельству, поскольку было еще что причесывать.

— Не торопитесь, ребята, я ухожу. Не буду вам мешать разговоры разговаривать,— сказал Фартусов, заметив, что мальчишки начали тихонько пробираться к выходу.

— Да какая там беседа! — воскликнул Дуплов.— Забежали ребята на минутку от жары дух перевести — вот и все. С ними побеседуешь, как же! Тюлька недосоленная.

И эти слова не понравились Фартусову. Непонятно, зачем Женьке оправдываться? Ясно же, что ребята сидели давно и не собирались уходить.

— Значит, зайдешь, да, Евгений?

— О чем речь!

Выйдя из подвала и привыкнув к свету, Фартусов обнаружил, что рядом стоит только Жорка. Ваньки Жаворонкова не было.

— А где дружок твой?

— Какой дружок? — На участкового смотрели бесстыже-невинные глаза мальчишки.

— Ага, понятно. Присядем? — Фартусов показал на скамейку.

— Вообще-то я тороплюсь... И это... всякие дела.... Может, как-нибудь в другой раз?

— Присядем.— Фартусов положил Жорке руку на плечо, чтобы и он не растворился в слепящем солнечном свете.— Как поживаешь, Георгий? — спросил он, когда Жорка все-таки дал себя уговорить и они расположились на горячей скамейке.

— Как когда... По-разному...

— По-разному — это хорошо. Но слухи ходят, что тебя все как-то в одну сторону заносит.

— Какую сторону?

— Криминальную, Георгий. Как раз по моей специальности. Говорят, в книжном магазине ты того... Открытки... Целую пачку поздравительных открыток... По случаю Восьмого марта... Сколько же тебе женщин поздравить надо было, а, Георгий?

— Наговаривают,— кривоватый Жоркин нос повело в сторону.— Хорошие люди не станут зря говорить.

— И это... на чужом балконе тебя видели.

— Кто видел?

— Тоже, наверное, плохие люди. Вот так, Георгий. Спросил бы лучше — на каком балконе, на чьем, когда... А ты сразу — кто видел? В таких случаях мои знакомые ребята говорят: раскололся. Видишь, как дом построили,— ловкому человеку ничего не стоит с одного балкона на другой перебраться. Оно бы ничего, но некоторые, представляешь, Георгий, двери из квартиры на балкон оставляют открытыми — жара. Вот простаки, верно? Заходи — не хочу!

— Никуда я не заходил!

— Это хорошо,— одобрил Фартусов.— А то некоторые заходят. Да, а как отец поживает?

— Хворает.

— Лечить надо.

— Да он уж подлечился... Вроде полегчало.

— Ему вообще не мешало бы заняться лечением, как думаешь?

— А! — Жорка раздраженно махнул рукой.— Не берут его. Говорят, недостаточно спился. Вот когда сопьется вконец или пришибет кого — вот тогда, говорят, пожалуйста, милости просим! — Жорка произнес, наверное, самые жесткие слова за всю свою тринадцатилетнюю жизнь.

— Врет твой папаша, как сивый мерин.— Фартусов снял фуражку, подставил лицо солнцу.— Я сам ему направление вручил.

— А он?

— Видишь, что он говорит: прошибить, дескать, кого-то надо. Был я у него на заводе, разговаривал с начальством, в бригаде... Договорились, они тоже рады бы... Да вот беда, опять он у тебя захворал. С вечера, значит?

— С вечера,— вздохнул Жорка.— С позавчерашнего.

— Это нехорошо. Так нельзя.

— Ну, я с ним поговорю,— пригрозил Жорка, сузив и без того маленькие свои глазки.— Он у меня попляшет.

— Только ты, Георгий, повежливее. Не обижай человека излишними угрозами, обвинениями. Хорошо? А я уж, так и быть, постараюсь еще одно направление выхлопотать. Договорились?

— Надо попробовать,— солидно согласился Жорка.

— Зашел бы ты к нам как-нибудь, а, Георгий? — предложил Фартусов.— В пункт охраны порядка, так называется наше заведение. Другие заходят, а вот ты мимо пробегаешь. Нехорошо.

— Ха! — засмеялся Жорка.— Еще посадите!

— А есть за что?

— Найдете!

— Понимаешь, Георгий, если по всей строгости, то уже пора присмотреться к тебе... Но вот видишь, дела не завожу, серьезные разговоры ведем, планируем операцию по спасению папаши... Напрасно обижаешь. Не заслужил я, честное слово! Ни в чем я перед тобой не провинился.

— А что, я ничего... Вы не так поняли... Я же не про вас лично, а так, вообще...

— Плохо ты к нам относишься. Мы вот теннисный стол завезли, ребята собираются, соревнования проводим... К Женьке захаживаешь, а к нам — нет.

— А что Женька? Он хороший парень,— заступился Жорка.

— Я и не говорю, что плохой. Я к тому только, что вот нас вроде презираешь. Обидно.

— Ладно, загляну,— пообещал Жорка, поднимаясь.— Пойду я. До свиданья, ладно?

— Будь здоров, Георгий. Только вот что.— Фартусов надел фуражку, и сразу что-то неуловимо изменилось в его облике, он стал официальнее, строже.— Мы поговорили с тобой, так ты того... Помни. Насчет балконов, поздравительных открыток, ладно? В случае, если у меня спросят, я сразу и скажу: так, дескать, и так, проведена с Георгием Мастаковым подробная беседа. О семейных обстоятельствах, о его поведении, о приятелях... Верно?

— Да... а что?

— Хотя мы с тобой на солнышке сидели, ногами болтали, разговор у нас был ответственный. Усек? А когда новые затеи посетят твою ясную голову — не улыбайся, голова у тебя в самом деле ясная,— ты про себя тихонько и подумай, что живет на белом свете участковый инспектор, никогда о тебе не забывает и кое-какие соображения имеет.— Фартусов значительно приложил палец ко лбу: думай, мол, прежде чем чего натворить.

К вечеру, когда спала жара и на город вместе с прохладой, закатным светом опустились желания чего-то возвышенного, участковый инспектор Илья Николаевич Фартусов отправился по адресу Ваньки Жаворонкова. Однако мечтал он увидеться не столько с тихим дворовым хулиганом, сколько с его сестрой Валентиной. Проживали они в отдельной квартире, а их родители находились за морями, за долами, за высокими горами — помогали создавать индустрию молодому государству. Заодно создавали и семейное благополучие. Валентине еще не было двадцати лет, она где-то училась, а судя по тому, что у нее совершенно не оставалось времени, чтобы переброситься словцом с участковым инспектором, училась чему-то важному.

— Добрый вечер,— сказал Фартусов, увидев на пороге существо, которое давно тревожило его, вызывая нескромные желания.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ инспектор,— ответила Валентина.— Чем могу быть полезна?

— Очень многим,— правдиво ответил Фартусов.

— Например?

— О! Только не через порог! Позвольте войти?

— Конечно! Всегда вам рада!

— Приятно слышать.— Фартусов вежливо снял фуражку, прошел в комнату, оглянулся, поджидая хозяйку. А она, задержавшись в прихожей, успела провести расческой по волосам, неуловимо быстро одернула голубое платье, опробовала улыбку и предстала перед Фартусовым обновленной и готовой к разговору.

— Присаживайтесь, товарищ инспектор, не стесняйтесь.

— Спасибо.— Фартусов придвинул стул, сел, положил на колени фуражку, осмотрелся.— Значит, говорите, здесь вы и проживаете?

— Да, вот здесь, значит... Вам нравится?

— Ничего, хорошая квартира. Жить можно.

— Спасибо. Вы очень любезны.

— Я знаю,— сказал Фартусов.— Мне по службе положено быть любезным. Значит, с братом проживаете?

— Да. Ванька! Покажись!

Дверь во вторую комнату медленно приоткрылась, и из нее выглянула смиренная физиономия Ваньки.

— Здрасьти,— сказал он тихим голосом.

— Добрый вечер, Иван,— ответил Фартусов.

— А теперь, Ванька, исчезни! — приказала Валентина. И Ванька с облегчением нырнул в свою комнату.— Слушаю вас.— Валентина повернулась к Фартусову.

— Зашел вот узнать, проведать... Как, думаю, живется...

— Ничего, не жалуемся.— Валентина откровенно улыбнулась беспомощности Фартусова.

— Это хорошо. Жаловаться плохо. А родители ваши, как я понимаю, не скоро вернутся?

— Еще не меньше года.

— Как им там? — спросил Фартусов, показывая большим пальцем за спину.— А то нынче международное положение, как говорится, оставляет желать лучшего...

— Тоже не жалуются.

— Гостинцы шлют?

— Шлют. Хотите посмотреть?

— Нет, я их на вас видел, на Иване... Ничего вещички. Джинсики, красавки...

— Кроссовки! — поправил Ванька из-за двери.

— Простоват.— Фартусов развел руками, помолчал, поправил усы, перебросил ногу на ногу.— Как я понимаю, на вас свалились и хозяйственные дела и воспитательные?

— Свалились,— вздохнула Валентина.— Простите, я тороплюсь. Если у вас все, то... Может быть, в следующий раз мы побеседуем более подробно?

— С удовольствием приду, было бы преступно с моей стороны не воспользоваться приглашением,— улыбнулся Фартусов.— Но сейчас, собственно, я хочу поговорить с вашим братом, Иваном. Если не возражаете.

— Что вы! Буду только рада! — несколько ревниво воскликнула Валентина.— Он что-то натворил?

— Как знать...

— Ванька! — крикнула Валентина.— Стань передо мной, как лист перед травой!

Ванька вышел из комнаты и остановился у двери, как у надежного убежища, куда можно шмыгнуть при первых признаках опасности.

— Подождите, Валентина,— остановил девушку Фартусов.— Вполне возможно, что он ничего не натворил, верно, Иван? И даже не собирается, верно?

Ванька молчал, глядя на инспектора со скорбной покорностью.

— Что же вы тогда наговариваете? — Валентина возмущенно повернулась к Фартусову.

— А я ничего... Зашел вот побеседовать.

— Это входит в ваши обязанности?

— Валентина, у меня сто четыре обязанности. Сто четыре!

— А мне казалось, что у вас одна обязанность... Чтобы на участке порядок был, вот и все.

— Совершенно верно. Но чтобы этот порядок поддерживать, мне приходится выполнять больше сотни обязанностей. Сам считал. Обложился инструкциями, указаниями, приказами, все выписал и подсчитал.

— Какая же из них первая?

— Сейчас — поговорить с Иваном Жаворонковым о жизни и душевных привязанностях.

— Вы, наверно, о Жене? — спросила Валентина.— Я была у него в мастерской. Порядок,

чистота. И ребятам нравится — инструмент всякий, тиски, кусачки... Глядишь, и научатся...

— Кусаться?

— Тоже неплохо!— рассмеялась Валентина.

— Неплохо,— кивнул Фартусов, но не стал больше говорить о Женьке, хотя мог бы добавить о нем кое-что весьма существенное — осужден был Женька в свое время. Условно, однако такой прискорбный факт в его биографии имел место.— Ладно, поговорили, выводы сделаем каждый в одиночку, верно, Иван? Тебя я ни в чем не упрекаю, но друзей твоих упрекнуть могу. И потому просьба — иметь в виду.— В прихожей Фартусов обернулся и, едва ли не впервые бесстрашно посмотрев Валентине в глаза, содрогнулся от восторга, чем окончательно себя выдал. Девушка даже растерялась, увидев столько всего на лице участкового инспектора.

— Проводи, Ваня, гостя, а то заблудится! — Это все, что смогла сказать Валентина.

— Оно и немудрено,— пробормотал Фартусов.

— Отчего же?

— Ох, сказал бы я, да чувствую — преждевременно. Не пришел еще срок.

— А может, в самый раз?

— Могу и сейчас, но, боюсь, смешно покажется.— Фартусов опасливо покосился на Ваньку.— До свидания, приятно было повидаться. Большое спасибо за гостеприимство.

Ванька шел впереди. Глядя на тощую спину парнишки, на ямку у затылка, на его светлые волосенки, Фартусов думал о том, что вряд ли все эти джинсики, сафари, кроссовки заменят Ваньке отца, с которым можно было бы за грибами отправиться, по городу пошататься, просто на скамейке посидеть. Ванька прошел по луже и зашагал дальше, оставляя на асфальте следы, так схожие с завитком на его белесом затылке.

— Слушай меня, Иван,— сказал Фартусов, когда они расположились среди детских песочниц, качелей и каких-то странных сооружений из железных стержней, призванных, видимо, развивать в дошколятах качества десантников. Фартусов хотел вовлечь Ваньку в игру и заговорил с возможной таинственностью:—В нашем дворе намечается что-то нехорошее. По некоторым данным. Слыхал?

— Нет.— В глазах у Ваньки сверкнул опасливый интерес.

— Есть сведения. Секретные. Поэтому предупреждаю — ты не должен участвовать в противозаконных делах.

— Я и не участвую!

— Это хорошо. А вот дружок твой, Георгий Мастаков, участвует. И замечен. И Евгений замечен. И еще кое-кто.

— А что они?

— Это разговор для другого места,— ушел от ответа Фартусов.— Понимаешь, об этом нельзя никому говорить. Если скажешь — выдашь меня. Произойдет утечка информации. Понял? И мне тогда несдобровать.

— А мне зачем говорите? — спросил Ванька, угнетенный свалившейся на него ответственностью.

— Из самых лучших побуждений. Понятно? Ну, пока!

Городское отделение милиции располагалось в старом доме с бревенчатыми коридорами и террасой, на которой всегда можно было увидеть привлеченных и просто вызванных хулиганов, алкоголиков и прочих людей, с которыми по долгу службы Фартусов поддерживал если не близкие, то весьма тесные отношения. В коридоре уже собрались участковые инспектора, служба уголовного розыска, оперативные работники. В новые дома народ съехался разный, никто никого не знал, каждый жил, как ему подсказывало собственное разумение, не сдерживаемый стыдливостью перед родственниками, стариками, помнившими его с пеленок. Поскольку еще не сложились многолетние компании, возникали кратковременные, а интересы у них тоже оказывались кратковременными, в нежелательной близости к Уголовному кодексу.

Для Фартусова утреннее совещание оказалось недолгим.

— Лейтенант Фартусов! Что вы можете сказать о чрезвычайном происшествии на вашем участке? — Это были первые слова начальника отделения Гвоздева.

В отличие от Фартусова начальник вечно торопился и, судя по его озабоченному лицу, нигде не поспевал. Но именно это качество казалось ему весьма достойным — все видели, как много у него дел и как ему не повезло с подчиненными. Поэтому вопрос Гвоздев задал с грустной улыбкой, заранее уверенный, что ничего толком инспектор не ответит.

— Видимо, это нехорошее происшествие?— осторожно проговорил Фартусов.

— Разумеется.— Улыбка начальника стала еще печальней.— Конечно же, речь идет не о золотой свадьбе, не о торжествах по случаю награждения знатного гражданина города. Я говорю об ограблении. Да, такая уж у нас с вами служба...

— Слушаюсь!—невпопад брякнул Фартусов, надеясь, что именно такой ответ окажется более всего кстати.

— Вот именно,— смягчился Гвоздев.

Маленький кабинет загудел облегченно и улыбчиво. Все увидели, что достается Фартусову, значит, можно расслабиться и насладиться разносом.

— Сегодня ночью,— продолжал Гвоздев,— совершена кража в магазине винно-водочных изделий. Преступники перерезали сигнализацию. Взломали дверь. Похитили товар. Весь район гудит от возмущения. Что вы намерены делать?

— Слушаюсь!

— Правильно, одобряю ваше решение. Действуйте. Но должен заметить, что там уже работает оперативная группа. Постарайтесь им не мешать. Возможно, вам удастся помочь. Чего не бывает,— вздохнул Гвоздев.

Прибыв на место происшествия, Фартусов вместо страшного разгрома, расписанного начальником, увидел довольно невинное зрелище. Да, дверь дощатого киоска, по всей видимости, была открыта без ключа. Ребята из отдела уголовного розыска уже обмерили киоск, сфотографировали ближние и дальние подходы к нему, собрали щепки в целлофановый пакет. В сторонке, высунув язык, лежала собака Панда. Сегодня ей не удалось проявить необыкновенные способности, иначе бы она не отводила в сторону свой собачий взгляд. О, в случае успеха у нее был бы совсем другой вид!

Фартусов окинул взглядом собравшуюся толпу. Конечно, больше всего мальчишек. Они неотрывно смотрели на работу профессионалов. Потом у них неизбежно начнутся игры в ограбление. Опасные игры, отметил про себя Фартусов. Нежелательные. Поближе стояли пенсионеры, им некуда торопиться, пенсия уже, наверно, оформлена. Дальше — домохозяйки, случайные прохожие.

— Привет! — сказал Фартусов, подходя к оперативникам.— Как успехи?

— Какие успехи! — вздохнул следователь Ушаткин.

— Это нехорошо,— откликнулся Фартусов сочувствующе.

Проявив вполне естественную любознательность, Фартусов выяснил, что примерно в полночь, как утверждают страдающие бессонницей свидетели, неизвестные взломали киоск и похитили спиртные напитки. Оказалась пустой и касса. Впрочем, кассе положено на ночь оставаться пустой. Впопыхах воры выронили ящик с красным портвейном, одна бутылка раскололась. Благодаря этому счастливому обстоятельству на полу четко отпечатались следы злоумышленников. Но вино оказалось настолько едким, что многоопытная Панда, едва втянув в себя воздух, насыщенный парами зелья, беспомощно взглянула на проводника: дескать, за что же мне такое? Неуверенно сделала несколько шагов и легла, посрамленная.

Бившаяся тут же в истерике краснолицая продавщица, которую так и хотелось заподозрить в неумеренном потреблении красного портвейна, утверждала, что пропало около десятка ящиков марочного вина. Проведенный на месте следственный эксперимент позволил установить, что десять ящиков в киоск попросту не влезут. Что касается качества похищенного товара, то эта версия также не подтвердилась. Следователь Ушаткин из телефонной будки позвонил в торг, и его заверили, что данная торговая точка марочного вина не получала вообще. Когда он сообщил об этом продавщице, цвет ее лица изменился явно в лучшую сторону. Ушаткин добавил, что если уважаемый торговый работник настаивает на своих первоначальных показаниях, то придется пояснить, кто привозил марочное вино, в каких количествах, по какой цене и как быть с соответствующей документацией.

— Да ну вас! — сказала красноликая тетя.— С вами уж и пошутить нельзя... Тоже еще... — Она отвернулась, но глаз ее из-под самого уголка века неотрывно наблюдал за следователем Ушаткиным.

— Шутки? — удивленно переспросил он.— Это называется дача ложных показаний с целью ввести следствие в заблуждение, скрыть истинную сущность преступления и размер нанесенного ущерба.

Услышав такое, тетя стала как бы меньше и несчастнее. Она не поняла всего сказанного Ушаткиным, но почувствовала, что в его словах таятся опасные последствия. Не найдя, что возразить, она взяла да вот так с места и взвыла. Мальчишки хихикнули, пенсионеры переглянулись, женщины достали платочки.

— Твое мнение, Илюха? — спросил Ушаткин.

— Что думать — или чужие забрели, или свои,— уверенно сказал Фартусов.

— Да, наверное, ты прав. Потолкуй с людьми, поспрошай, глядишь, и скажут чего. Такое дело можно раскрыть, если крепко повезет. Шли, к примеру, двое забулдыг поздним вечером, куда шли, откуда — неизвестно...

— С тренировки, наверно,— заметил Фартусов.

— Почему?

— Кеды.— Фартусов показал на следы.

Ушаткин озадаченно посмотрел на Фартусова, но ничего на его невозмутимом лице прочитать не смог, не догадался, что творилось в душе участкового инспектора. А творилось там нечто такое, о чем следует сказать особо.

Оглянувшись на толпу, окружавшую киоск, Фартусов незаметно для постороннего глаза вздрогнул, увидев девушку в голубом платье, с короткой прической и насмешливым взглядом. Да, это была Валентина. Фартусов посмотрел на себя как бы ее глазами и остался доволен. Даже невнятный разговор с Ушаткиным со стороны выглядел совсем иначе, их обоих окружал ореол загадочности преступления.

Фартусов развернул плечи, вскинул подбородок, нахмурился, словно бы озабоченный свалившейся бедой, что-то спросил у Ушаткина, махнул рукой в сторону обесчещенного киоска.

Что делать, Фартусов был молод, не женат, и загорелые коленки или шалые глаза вызывали в его душе волнение гораздо большее, чем взломанная дверь дощатого киоска. Еще раз окинув себя внутренним взором, Фартусов решил, что выглядит достойно. И форма, и усы, и его роль в происшествии должны были произвести впечатление на неизбалованное девичье сознание.

О, если бы слышал Фартусов, какие непочтительные слова в это самое время прозвучали по его адресу!

— Участковый-то наш уж не знает, как повернуться, каким боком показаться! — сказала со смехом обладательница голубого платья.

— Перед тобой красуется,— добавил Ванька.

— Да ну, скажешь! — пресекла его разоблаченная Валентина. Обидное замечание она бросила отнюдь не в осуждение Фартусова, скорее в невольной попытке защититься. Да, Валентина вдруг поняла, что не свободна в своих поступках и словах, если где-то рядом находится неторопливый лейтенант с пушистыми усами, которые она мысленно уже не один раз слегка укорачивала.

Наконец Ушаткин дал команду собираться. Прыгнула в машину пристыженная собака Панда, расселись оперативники, криминалист, водитель. Вместе с ними отбыла и зареванная тетя на предмет дачи показаний и составления протокола. Остался опечатанный киоск, на полу которого даже сквозь щели были видны следы, осталась толпа с неудовлетворенным любопытством, и участковый инспектор.

Окончание следует.

Ю. Зенин. Род. 1952. ПОСЛЕ ТРЕНИРОВКИ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР». Программы и дипломные работы выпускников.

В. Миронов. Род. 1946. СВАДЬБА. ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ.

Ретроспективная выставка «225 лет Академии художеств СССР».
Программы и дипломные работы выпускников.

МЕМОРАНДУМ КАРТЕРА, ИЛИ ЕЩЕ ОДИН «ГЕЙТ»

А. ПАЛЛАДИН

Воспетые в десятках кинофильмов и книг, сотрудники Федерального бюро расследований кажутся здешнему люду этакими суперменами, которые гоняются за врагами американского общества, не ведая ни сна, ни отдыха. Недавно, однако, хваленые сыщики из преследователей сами превратились в преследуемых. Случилось это на одной из вашингтонских улиц, но очевидцами диковинного зрелища стали миллионы американцев. Переходя с рысцы на галоп, у них на глазах мчались, тая лица и сжимая под мышкой набитые бумагами папки, двое с типичной внешностью фэбээровцев, а за ними, норовя зацепить их нанизанными на штатив микрофонами, неслись изнемогающие под тяжестью камер телевизионщики.

Преемники Пинкертона улепетывали вовсе не потому, что преступили закон (хотя в США и такое нередко бывает). И бежали на сей раз они не от людей, а от вопросов. Вопросами же донимали представители прессы, жаждавшие узнать, как подвигается расследование очередного политического скандала, разразившегося в Белом доме. Напомню его суть.

Во время публичных выступлений Рейган пользуется дорогостоящим устройством, которое позволяет ему читать текст, делая вид, будто его речь — импровизация. Электронный суфлер изготовлен из прозрачного, практически невидимого материала, где на обращенную к оратору сторону проецируется передаваемый по кабелю текст.

В 1980 году такой аппаратуры не было и в помине, и в состоявшейся за неделю до президентских выборов теледуэли с тогдашним главой Белого дома Картером претенденту на этот пост пришлось полагаться лишь на собственную память, эрудицию и смекалку. Впрочем, как теперь выяснилось, у Рейгана и в том случае был невидимый суфлер: приготовленный для Картера меморандум с перечислением всех мыслимых и немыслимых вопросов, которые могли возникнуть в ходе дебатов, а также наиболее выгодных для президента доводов.

Те, кто натаскивал Картера для поединка с Рейганом, считали этот меморандум козырной картой в игре, где ставкой была должность главы Белого дома. Им, однако, было невдомек, что их соперники эту карту подглядели и припасли противоядие, так что претендент не только не был застигнут врасплох, но и, отбив выпады президента, сам нанес ему серию мощных ударов в наиболее уязвимые места. Со стороны же их бой казался схваткой, проведенной в соответствии с правилами.

Правила и в самом деле были соблюдены, только неписаные. Хотя это как посмотреть. По мнению многих здешних наблюдателей, махинации и правонарушения настолько вросли в американский быт, что вытесняют де-факто в том, что числится в порядке вещей де-юре.

Но прежде — о том, как секреты лидера одной буржуазной партии США стали достоянием другой. Полной ясности в этом деле пока нет, хотя за разбирательство и взялись каждый сам по себе: ФБР, одна из подкомиссий конгресса и здешняя пресса. Тем не менее ясно, что история политики Соединенных Штатов отныне будет отмечена еще одной постыдной вехой.

Вскрылся сей неприглядный факт, можно сказать, нечаянно. Первым его упомянул вслух сотрудник журнала «Тайм» Лоуренс Барретт. Стремясь внести лепту в хронику вашингтонской жизни, он написал книгу-документ «Азартная игра с историей: Рейган в Белом доме», в одном из абзацев которой пересказал то, что услышал от приближенного к новому президенту человека. Услышал же он нечастого цинизма признание: Рейган оттого так превзошел Картера в теледебатах, что воспользовался выкраденными из Белого дома документами.

Разоблачение Барретта привлекло внимание, хотя и не сразу (о причинах после). Поначалу им заинтересовался конгрессмен Элбоста, возглавляющий в палате представителей одну из подкомиссий, начав расследование там, где кончил Барретт. Элбоста направил запросы представителям администрации Рейгана, которые три года назад руководили его избирательной кампанией и, согласно упомянутой книге, были причастны к махинации с меморандумом Картера.

Нынешние глава аппарата Белого дома Бейкер и директор административно-бюджетного управления Стокмэн сознались сразу. Первый поведал, что приготовленные для прежнего президента документы действительно побывали в его руках, а получил он их от ставшего при Рейгане директором ЦРУ Кейси; второй и вовсе разоткровенничался, назвав эти бумаги «важными» и «крайне полезными». Под последним Стокмэн имел в виду вот что: накануне диспута со своим соперником Рейган устроил генеральную репетицию, где будущий директор административно-бюджетного управления изображал Картера. Ни внешностью, ни голосом они не похожи, но, имея перед собой похищенный меморандум, Стокмэн смог с поразительной достоверностью воспроизвести ход мыслей и аргументы своего прототипа.

Кстати, двойник Картера и прежде не скрывал ни факта кражи принадлежавших лидеру демократической партии документов, ни собственной роли в этом деле. Еще 28 октября 1980 года за несколько часов до телесражения своего босса с тогдашним президентом Стокмэн похвастался перед завсегдатаями мичиганского клуба «Оптимист» ловкостью своих коллег и предсказал, как выступит Картер и что ответит Рейган. Запечатлевшая его откровения местная газета назавтра сверила сей прогноз с текстом подлинного диспута и сняла шляпу: Стокмэн оказался провидцем...

Зато два других участника дела, с которыми списался Элбоста, принялись от всего отмахиваться. Правда, неделей позже директор отдела связей Белого дома Герген обратился к своему инквизитору с покаянием: мол, в момент составления первоначального ответа не знал о наличии в собственных архивах толстенной папки выкраденных у Картера бумаг. Тем не менее, продолжает настаивать Герген, лично он к ним не притрагивался.

Кейси же и вовсе, выражаясь неким политическим жаргоном, стал на пути расследования каменной стеной. У директора ЦРУ, про которого вашингтонская обозревательница Мэри Макгрори пишет, что он назубок помнит курс биржевых акций, вдруг отшибло память. Никаких таких документов, которыми интересуется Элбоста, Кейси вроде бы и в глаза не видел и тем более не передавал их Бейкеру.

А что же тот, ради кого так старались его советники и приближенные? Рейган сперва попытался отмахнуться от этой истории репликой «много шума из ничего». Шума действительно много, причем он все нарастает, ибо буквально каждый день вскрываются новые подробности. Уже, например, очевидно, что, кроме упомянутого меморандума почти в триста страниц, три года назад из Белого дома в штаб-квартиру республиканской партии каким-то образом перекочевало пятьсот с лишним листов документов Совета национальной безопасности США под такими названиями, как «Военное превосходство», «Договор ОСВ», «Нейтронное оружие», «Американские заложники в Иране», «Оборона Персидского залива». Попали к соперникам по политической борьбе и многие памятные записки, составлявшиеся в тот период для вице-президента Мондейла. (Часть этих документов, что символично, была затем выужена из корзины для мусора.) Кроме того, стало известно, что Кейси, словно примериваясь к своей будущей должности, создал негласную сеть осведомителей из отставников Пентагона и ЦРУ, через которых наладил слежку за действиями и планами тогдашнего хозяина Белого дома.

Тут уж не скажешь, что дело выеденного яйца не стоит, тем более что уже не только уязвленные демократы, но и пресса стали все чаще проводить аналогии с уотергейтским скандалом. В обоснование таких параллелей «Уолл-стрит джорнэл» привела длинный список высокопоставленных сотрудников нынешней вашингтонской администрации, уличенных в коррупции. По этой причине, напоминает газета, ушли в отставку Аллен, Рид, Берфорд, Левелл, Канзери, в связях с мафией подозревался Донован, сомнительные биржевые сделки на счету Смита и Кейси.

В этих условиях Рейган выдвинул новый аргумент: мне, дескать, о действиях моих помощников не было ничего известно, ни на какие предосудительные поступки я их не подбивал... Те из здешних журналистов, кто подогадливее, мигом смекнули: президент опасается за свой столь лелеемый образ ходячей добродетели. Но и запасной довод оказался ущербным: ссылка Рейгана на неведение укрепила американских обозревателей, вроде Джозефа Крафта, во мнении, что руководитель теперешней администрации США не слишком-то утруждает себя делами, переложив бремя государственных забот на плечи подчиненных, и внимает только тому, кто ласкает его слух. А это с точки зрения шансов на переизбрание для президента недопустимый порок.

И вот Рейган дает публичный обет «докопаться до истины» и призывает на помощь министерство юстиции (под его началом

блюдет государственные устои ФБР). Более того, в пятницу, 8 июля, по своему обыкновению, отбыв на уикэнд в загородную резиденцию, президент по пути заглянул к собравшимся на утренний инструктаж подчиненным и произнес короткую речь, которую его пресс-секретарь тут же слово в слово повторил аккредитованным при Белом доме журналистам. «Мы хотим знать всю правду до конца,— заявил президент.— Пусть все в этой комнате и вообще в Белом доме крепко усвоят: мы ждем от них полной откровенности с ФБР... К тем, кто совершил что-либо предосудительное, будут приняты соответствующие меры».

После этого в окружении Рейгана с новой силой вспыхнули раздоры. Не секрет, что верхушку нынешней администрации давно раздирают распри, замешанные как на личных амбициях, так и на расхождениях во взглядах. Прагматикам вроде Бейкера и Гергена в Белом доме противостоят ортодоксы крайнего консерватизма (к ним относят советника президента Миза, главу Совета национальной безопасности Кларка, а также Кейси), для которых попытки считаться с реальными фактами граничат со святотатством. Открыто злорадствует по поводу неприятностей своих оппонентов Миз, а его единомышленники все громче требуют выбросить проштрафившихся за борт. При этом называют Бейкера, Гергена и Стокмэна, но не Кейси. Директор ЦРУ, как и во время предыдущих скандалов, вызванных его злоупотреблениями занимаемым положением, почитается в Белом доме за фигуру неприкосновенную. (Иначе думает Джозеф Крафт, охарактеризовавший американского разведчика номер 1 как лицо ниже подозрений, но его мнение в администрации не в счет.)

Под шум скандала стремится свести счеты и Аллен. Полтора года назад он сам оказался в центре скандала и был вынужден покинуть пост главы Совета национальной безопасности под грузом обвинений во взяточничестве. На чистую воду его вывел один из подчиненных — Дженнингс. Теперь, решил Аллен, пробил его час. Недолго думая, он вызвал охотящихся за сенсациями журналистов и показал пальцем на своего обидчика: вот, мол, разыскиваемый вами «крот» (так на здешнем жаргоне зовут шпионов, пробравшихся в лагерь врага). Дженнингс возмущенно оправдывается, и небезуспешно. Во всяком случае, пресса не верит, что такую уйму разнообразных материалов у администрации Картера мог стянуть один человек.

В чем средства массовой информации США не сомневаются, так это в том, что налицо — грубое попрание по крайней мере этических норм. По мнению журнала «Нью рипаблик», вопрос следует ставить так: имел ли место грабеж или мелкое воровство? Уже упоминавшаяся Мэри Макгрори не видит в этом особой разницы. Споря не столько с коллегами, сколько с представителями Белого дома, она высмеивает их ссылки на «незначительность» происшедшего. Эдак, по ее словам, и вор, обнаружив в украденном кошельке лишь мелочь, вздумает отвергать факт совершенного преступления.

И все же пока американцы реагируют на этот скандал довольно вяло. Причин тому немало. Если выделить главные, то придется назвать пассивность самой демократической партии. Элбоста, по сути дела, затеял расследование на свой страх и риск. Большинство же его коллег по партии, включая самую верхушку, явно не желают «раскачивать лодку», подразумевая под оной устои американского общества. В этом смысле классовые интересы берут верх над узкопартийными. Пусть уж, мол, лучше останутся у власти соперники-республиканцы, чем будет поставлена под вопрос сама монополия обеих буржуазных партий США на государственную власть. К тому же в памяти нации еще свеж уотергейтский скандал. С грехом пополам его удалось представить эдакой аномалией, и рецидив совсем не ко времени.

Другая причина того, что, читая про описываемый скандал, многие американцы позевывают — отсутствие новизны. Абсолютно прав в этом отношении пресс-секретарь Рейгана Спикс, пытавшийся отбиться от осадивших Белый дом журналистов фразой: «Все так делают». Несколько лет назад здешний публицист Виктор Ласки проиллюстрировал ту же мысль книгой «Это началось не с Уотергейта». Она убеждает, что век коррупции в Соединенных Штатах наступил задолго до того дня, как с ведома и благословения президента Никсона политическую жизнь Америки в особо крупных размерах захлестнули подкуп, обман, шпионаж. А недавно ученый-историк Джефри Доруорт установил, что за сорок два года до «Уотергейта» случилась история, до мельчайших подробностей напоминающая эпизод, который заставил Никсона выбирать между судом и отставкой.

Как и при «Уотергейте», раскрытый Доруортом казус произошел темной июльской ночью. В обоих случаях речь шла о проникновении группы взломщиков в офисы видных деятелей демократической партии. Совпадают даже имена их жертв (О'Брайен), а также то, что санкцию на противозаконную операцию дали президенты-республиканцы. Только один это делал в 1930 году, и звали его Гербертом Гувером, а второй — Ричард Никсон — прибег к аналогичному методу политической борьбы сорок два года спустя. «Политика — синоним стремления к власти,— свидетельствует Теодор Уайт.— Ради этого у нас готовы на все». Уайту нравы американской политики известны досконально: он бессменный летописец кампаний по выбору президентов США последней четверти века. А вот мнение человека, знающего тот же вопрос с изнанки. «Политические кампании — это война»,— утверждает Стивен Шейдегг, помогавший в 1964 году Голдуотеру в попытке попасть в Белый дом. Кабинет Шейдегга трижды взламывали, обыскам подверглась даже его корзина для мусора. Голдуотер вспоминает, что в его офисе была обнаружена подслушивающая аппаратура. Кандидата в президенты это нисколько не удивило. Он молча взял кусачки и обрезал плохо замаскированные провода.

Четыре года спустя жертвой подслушивания — ирония судьбы! — стал Никсон. Не отвадил от подобных приемов и уотергейтский скандал. В 1976 году перед национальным съездом демократической партии люди Картера носились с идеей организовать электронный шпионаж за его соперниками. На этом и многих других примерах видно, что республиканская партия вовсе не обладает монополией на известные методы политической борьбы. Тот же Картер (любивший, кстати, прикидываться праведником) еще в 1970 году, баллотируясь в губернаторы штата Джорджия, сформировал так называемую «вонючую команду», которой было поручено напропалую чернить других претендентов.

«Необоснованные обвинения, грязные слухи, клевета, подметная литература — все это было и есть составные части нашей политики»,— констатирует газета «Вашингтон пост». «Не только политики,— добавляет «Лос-Анджелес таймс».— То же творится в частном бизнесе, профсоюзном движении, других областях жизни». Словом, «так делают все». Расчет же на известный принцип «не пойман — не вор».

Поймают ли всех, кто выкрадывал из Белого дома и передавал в стан Рейгана бумаги администрации Картера? Конгрессмен Дон Эдвардс, возглавляющий в палате представителей комиссию по гражданским и конституционным правам, в этом отнюдь не уверен, хотя до войны сам служил в ФБР, которому, как помнит читатель, поручено разбирательство данного дела. Смущает его то, что надзор над расследованием осуществляет министр юстиции Смит, ранее состоявший личным адвокатом Рейгана и по-прежнему поддерживающий с ним дружеские отношения.

Деятели же демократической партии, заявившие претензии на должность главы Белого дома, тем временем ввели дополнительные меры предосторожности. Отныне все документы будут ими нумероваться и запираться на замок, а по использовании — отправляться под нож. За эталон, поясняет один из помощников сенатора Глекка, взяты правила, разработанные на сей счет большим бизнесом.

...После «Уотергейта» американские лингвисты зафиксировали примечательный феномен: слово, ставшее собирательным образом позорных сторон здешней политики, распалось на две половинки, причем вторая его часть обрела самостоятельную жизнь. «Гейт» стало суффиксом, в соединении с коим хорошо знакомые всем слова превращают в понятия, обозначающие очередной скандал.

«Обогатила» политический словарь Соединенных Штатов и администрация Рейгана. В апреле здешняя пресса писала про «киддигейт» (так нарекли историю с «киддиз» — детьми вашингтонских сановников, наводнившими главное пропагандистское ведомство Белого дома — ЮСИА). А теперь вот уже которую неделю с телеэкранов, газетных и журнальных полос не сходит «дебатгейт» — термин, вмещающий перипетии последнего по счету политического скандала в США.

Специально для «Огонька»

Вашингтон.

Георгий РОЗОВ

Фото автора

Все началось прозаично. Преподаватель английского языка в университете штата Мэн Артур Смит принес домой журнал «Тайм». На обложке был напечатан портрет Юрия Владимировича Андропова. Дочь Артура, пятиклассница Саманта, человек любознательный, тут же поинтересовалась:

— Кто это, папа?

— Новый советский руководитель.

— Папа, напиши ему и спроси, зачем русским нужна война.

— А ты напиши сама,— ответил Артур Смит.

И когда девочка принесла ему письмо, отцу ничего другого не оставалось, как приклеить на конверт марки и написать адрес: Москва, Кремль, Ю. В. Андропову. В ответном письме Саманта получила не только откровенные ответы на все свои вопросы, но и приглашение посетить Советский Союз.

И вот маленькая Саманта после короткого знакомства с Москвой смотрит мультфильмы про кота Леопольда на борту советского аэробуса Ил-86, летящего в Симферополь.

На костровой площадке «Артека» пионеры скандировали: «Са-ман-та! Са-ман-та!»

Поселили Саманту в лагере «Морской». В палате вместе с ней жили десять девочек. Ленинградка Наташа Каширина хорошо знает английский. С ее помощью легко преодолели языковой барьер. Не спали допоздна: велись диалоги, основанные на хорошо известном принципе: «У нас так. А у вас?»

— У нас в школе нет формы. А у вас?.. Кем работает твой папа?.. Крым похож на Манчестер. Там такие же сосны... Эскимо в Америке хуже... Очень хочется выучить русский.

Друзей дома у Саманты мало. Только две девочки. Любит она роликовые коньки и игру, напоминающую нашу лапту. Играет в лучшей школьной команде. Любимый предмет — правописание английского языка. Раньше училась очень хорошо, а теперь хуже. Трудно быть отличницей, когда тебя постоянно донимают журналисты и фотографы, узнают люди на улицах.

...Дни были расписаны по минутам. Утренняя зарядка, завтрак, заседание артековского штаба, экскурсия по лагерю, часочек на пляже, обед, конкурс рисунков на асфальте... И так все четыре дня. Был веселый праздник Нептуна, экскурсия по Крыму, карнавал с фейерверком, танцы, была и традиционная артековская бутылочная почта. Далеко в открытое море прогулочный катер увозил больше сотни ребят. Там каждый бросил в воду свою бутылку с запечатанным в ней письмом. Саманта написала: «Я надеюсь, что у нас у всех будет мир до конца нашей жизни». В этот день в адрес президента США из «Артека», уже обычной, а не бутылочной почтой ушло больше тысячи писем. Бекзат Джумбаев из Киргизии выразил свое заветное желание так: «Господин Рейган! Я хочу, чтобы на земле не рвались бомбы. Пусть всегда будет солнце!»

Было много подарков. Недорогих, от всей души. В прощальный вечер артековцы преподнесли Саманте пушистого медвежонка Аюдашку — символ «Артека». Симферопольский художник-любитель Федор Ульянович Жук вручил девочке ее портрет. А потом хором пели полюбившуюся гостье песню. Голос маленькой американки, усиленный микрофонами, старательно выводил: «Море седое, чайка седая. Морская душа, морская душа всегда молодая». Когда отзвучала песня, над притихшей костровой площадкой снова раздался звенящий от волнения голосок Саманты:

— Мне очень понравилось в «Артеке»! Я думаю, что мы останемся друзьями и через океан. Я бы очень хотела когда-нибудь вернуться в «Артек». Я люблю тебя, «Артек!»

Саманта стремилась быть как все

Я люблю тебя, «АРТЕК»!

Песню «Морская душа» Саманта пела по-русски.

На пляже.

Самый смелый «кавалер» пригласил маму Саманты Джейн Смит на вальс.

Славяногорский курорт　　　　Фото Н. Козловского

За меловым кругом

С. КАЛИНИЧЕВ

Она возникает вдруг — как мираж перед глазами изнуренного путника. Знойная степь, некогда шелестевшая седыми ковылями, полынью, а теперь распаханная, засеянная кукурузой да подсолнухами, плавящийся от жары асфальт и прибитые пылью придорожные посадки вдруг отступают, и вы оказываетесь в вековом лесу. Несколько километров машина петляет по лесу, а он взбегает на холмы, тянется все выше к небу, ненадолго расступается, чтобы открыть перед взором притаившееся в ложбине село да белую дорогу к нему.

Собственно, дорога меловая. Вон и обрыв издали кажется гигантской простыней. А вдали видны шатровые надстройки меловых шахт. Поднимаешься на гребень холма — и дух захватывает от развернувшейся панорамы. Глубоко внизу трется о подошвы белых гор, посверкивая на солнце, Северский Донец. Высится над ним памятник Артему, на другой вершине, как продолжение меловой скалы, купол церквушки, поднявшейся над монашескими пещерами бывшего монастыря. А дальше, насколько хватает глаз, зеленое море, утонувшие в садах улицы Славяногорска.

Конечно, на свете немало прекрасных уголков, но этот особенный, потому что оказался он в районе самой тяжелой, я бы сказал, тяжкой, индустрии. Если с горы Артема бросить мысленно взор за горизонт в любом направлении, то там окажутся в нескольких десятках километров отсюда угольные шахты Горловки, соляные шахты Артемовска, машиностроительные супергиганты Краматорска, металлургические заводы Константиновки, Енакиева, большая химия Лисичанска, Северодонецка, Рубежного... И этому списку нет конца. А здесь — курорт, и не какой-нибудь, а климатический, где сочетаются лесной и горный воздух, живая влага реки, живописные места для прогулок.

Ценность этого уголка природы возрастает еще и потому, что рядом находится Славянск с его рапными озерами и целебными грязями. Это позволило создать здесь мощный лечебно-оздоровительный центр с большим коллективом различных специалистов. Полноправный хозяин Славянского и Славяногорского курортов — профсоюзы, их территориальный Совет по управлению курортами. Заместитель председателя этого управления по медицинской части Римма Ивановна Витушкина рассказывает:

— В Славяногорске лечат легочные заболевания — бронхиты, хронические пневмонии, а также неврологические и сердечно-сосудистые болезни. Профсоюзные санатории принимают одновременно до трех тысяч больных. Еще эти места называют пионерской республикой. Каждое лето оживают разбросанные по лесу вдоль Северского Донца пятьдесят семь пионерских лагерей. Есть лесная школа. В нее направляют детей со слабыми легкими.

Широк лечебный профиль Славянского курорта. Ваш корреспондент слышал о различных, порою весьма необычных конкурсах и выставках, но вот о конкурсе... грязей — впервые. Оказывается, в дореволюционные годы, когда Славянский курорт еще не получил должного признания, в Бельгии проходила международная бальнеологическая выставка. Привезли туда грязь из местного озера, и ученые-медики присудили ей Большую золотую медаль.

Ныне курорт превратился в настоящую кузницу здоровья трудящихся. На основе достижений медицинской науки разработаны и внедрены до сотни новых методик диагностики и лечения. Впервые на курортах профсоюзов организована иммуно-аллергологическая служба, для расшифровки диагностических данных стали использоваться ЭВМ...

Конечно, курортное лечение, мягко говоря, несколько отличается от обычного отдыха, когда человек приезжает позагорать. Нередко больные поступают на этот курорт в колясках, а то и на носилках. Римма Ивановна, которая много лет назад попала сюда больной, так передала свои ощущения от грязевых аппликаций: «Как будто меня положили на тысячу горячих лягушек».

Но эти «лягушки», как и рапные, сероводородные, азотные, радоновые ванны и прочие процедуры, в руках опытных врачей делают свое дело. И если больной, доставленный на носилках, через месяц уходит на костылях,— уже достижение. Значит, через год, повторив курс, он уйдет, опираясь на палочку... Ежегодно здесь с ощутимым эффектом поправляют свое здоровье больше тридцати тысяч человек.

Во втором отделении санатория «Донбасс» я листал книгу отзывов. Она лежит в холле главного корпуса, где собираются больные посудачить, поиграть в шахматы... Отзывы в общем-то однотипные: «Спасибо врачам и сестрам...», «После Славянска я год работаю, не пользуясь бюллетенем...» Шахтный электрослесарь из Макеевки П. Г. Андреев написал пространнее. Он рассказал, как лечащий врач там, на шахте, предложил ему пройти ВТЭК и оформить инвалидность, как он по собственной инициативе приехал сюда и после курса лечения «...почувствовал пригодность к трудовой деятельности, познал радость выздоравливающего человека».

Подошла энергичного вида женщина, сказала:

— Тут каждый из нас такое написать может.

Мы познакомились. Клавдия Ивановна Артеменко — доярка из колхоза «Родина» Краснолиманского района. Она более десяти лет страдала радикулитом, уже бросала работу, но здешние грязи и рапные ванны исцелили ее. В разговоре выяснилось, что и ее муж Василий Михайлович, тракторист из того же колхоза, бывал здесь дважды и, по ее выражению, «как на свет народился».

К разговору присоединилась Галина Степановна Чукут — инженер-химик из Полтавы.

— Когда муж в первый раз попал в Славянск, совсем в плохом был состоянии. Не мог подойти к телефону, чтобы вызвать «Скорую». Упал на пол... Так его и подобрали санитары «Скорой». А тут ему — грязи, радон, подводное вытяжение... Сейчас все нормально, работает.

— А как вы себя чувствуете?

— На танцы по вечерам ходим.

Природная жемчужина Донбасса стала кузницей здоровья для десятков и сотен тысяч трудящихся. Ее развитию большое внимание уделяет Всесоюзный Центральный Совет Профсоюзов, который лишь за последние годы дважды принимал важные решения по развитию курорта, оснащению его всем необходимым. Это позволит лучше использовать богатства донецкой природы для блага трудящихся.

Оксана КОРНЕВА

Гастроли Ленинградского академического Большого драматического театра имени М. Горького стали не только творческим отчетом коллектива в Москве (была представлена почти вся его репертуарная афиша), но вылились в диалог со зрителем.

Дни эти совпали с большим событием в жизни страны: июньским Пленумом ЦК КПСС, на котором обсуждались вопросы идеологической, массово-политической работы партии. И естественно, что состоявшееся тогда же по Центральному телевидению выступление ведущего актера театра, народного артиста СССР, депутата Верховного Совета СССР Кирилла Лаврова, его слова об ответственности деятелей искусства перед народом стали как бы точкой отсчета итогов гастролей.

Вот уже почти тридцать лет во главе Большого драматического стоит Георгий Товстоногов, с его именем связаны многие победы коллектива, новаторское художественное исследование жизни, развитие и движение советского сценического искусства. Созвездие талантов собрано, вернее, выращено им.

Театр начал свои гастроли с высокой ноты — гражданской и художественной: Москва снова увидела «Перечитывая заново...» (сценарий для театра Г. Товстоногова и Д. Шварц, постановка Г. Товстоногова и Ю. Аксенова), спектакль, где точно найденный идейный стержень объединяет сцены из разных произведений о Ленине. И, конечно же, здесь прежде всего нужно сказать о Кирилле Лаврове, который внес в сценическую Лениниану свое весомое, значимое слово.

Какая тишина сопереживания царила в зрительном зале, когда шла подробная, развернутая сцена из «Гибели эскадры» А. Корнейчука, сцена прощания с кораблем: команда в последний раз драит палубу перед тем, как судно опустится на дно, гремит и лязгает прощальная медь морского оркестра, и медлят покидать трап матросы, навеки расставаясь с кораблем... Сцена эта следует сразу же после того, как мы увидели и поняли, сколь немыслимо трудно было Ленину отдать приказ о потоплении Черноморской эскадры, чтобы она не попала в руки врага.

Единство Ленина и народа особенно проявлялось, подчеркивает спектакль «Перечитывая заново...», в поворотные, трагические минуты истории. Это чувство, объединяя сцену и зрительный зал, рождало сегодня диалог понимания.

Всего единожды были сыграны в этот раз горьковские «Мещане». И как это жаль! Ведь посмотреть спектакль стремились не только те, кто видел его много лет назад, чтобы удостовериться в его живом бытии, но и новое поколение зрителей, для которых «Мещане» в Большом драматическом лишь прекрасная театральная легенда.

Чувство, охватившее тебя на этом спектакле, сродни тому, что испытываешь, когда после многих лет перечитываешь произведение, неоспоримые классические досто-

инства которого, уже чуть стертые ворохом новых впечатлений, вдруг открываются тебе в иной глубине, сильно и свежо.

Время внесло в спектакль свои перемены (семнадцать лет прошло после его премьеры!), но перемены не разрушительные, напротив, созидательные, потому что основа, заложенная при его рождении режиссером, определила дальнейший рост и развитие, обретение новых связей с современностью. И снова мы поражались уникальности художественно-исследовательской работы Евгения Лебедева, мощи его таланта в роли Василия Бессеменова. Ушел из жизни прекрасный актер Павел Панков, игравший Тетерева, а Владислав Стржельчик внес в исполнение этой роли такой неожиданный оттенок, что определилось новое содержание образа. Сквозь неухоженную привлекательность этого Тетерева проглядывает и горькая неприкаянность и сила натуры, в которой остро, зло и романтично живет чувство протеста против затхлого существования обитателей дома Бессеменова. Страстная непримиримость к серой и пустой жизни, из которой ему уже не вырваться, неудавшаяся, несчастная любовь к Поле делают этого Тетерева героем поистине трагическим и неожиданно романтическим, более притягательным, чем Нил, который не только дерзок и вызывающ, но и безжалостно жесток по отношению к приемным родителям. А как углубились отношения между Бессеменовым Евгения Лебедева и Петром Владимира Рецептера. То, что этот Петр уже немолод, подчеркнуло его сходство с отцом, его духовную немощь, обнажило то, что заставит его в недалеком будущем отказаться от всякого бунтовства и сдаться, чтобы жить совсем по-бессеменовски.

...И снова кружится в конце спектакля в темноте Татьяна, ловит летающую по комнате моль и застывает с поднятыми вверх руками, как бы в мольбе о помощи. Вместо Эммы Поповой, так замечательно игравшей эту роль,— ее Татьяна, большая, медленная, с тяжелой, но неслышной походкой, была самим порождением «бессеменовщины»,— в спектакль вошла Лариса Малеванная, своей хрупкостью, беззащитностью подчеркнувшая эгоистический практицизм Нила.

Что же делает произведение классики современным? Вопрос этот никогда не теряет остроты, так как ответ на него неоднозначен.

Интерпретацию классики Г. Товстоноговым отличает новаторский подход, он соединяет в себе следование традициям русского театрального искусства, развитие их и непременное смыкание контекстов времени — прошлого, когда было написано произведение автором, и сегодняшнего, которое и заставило режиссера обратиться к этому и только этому произведению.

«Дядя Ваня», поставленный Г. Товстоноговым недавно, вызвал у некоторых критиков неприятие отсутствием новизны. Действительно, неброский художественный стиль этого спектакля восходит к мхатовским постановкам Чехова с их изумительными подробностями жизни, создававшими атмосферу действия. Но как странно вменить эти достоинства в вину спектаклю, так странно и не заметить за неброскостью, затаенностью его то новое, что таит в себе настоящий взрыв. Прежде всего это трактовка образа дяди Вани. Иван Петрович Войницкий предстанет перед нами не только раздраженным, выбитым из привычной колеи, пораженным любовью к Елене, но, главное, уже отчаявшимся от осознания никчемности, бесплодности своей жизни. Крушение светлой, талантливой личности сыграл Олег Басилашвили. А что он таков, мы узнаем не из вырвавшихся во время его «бунта» немного смешных слов, что в нем-дэ погиб Достоевский и Шопенгауэр: его человеческий масштаб открывают любовь к Елене, сила и глубина чувства. Духовность, изящество его внутреннего мира не в силах скрыть ни нелепость, ни небрежность, ни провинциальная одичалость его облика.

Мы не знали и такой Елены Андреевны. Право, когда иная исполнительница говорила: «Я... застенчива»,— верилось с трудом: «роскошная женщина», «русалка» заслоняла это свойство. Елена Андреевна Ларисы Малеванной тиха, застенчива, надломленна. Она, обманутая когда-то красивыми словами Серебрякова, превращена в безропотную сиделку при ворчливом, амбициозном старике. Новаторски решенная ночная сцена у рояля раскрывает нам и прелесть этой хрупкой, робкой женщины и гибнущее богатство ее внутреннего мира.

...Только что отгремела очистительная гроза, из окна льется свежий воздух. Тихо, неподвижно, сложа руки на коленях, сидит Елена, ждет Соню, которая пошла спросить у профессора разрешения сыграть на рояле. Как мы знаем, разрешения не будет. Но до того, как вернётся Соня с профессорским «нельзя», мы все же услышим музыку, которая заполнит темную гостиную и зрительный зал. И мы понимаем режиссерскую метафору: это звучит сама душа Елены. Какое богатство, какой талант гибнет!

Спектакль Большого драматического утверждает ценность каждой человеческой жизни, взывает к милосердию — в этом его современное звучание. И как ни странно, но эта тема задевает и Серебрякова. Нелепый в своих притязаниях на особую интеллектуальность и значимость, Серебряков Евгения Лебедева, неумный, больной, никем не любимый старик, все же вызывает наше сочувствие. Так неприютно, как на острове, сидит он ночью в своем кресле посреди комнаты, так равнодушно терпелива к нему жена, так открыто раздражены Соня, Астров, дядя Ваня, что в нас рождается чувство неловкости, сострадания. И поразительное единодушие охватывает зрительный зал, и он разражается аплодисментами, когда Серебрякова, истерзавшего, измучившего всех своими придирками, уводит с уговорами, ласково обняв, нянька Марина, сердечно сыгранная Зинаидой Шарко.

Именно в этом спектакле нам наконец-то становятся понятны отношения Астрова и Сони. Этот Астров (Кирилл Лавров), суховатый, деловой, рациональный в понимании безнадежности своего положения, по-дружески очень нежен к Соне, девочке, выросшей на его глазах. Он то шутливо нахлобучит ей шляпу на глаза, то обнимет легонько за плечи, привлечет к себе по-приятельски: женского смятения Сони он не видит.

Расходятся в финале спектакля сквозные деревянные стены дома, и закружатся, закружатся странные голые деревья. Что хочет сказать этим символом режиссер? Останутся в кругу своих безрадостных забот герои, но останется в них и человеческое достоинство, и стойкость, и осознание необходимости жить...

Внимание к человеку, сочувствие к нему, сострадание — эта тема, решаемая от противного, возникнет и в «Кроткой» Ф. Достоевского, поставленной в Большом драматическом Львом Додиным (по собственной, очень подробной инсценировке). Мне приходилось слышать, что-де Олег Борисов — актер, который «все может». И даже соглашаясь с этим, удивляешься, как хватило ему душевной страсти, силы, чтобы провести мучительнейший монолог-исследование, монолог-исповедь, монолог-самоанализ человека, который довел обожаемое им существо, свою жену, до самоубийства. Физическое и нравственное изнеможение, которое испытывает герой Борисова, настолько велико, что спектакль-монолог обращается в диалог, рождая в нас, зрителях, присутствующих на спектакле, ответную реакцию признательности от соприкосновения с щедростью актерского таланта. Глухота к жизни, желаниям других людей и косная привычка все непонятное тебе считать чужим и враждебным — разве не было это причиной многих и личных и общественных трагедий? И эта мысль «Кроткой» Большого драматического настойчиво стучится в наше сердце.

Уже восьмой год идет на сцене театра «История лошади» (по повести Л. Толстого «Холстомер»). Экспериментальная, несколько выпадающая из стиля театра, известного своим безукоризненно корректным отношением к произведениям классики, пьеса М. Розовского могла некоторых и шокировать. Но прошло время, и мощный гуманистический заряд, сообщенный режиссурой Георгия Товстоногова, личность и психологический талант Евгения Лебедева снивелировали этот небесспорный слой пьесы. Условность, наполненная высоким реализмом, правдой жизни, обрела масштаб символа. К истинной человечности, к состраданию ко всему живому на земле взывает и этот спектакль.

Пьеса П. Шеффера «Амадеус» уже вызывала упреки многих. Однако нельзя не признать, что в любой другой стране ее несомненные профессиональные достоинства могли быть оценены довольно высоко. Но играть в России эту историю Моцарта и Сальери, когда у нас есть столь совершенное произведение, как пушкинская трагедия — гениальная концентрация философии и драматизма, — несколько странно. Но, признавался сам режиссер, его привлекла иная версия отношений Моцарта и Сальери, иная версия смерти гения, не прямого физического его уничтожения, но «сальеризма нравственного»: Моцарт доведен до гибели рядом поступков, серией предательств Сальери. И, как бы предуведомляя все возможные упреки в обращении к пьесе англичанина, Товстоногов открыто определяет пафос спектакля, его направленность пушкинским эпиграфом, который звучит вначале: «Гений и злодейство две вещи несовместные»...

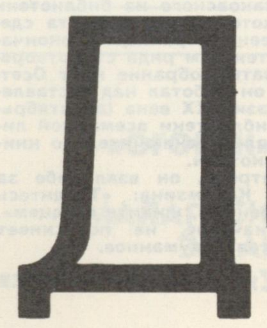
Сальери Владислава Стржельчика предстает в двух ипостасях — неряшливого старика, уничтоженного своим злодейством и пытающегося найти себе оправдание перед судом совести и истории, и блистательного музыканта-царедворца, снедаемого смертельной завистью к волшебному дару. А Моцарт Юрия Демича, актера, чье имя все чаще упоминается наряду с именами мастеров театра, поистине пушкинский Моцарт — он и «гуляка праздный» и гений, познавший изнурительный труд и полет вдохновения.

Спектакль этот как бы создан по законам музыкального произведения: монологи, диалоги героев выстраиваются как арии, ариозо, дуэты оперы, а жеманное равнодушие атмосферы двора австрийского императора, затейливая пышность его рождены звуками легкомысленной барочной музыки.

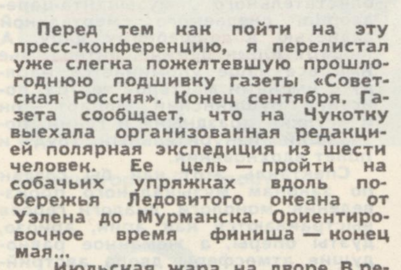
У нас еще на памяти блистательные обращения Большого драматического к национальной драматургии: «Ханума», где покоряла нас озорством, юмором прелестная Людмила Макарова; «Я, бабушка, Илико и Илларион» с незабываемым Ефимом Копеляном. И вот снова Грузия — «Мачеха Саманишвили». Но, увы, пьеса, которую на этот раз написали Б. Рацер и В. Константинов по одноименной повести Д. Клдиашвили, не глубока. Ни легкий, светлый юмор, вложенный в постановку Г. Товстоноговым, ни азарт Андрея Толубеева, ни грустная проникновенность Зинаиды Шарко не помогли обрести спектаклю достоинств, которых мы были вправе ожидать. Хотя, конечно, нельзя не видеть, с какой уверенностью набирает мастерство Толубеев, как неожиданно выступила молоденькая Н. Акимова в роли столетней, скрюченной тетушки Кэто.

И, к сожалению, приходится признать, что спектакли на современную тему — «Кафедра» В. Врублевской и «Жестокие игры» А. Арбузова (поставленные М. Резниковичем и Ю. Аксеновым) ни в коей степени не восполнили потребности зрителя увидеть на сцене театра человека наших дней столь же крупно, объемно и масштабно, как это было в произведениях классики. Винить в этом лишь театр, конечно, нелепо. Отставание драматургии никто не будет отрицать. И все же поиск современного героя, которым театр продолжит свой диалог со зрителем, необходим. Мы ждем его.

гастроли

ИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

Смелый эксперимент

Б. СМИРНОВ

Перед тем как пойти на эту пресс-конференцию, я перелистал уже слегка пожелтевшую прошлогоднюю подшивку газеты «Советская Россия». Конец сентября. Газета сообщает, что на Чукотку выехала организованная редакцией полярная экспедиция из шести человек. Ее цель — пройти на собачьих упряжках вдоль побережья Ледовитого океана от Уэлена до Мурманска. Ориентировочное время финиша — конец мая...

...Июльская жара на дворе. В редакционном зале «Советской России» прежде всего замечаешь огромную карту страны. Вдоль всего арктического побережья — тонкая ломаная красная линия, она идет то по самой кромке континента, то удаляется от берега океана... Маршрут! Более десяти тысяч километров полнейшего бездорожья в полярной тундре, морозов, снегов, ледяных ветров, безлюдья... Одна только эта карта с красной маршрутной ниточкой ошеломляет, поражает сложностью и, можно сказать, грандиозностью экспедиции. Трудно было бы поверить, что такое возможно, если бы здесь же, за столом, не сидело шестеро мужчин — не гигантов саженного роста, не крутоплечих богатырей, а вполне обычных с виду наших современников... Вот только загар, темный, не южный, и густые бороды с усами (правда, кое-кто из шестерых их уже сбрил), и следы огромной усталости в глазах, которую, конечно, не снимешь за одну неделю после финиша.

Здесь же в зале — «вещественные доказательства»: деревянные нарты руководителя экспедиции, научного сотрудника одного из институтов Свердловска Сергея Соловьева. На нартах табличка: «Скорость — 10 км/час. Грузоподъемность — до 250 кг. Заслон от пурги, место ночевки». Члены экспедиции уже в начале пути отказались от палатки и спальных мешков, ночевали по-северному — прямо в снегу, завернувшись каждый в свою меховую малицу. Варежки другого участника экспедиции — журналиста Ю. Борисихина — все изодраны острыми собачьими зубами: при кормежке, как написано на табличке, трудно увернуться от снайперских бросков мощных эскимосских псов. Топор, которым, как написано, было разрублено, разбито, раскрошено около пятнадцати тонн мороженой рыбы, оленины, мяса тюленей и китов, короче, основного питания людей и собак: опять же в начале пути было решено отказаться от... горячей пищи, перейти, по способу охотников и оленеводов, на сыроедение, и это решение было единственно верным в условиях полярного маршрута. Только так смогли они выдержать восемь месяцев непрерывного движения, арктического холода, тяжелейшей физической работы и потеряли в среднем только по 10—11 килограммов собственного веса. Кроме того, врач экспедиции В. Рыбин в самом конце экспедиции в научных целях провел пятнадцатидневную голодовку и подтвердил этим доводы о поистине безграничных возможностях человека. А вот попертая, чиненная-перечиненная собачья упряжь: большинство из четырех с лишним десятков собак, купленных на Чукотке, дошли, довезли экспедицию до Мурманска, с честью подтвердив давнюю славу лучших ездовых собак мира. Каюр экспедиции (учитель по профессии) Ф. Ардеев не нахвалится своими подопечными... Даже космонавты, с которыми участники похода недавно переговаривались во время радиосеанса, интересовались с орбиты судьбой собак из упряжки, и участники экспедиции пообещали им по возвращении подарок... Впрочем, это пока секрет.

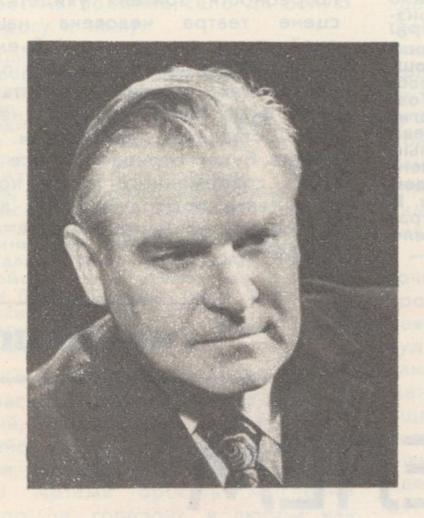
Зачем был нужен этот сложнейший поход, этот прекрасно подготовленный, четко проведенный, но все же очень рискованный эксперимент? Об этом много говорили на пресс-конференции и ее герои, и пришедшие сюда ученые, и известные полярники, и знаменитые летчики — в общем, люди, знающие цену риску и мужеству. Не ради рекордов, а для утверждения силы и возможности человека; для более углубленного, детальнейшего изучения нашего Севера; для подтверждения вечной мысли о том, что время подвигов, открытий, смелых экспериментов никогда не проходит...

На снимке: участники экспедиции и ее вдохновитель, знаменитый полярник И. Д. Папанин в день финиша в Мурманске.

Фото Э. Жигайлова

ПРИТЯЖЕНИЕ ТАЛАНТЛИВОЙ ДУШИ

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Е. И. ОСЕТРОВА

Трудно представить сегодня жизнь литературной и книжной Москвы без Евгения Ивановича Осетрова, известного писателя, исследователя, истолкователя литературы, одного из виднейших наших библиофилов. Седовласый, энергичный, подтянутый, легкий на подъем человек — он неизменный председатель интереснейших собраний в клубе книголюбов Центрального Дома литераторов. Многим москвичам знаком его облик, характерный доброжелательный жест, несколько приподнятая, ораторская манера речи, придающая многообразным и многоцветным собраниям книжников некую торжественность. При всем при этом Евгений Иванович серьезный и неутомимый работник в литературном деле. Именно ему принадлежит идея и осуществление этой идеи — создание новейшего «Альманаха библиофила», который выходит вот уже десять лет и стал весьма авторитетным изданием у нас в стране и за рубежом.

Кроме руководства «Альманахом библиофила», Осетров еще и заместитель главного редактора теоретического журнала «Вопросы литературы» и весьма активно работающий писатель-исследователь. На редкость собранный, глубоко оптимистичный, преданный избранному делу, он умеет и в окружающих вселить веру в то, что нет невыполнимых дел. «Надо мечтать,— любимое присловье Евгения Ивановича,— сильно мечтать и осуществлять мечту». О нем можно сказать: мечтатель и работник. И это будет подлинная правда. Он давно уже москвич, но в нем сильна и память богатой книжными и театральными традициями его родной Костромы. Этот «костромской корень» всегда ощутим и в характере и в деятельности писателя.

Все написанное Евгением Ивановичем можно объединить названием одной из его книг — «Познание России» («Познание России — увлекательнейшая из наук»,— писал А. М. Горький). Сюда относятся и такие произведения, как «Книга о русской поэзии» и книга о первопечатнике Иване Федорове, «Человек-песня» (о М. В. Исаковском) и «Поэзия русского пейзажа», роман-исследование «Три жизни Карамзина» и научно-публицистический фильм «Зайдем к Смирдину», снятый по сценарию Осетрова... Особое место в творчестве писателя занимает, на мой взгляд, книга «Мир Игоревой песни» (уже вышедшая вторым изданием), замечательное произведение по охвату материала, цельности выражения, страстности авторской речи. Это книга человека, влюбленного в отечественную культуру.

Здесь нельзя не вспомнить о его многолетней дружбе с такими выдающимися мастерами нашей литературы, как Леонид Леонов и Михаил Исаковский... Помню, с каким интересом читал я в «Правде» очерк «Златоцвет», написанный в соавторстве Л. Леоновым и Е. Осетровым. А как волнующе перелистывать том стихотворений Исаковского из библиотеки Осетрова — книгу, в которой рукой поэта сделаны поправки и вклеены страницы с окончательным рукописным текстом ряда стихотворений! Вообще, надо сказать, собрание книг Осетрова такое, что когда он работал над составлением тома русской поэзии XX века (дооктябрьского периода) для «Библиотеки всемирной литературы», то пользовался исключительно книгами собственной библиотеки.

Судя по жизни Осетрова, он взял себе за правило слова Н. М. Карамзина: «Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем».

Пусть продлится начатое, не потускнеет свершенное и свершится задуманное.

Владимир ЛАЗАРЕВ

Судейская галантность.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

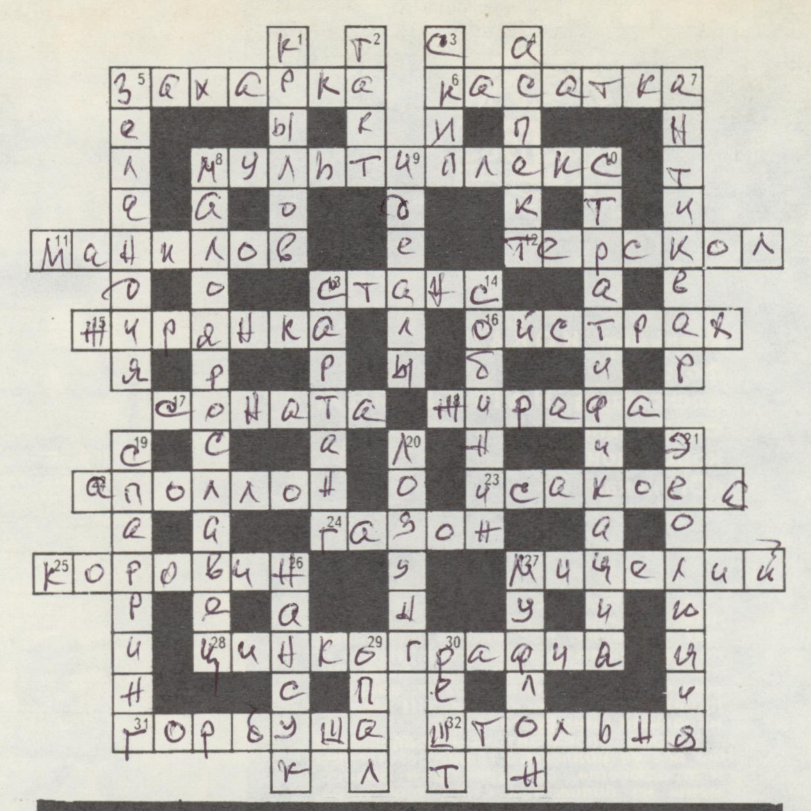
Персональный транспорт.

Каждый болеет за свою команду.

Рекордный вес.

Прыжки в воду.

В № 31
«ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ ПЕЧАТАТЬ
ПОВЕСТЬ
МАЛАГАСИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
Э. РАНДРИАМАМУНДЗИ
«УТРО ПРИДЕТ».

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Портрет крестьянского мальчика, нарисованный А. Г. Венециановым. 6. Деревенская ласточка. 8. Универсальный оптический прибор для создания топографических карт по аэрофотоснимкам. 11. Персонаж произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души». 12. Ледник на склоне Эльбруса. 13. Строфа, содержащая законченную мысль. 15. Насекомоядное растение. 16. Скрипач, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 17. Жанр камерной музыки. 18. Парнокопытное животное, обитающее в саваннах Африки. 22. Малая планета. 23. Советская спортсменка, неоднократная рекордсменка и чемпионка мира в скоростном беге на коньках. 24. Участок земли с искусственным травяным покровом. 25. Русский живописец. 27. Грибница. 28. Способ изготовления клише. 31. Лососевая рыба. 32. Подземная горная выработка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский баснописец. 2. Форма и единица музыкального метра. 3. Автоматически разгружающийся ковш для подачи руды, угля. 4. Определенная точка зрения. 5. Остров в составе Дании. 7. Знаток и собиратель старинных книг, картин. 8. Город в Калужской области. 9. Симфоническая поэма Ф. Листа. 10. Прием подготовки семян древесных пород для ускорения прорастания. 13. Река в Якутии. 14. Действующее лицо в опере М. И. Глинки «Иван Сусанин». 19. Тренировочный бой в боксе. 20. Призыв, кратко выраженная руководящая идея. 21. Историческое развитие живой природы. 26. Хлопчатобумажная ткань. 27. Дикий баран. 29. Минерал, драгоценный камень. 30. Город на севере Ирана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Сиверко». 4. Романистика. 6. Кладно. 7. Сиенит. 9. Крабб. 11. Хлопок. 12. Всходы. 13. Запятая. 14. Кизильник. 15. «Колодники». 17. Андижан. 18. Штанга. 19. Квинта. 20. Кроль. 21. Ректор. 23. Лаклан. 24. Ратификация. 25. Волопас.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Самбо. 2. Егиазарян. 3. Оникс. 4. Радиопеленгатор. 5. Александровская. 6. Культиватор. 8. Таджикистан. 9. Крапивник. 10. Благодать. 16. Чиполлино. 22. Ротов. 23. Лацис.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Эмблема Спартакиады народов СССР.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Славяногорский курорт. На пляже. (См. в номере материал «За меловым кругом».)

Фото Н. Козловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 04.07.83. Подписано к печати 19.07.83. А 06141
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 832 000 экз. Изд. № 1656. Заказ № 893.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Владимир КОВАЛЕВ, фото Александра НАГРАЛЬЯНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Тамара Макарова, Людмила Гурченко, Николай Крючков, Зинаида Кириенко, Даниэла Хофманн (ГДР), Михаил Глузский на открытии XIII Московского международного кинофестиваля.

ЖИЗНЬ ПО МО

Радж Капур с сыновьями: «Нам нравится Москва!»

— Мы родились и выросли в разных странах, в различных социальных условиях. Нас многое разделяет, но мы нашли общий язык. И это — язык мира и дружбы,— сказала Юнжив Оуюнцэцэг из Монголии, впервые приехавшая в Москву на XIII Международный кинофестиваль.

Уверен, слова актрисы поддержали бы все ее коллеги, а также режиссеры и продюсеры, сценаристы и бизнесмены из более чем ста стран мира, которые на две недели перевели свои часы на московское фестивальное время.

Ежедневно в десять утра стартовали «Икарусы» от штаб-квартиры фестиваля — гостиницы «Россия», увозя гостей на экскурсии. Состоялись радушные встречи в подмосковном колхозе имени М. Горького и на станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе, традиционное чаепитие на киностудии «Мосфильм» и знакомства в Звездном городке... Когда они собирались вместе, чтобы поделиться впечатлениями, выглядели живописно, празднично и деловито. Вооруженные фотоаппаратами и кинокамерами, напоминали большую съемочную группу, которая приготовилась снимать фильм о советской столице.

Но фестиваль — это и напряженные рабочие будни. Их строгому ритму подчинены были ежедневные просмотры в трех конкурсах: художественном, короткометражном и детском. Словно чуткий барометр, отреагировал киносмотр в Москве на важные тенденции в прогрессивном кино планеты. И емкий его девиз «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!» стал как бы эпиграфом к фильмам о борьбе палестинского народа за самоопределение; лентам, посвященным героическим патриотам Сальвадора; кинорассказам об отстаивающем завоеванную свободу народе Никарагуа и борцах против апартеида в Южно-Африканской Республике.

Нет, не зеркалом жизни называем мы свой фестиваль—увеличительным стеклом. Нельзя при этом не отметить дух злободневной кинопублицистики, пронизывавшей большинство лент как конкурсного, так и внеконкурсного показа. Смело утверждаю: с первых дней фестиваля главные его акценты сместились в сторону кино документального. В тревожное, чреватое военными опасностями время люди всего мира требуют правды и ждут ответа на вопрос: «Кто повинен в гонке вооружений?» Прогрессивный кинематограф отвечает на вопрос граждан планеты Земля. Один из таких фильмов-ответов — «Америка от Гитлера до ракет МХ», снятый режиссером Театра политической сатиры в Нью-Йорке Джоан Харви.

— Работая над фильмом, я убедилась, что в политике США имеет место непрерывное противодействие успехам социализма,— сказала она мне.— Со всей очевидностью оно проявилось в поддержке, оказанной в свое время Гитлеру. Варьируясь и изменяясь, приобретая все новые политические формы, ненависть к социализму не только дожила до наших дней, но и воплотилась в пресловутую доктрину «первого удара».

Пересказ всех событий тринадцатого Международного не укладывается в рамки короткого репортажа. Флаг фестиваля только что опустился, но долго еще его силовое поле будет держать в напряжении непосредственных участников и гостей кинофорума.

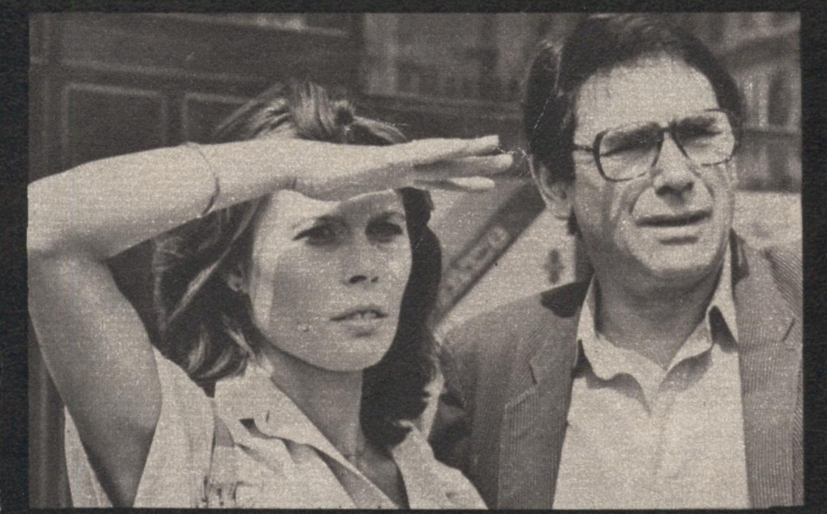
Жаль расставаться с праздником. И, прощаясь, мы говорим ему: «До встречи через два года!»

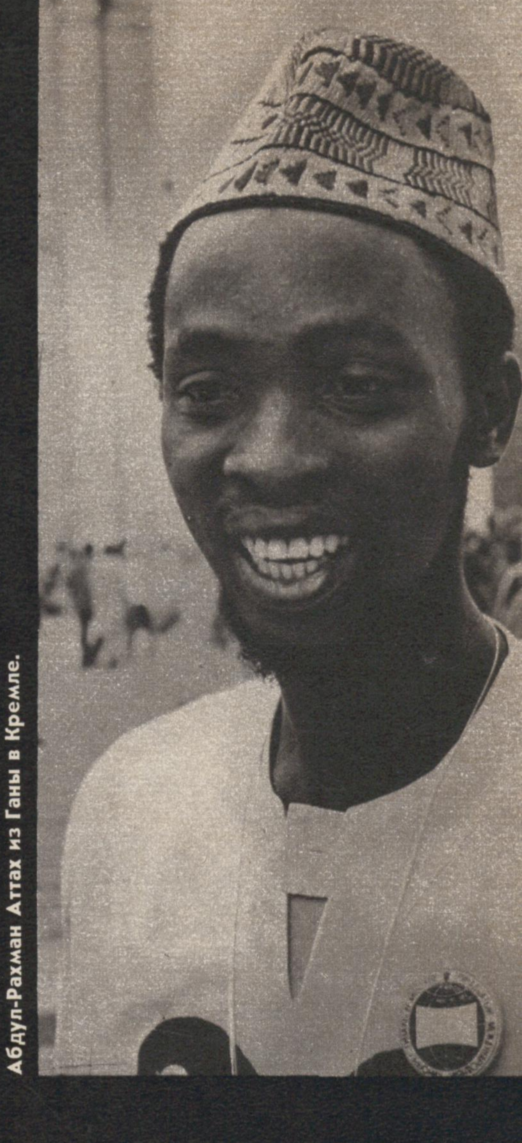

Эльдар Рязанов, Никита Михалков и Олег Янковский — друзья и коллеги.

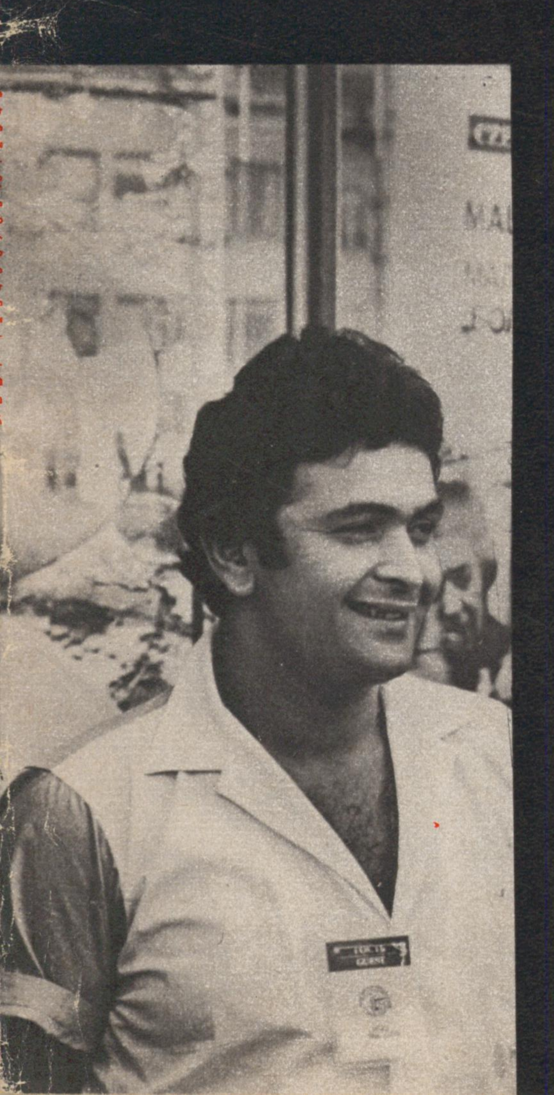
Режиссер французского конкурсного фильма «Отверженные» Робер Оссейн со своей женой актрисой Кандис Пату.

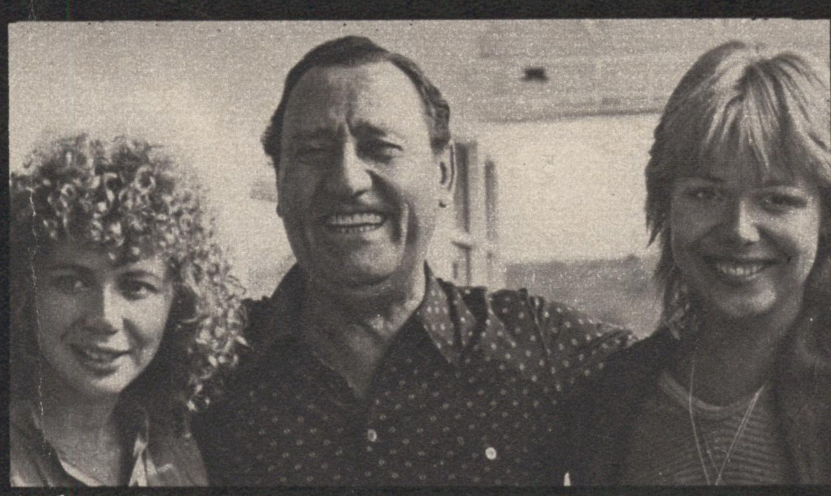

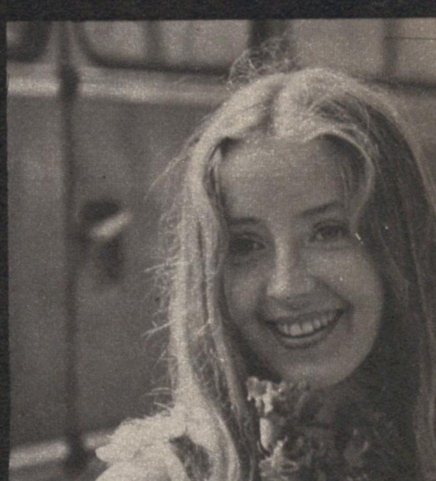
Абдул-Рахман Аттах из Ганы в Кремле.

СКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ

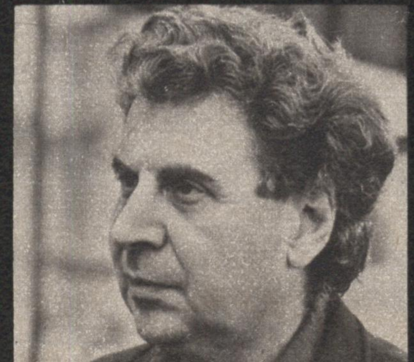

Альберто Сорди (Италия) с актрисами Кати Эгри (Венгрия) и Дагмар Вешкрновой (Чехословакия).

Актриса Божена Адамкувна (Польша).

Гость фестиваля — греческий композитор Микис Теодоракис.

На киностудии «Мосфильм». Гадале Губара из Судана выучил русский танец.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663